

Множественные убийства: природа и причины

Ю.М. Антонян

**МНОЖЕСТВЕННЫЕ УБИЙСТВА:
ПРИРОДА И ПРИЧИНЫ**

Москва
Логос
2012

УДК 343.6
ББК 67.51
А72

Антонян Ю.М.

А72 Множественные убийства: природа и причины: монография / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2012. – 208 с.

ISBN 978-5-98704-631-9

Рассматривается малоизученная, но весьма опасная группа преступлений – множественные убийства, когда убивают трех и более человек. Для России с ее высоким уровнем насилия это более чем актуальная проблема, требующая научного объяснения и на этой основе принятия необходимых предупредительных мер. Работа построена на конкретных эмпирических материалах, в том числе выборочных статистических данных, изучения уголовных дел и личности преступников, совершивших множественные убийства. Дается типология таких преступлений, тщательно описан каждый тип, особое внимание уделено причинам столь опасного преступного поведения, в связи с чем исследуются такие явления, как садизм и некрофилия. Анализируются факторы, способствующие множественным убийствам.

Для научных и практических работников, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических высших учебных заведений.

УДК 343.6
ББК 67.51

ISBN 978-5-98704-631-9

© Антонян Ю.М., 2012
© Логос, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Множественные убийства в России	15
1.1. Понятие и типология множественных убийств	15
1.2. Сравнительные данные о лицах, совершивших множественные и иные убийства	31
Глава 2. Множественные убийства, совершаемые организованными группами и преступными сообществами	46
2.1. Банды и бандитизм	46
2.2. Преступные сообщества.....	64
Глава 3. Множественные террористические убийства	77
Глава 4. Общие подходы к объяснению множественных убийств	91
Глава 5. Садизм и некрофилия как детерминанты множественных убийств	115
5.1. Эволюция понятий «садизм» и «некрофилия»	115
5.2. Несексуальный садизм и некрофилия.....	127
5.3. Генрих Гиммлер – классический пример некросадизма.....	148
Глава 6. Особые состояния множественных некрофильских убийц и отчуждение личности	159
6.1. Особые состояния множественных некрофильских убийц в свете виртуалистики и учения об аффектах.....	159
6.2. Особые состояния множественных некрофильских убийц и отчуждение личности	174

Глава 7. Условия, способствующие множественным убийствам	189
7.1. Общие сведения.....	189
7.2. Алкоголизм и наркомания, алкогольное и наркотическое опьянение.....	191
7.3. Недостатки и упущения в деятельности по борьбе с организованной преступностью.....	194
7.4. Ненадлежащее реагирование на конфликты в семейно-бытовой сфере со стороны правоохранительных органов и общественных организаций.....	197
7.5. Недостаточная психиатрическая помощь лицам, которые могут совершать множественные убийства.....	199
Заключение	202

Горе городу кровей!
Весь он полон обмана и убийства;
не прекращается в нем грабительство.
Наум, 3:1

Ибо Я слышу голос как бы женщины в родах,
стон как бы рождающей в первый раз,
голос дочери Сиона, она стонет, простирая руки свои:
«О, горе мне! Душа моя изнывает пред убийцами».
Иер., 4:31

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 ноября 2010 г. в мало кому известной станице Кушеская Краснодарского края произошло убийство двенадцати ни в чем не повинных людей, в том числе детей. Это событие буквально потрясло Россию, о нем писали и говорили руководители страны, журналисты, политические деятели, рядовые граждане. Не может пройти мимо таких явлений и юридическая наука, она должна охватить, описать и объяснить не только этот страшный случай, но и все подобные ему. Их в нашей стране, к несчастью, немало, причем я имею в виду не только маниакальные сексуальные преступления, совершаемые серийно, но и все другие множественные убийства, происходящие одновременно или в разных эпизодах.

Я хочу сказать, что в криминологии должна быть четко обозначена проблема множественных убийств, характерная для преступности самых разных стран и самых разных эпох. Люди всегда были склоны к убийству многих, причем не только на войне или на завоеванной территории; потом общество иногда спохватывалось, горько корило себя и клялось больше не допускать такого. Но проходило некоторое время и подобные преступления совершались вновь.

Под множественными убийствами я предлагаю понимать серийное и одномоментное преступное лишение жизни трех и более человек; убийства двух человек следует отнести к категории неоднократных, хотя и они по многим своим характеристикам неотличимы от множественных. Думается, что множественные преступления такого рода отличаются от массовых, которые совершаются на войне или во время революции, в концлагерях или в отношении военнопленных. Массовое убийство предполагает посягательство на жизнь действительно массы людей — многих десятков, сотен, тысяч, миллионов, как это делали большевики и нацисты, китайские и кхмерские коммунисты, делают современные террористы.

Множественные убийства обычно вписываются в образ и стиль жизни человека, подчиняют себе его помыслы, интересы, общение, даже род занятий. Образно говоря, во многих случаях смерть убиваемых становится жизнью убивающего, подчас играя в ней определяющую роль. Такой убийца превращается в служителя смерти, которая становится для него чем-то исключительно притягательным явлением, и иногда трудно решить, ради чего совершено убийство: чтобы лишить человека жизни или чтобы отдать его смерти, или для того и другого одновременно. При всех вариантах серийный и многоэпизодный убийца — это принципиально иной тип личности, аналог которого невозможно найти среди других преступников. Глубокое научное познание его имеет, по-моему, исключительное значение для науки и практики, поскольку в фокусе исследований оказываются самые странные, самые необычные и самые

страшные люди – убийцы, большинство из которых являются некрофилами.

Они резко выделяются даже среди других убийц, в первую очередь среди тех, которые совершили убийство лишь единожды – в острой конфликтной ситуации, из ревности или зависти, в хулиганских драках, под влиянием своих сверстников в молодежных группах и т.д. Ряды же некрофильских личностей составляют так называемые сексуальные маньяки, совершившие несколько изнасилований и убийств, разбойники, постоянно убивающие тех, кого они грабят, наемные убийцы и палачи, террористы, виновные в геноциде и т.д. Они принадлежат не только нашему миру, но и тому, который находится за его гранью, небытию, куда они с легкостью отправляют других людей. Их психологическое существование как бы в двух мирах – одна из основных гипотез данной книги, которая и посвящена разгадыванию тайны некрофильского человека. Я думаю, что эта тайна – самая большая и самая сложная, во всяком случае в моей исследовательской деятельности.

Естественно, некрофильские личности – это отнюдь не исключительно убийцы. Среди них могут быть вполне законопослушные граждане, например самоубийцы, – одним словом, все те, кого неодолимо влечет смерть и кто готов видеть в ней решение своих жизненных проблем, прежде всего самых сложных или представляющихся таковыми. Данная же работа посвящена только убийцам, т.е. некрофильским личностям в самом негативном, самом антиобщественном варианте. Иначе говоря, это книга о некрофильских убийцах.

Я хотел бы выдвинуть очень осторожное предположение, что в лице некрофильских убийц мы сталкиваемся с какой-то сверхчеловеческой трансцендентной реальностью. То, что среди них встречаются душевнобольные, скорее подтверждает, чем опровергает выдвинутую мной гипотезу. Любой некрофильский человек (не только преступник) живет в своем особом мире и говорит на своем языке с другими и с самим собой, хотя тот язык бывает невнятен и иногда непонятен ему самому. Поскольку из всех живых такой человек наиболее плотно

соприкасается со смертью, он недоступен (или малодоступен) пониманию других. В дальнейшем будет показано, что некрофильский преступник как бы вступает в диалог со смертью, хотя это и для него самого отнюдь не очевидно. Следовательно, для него стена между жизнью и смертью проницаема, и в своем микромире он не чувствует себя замкнутым в рамках своего земного существования. Прислуживая смерти, подобный человек, возможно, ощущает, что «тот мир» понимает и одобряет его, что придает ему новые силы. Поэтому по ту сторону бытия он будет благосклонно принят.

Множественные некрофильские убийства, некрофильские убийцы – это в конечном счете часть, притом весьма существенная, глобальной проблемы жизни и смерти. Интерес к ней, который европейская культура как-то пытается скрыть, проявляется и в форме исследования мифологии неевропейских народов. Как справедливо отмечает М. Элиаде, современного человека Запада прежде всего притягивают идеи смерти и возрождения, но не для того, чтобы позаимствовать их, а для того, чтобы обдумать и попытаться расшифровать.

Эти концепции выражают человеческие состояния, которые западный мир давно оставил позади и которые как таковые не приемлемы для современного европейца. В то же время их неистожимая суть и ее герменевтическое толкование могут значительно стимулировать философское мышление. Например, мы не можем преуменьшить значение того факта, что архаические и восточные культуры преуспели в придании положительных ценностей обеспокоенности, смерти, самоунижению и хаосу. В период происходящего сейчас кризиса знание того, каким образом и исходя из каких предпосылок такие различные культуры, как «примитивные» и индийские верования, пришли к приписыванию достоинств ситуациям, которые для современного человека являются лишь ужасающими, абсурдными и демоническими, может стать не только полезным, но и необходимым¹.

¹ Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М., 1996. С. 11–12.

Архаичные и первобытные культуры отличаются совсем иным отношением к смерти, ее месту в жизни. Это отношение должно быть предметом самого пристального внимания, поскольку не исключено, что некрофильский убийца в своем преступном поведении реализует эти первобытные установки. Трудно сказать, как и почему это происходит, но вполне возможно, что здесь действует архетипический механизм. Эту гипотезу я намерен проверить в данном исследовании, отдавая себе отчет в том, что наше европейское отношение к смерти и убийству никак не может быть единственным. Разумеется, такой взгляд отнюдь не означает оправдания убийств, а представляет собой попытку лишь понять их.

Представление о функционировании архетипических механизмов в генезисе убийств вообще и некрофильских убийств в особенности основывается на признании того, что каждый из нас не начинает жизнь с чистого листа — из социальной среды мы постоянно наследуем нечто исключительно важное. В 1927 г. К.Г. Юнг писал: «Древние религии со своими возвышенными символами возникли не на ровном месте; они являются порождением той же человеческой души, которая и в настоящий момент живет в каждом из нас. Все они, в своей первобытной форме, продолжают жить внутри нас и могут в любой момент взорваться и дать нам ощутить свою разрушительную силу под видом массовых внушений, против которых личность беззащитна. Наши грозные боги лишь поменяли имена: ныне они оканчиваются на «-изм»².

Человек, по моему убеждению, наследует не душу, а лишь способность воспринимать и адаптировать из социальной среды архетипы. Их можно назвать душой, но это было бы весьма неточно.

Я хотел бы показать, что некрофильский убийца подвластен зову предков — искушительному шепоту древнейшего человека,

² Юнг К.Г. Психология нацизма // Карл Густав Юнг о современных мифах. М., 1994. С. 240.

который стремился к смерти и хаосу, чтобы возродиться вновь. Именно такой обязательный и принципиальный порядок, включающий в себя даже космогонический хаос, зафиксирован первобытными мифами и передается современному убийце через архетипы. Все названные стадии, в том числе символическая смерть, составляют обряды инициации. В смерти другого преступник-некрофил, как можно предположить, предощущает собственную, но смерть другого представляется ему платой за свою жизнь, и об этом мне прямо сказал один из таких убийц.

Я попытаюсь взглянуть на танталогические проблемы с несколько неожиданной, во всяком случае, нетрадиционной позиции — со стороны убийцы. До сих пор такой ракурс еще не освещался, и он может принести некоторую, возможно, самую небольшую пользу в постоянных усилиях человека поднять (или чуть-чуть приподнять) завесу над самой зловещей и вечной тайной по имени «смерть». Если до этого осуществлялся поиск причин убийств, то сейчас можно поставить проблему несколько иначе: почему убийца сознательно или (и) бессознательно (отдельные пласты мотивации могут не охватываться сознанием) стремится к смерти, причем иногда и к чужой, каково его отношение к смерти, как он ее понимает, определяет, ощущает? что его притягивает к ней, что манит в том неведомом, чем мы всегда страшаем людей? какие субъективные вопросы он при этом решает? Разумеется, такие сложные задачи могут быть решены с помощью адекватной методологии, которая также будет представлена на страницах этой книги. Некрофильский убийца стоит к смерти ближе всех других преступников, поэтому естественно ожидание от него ценной информации.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что эта книга достаточно мрачна, поскольку посвящена мрачным, зловещим проблемам нашей жизни. Но они, эти проблемы, реально имеются и угрожают нашему спокойствию и даже самому существованию. Две мировые войны и множество других более мелких конфликтов, бесчеловечное обращение с военнопленными

и мирным населением, геноцид, терроризм и разгул преступного насилия позволяют считать весьма актуальными настоящие научные изыскания причин и природы некрофильского поведения людей. К тому же, и это следует подчеркнуть, подобные изыскания наводят на извечные и глобальные вопросы о смысле и назначении смерти. Рассказанные на этих страницах истории жизни и преступлений некрофильских личностей и их высказывания, порой поражающие своей необычностью и точностью, дают обильный эмпирический материал для дальнейших танталогических поисков. Собственно, наше исследование с полным основанием можно назвать и танталогическим, но взятым не абстрактно, на сей раз со стороны убийцы, т.е. не жертвы. Я надеюсь, что приведенные здесь соображения покажутся интересными не только для широкого читателя, но и для специалистов соответствующего профиля.

Для изучения множественных убийств мною были:

- изучены с помощью специально разработанной анкеты приговоры по более 100 уголовным делам по обвинению во множественных убийствах;
- проведены клинические беседы с осужденными за множественные убийства, в том числе пожизненно (в Вологодской области дважды), изучены все имеющиеся на них материалы в местах лишения свободы, обследовано свыше 150 человек;
- использованы результаты клинических бесед с лицами, которые проходили судебно-психиатрическую экспертизу в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского во время моей работы там (около 14 лет). Обследовано не менее 40 человек;
- проанализированы приговоры, вынесенные множественным убийцам Московским городским судом в 2004–2009 гг. (120 приговоров).

Выражаю искреннюю благодарность С.С. Абрамушкину и Е.С. Пахуновой за оказанную ими помощь.

Хочу предупредить читателя: в тексте этой книги я нередко буду упоминать детей, зарезанных мерзавцами в станице Кушевской в ноябре 2010 г. Эти повторы не моя оплошность, я прекрасно помнил, что об этом уже говорил выше, а каждый раз делал это потому, что данный ужасающий факт должен лейтмотивом проходить через всю книгу. О нем мы должны помнить и знать, мы должны прилагать все усилия, чтобы такое не повторилось.

Глава 1

МНОЖЕСТВЕННЫЕ УБИЙСТВА В РОССИИ

1.1. Понятие и типология множественных убийств

Выше уже отмечалось, что под множественными убийствами в настоящей работе понимается преступное лишение жизни трех и более человек. Такой вид преступности в криминологии еще не выделялся, потому необходимо рассмотреть его со всех возможных сторон.

Прежде всего – это одномоментное лишение жизни названного количества людей, причем под одномоментностью в первую очередь следует понимать некий короткий промежуток времени. Часто это десять, пятнадцать минут или час, а иногда в рамках мгновения, например убийство однополчан с помощью автомата. Но возможно, что такие действия продолжаются в течение одного дня или нескольких дней, когда, например, совершается одно убийство, а затем в другие дни – уничтожаются его свидетели. Все эти преступления оказываются связанными друг с другом. Такая же связь может быть установлена, если убийца мстит разным людям, которых он считает виновными в чем-то. Месть может быть растянута на неопределенное время. Сложнее определить, можно ли назвать множественными убийства, совершенные одним лицом или группой лиц, если эти деяния не связаны друг с другом и совершены в разное время по разным мотивам, например: первое – из-за ревности, второе – из-за корысти (с целью овладения чужим имуществом), третье – с целью сокрытия другого преступления или вследствие мести. Думается, что это тоже множественные убийства. На практике часты такие убийства, которые происходят в течение часа или – реже – дня.

Нельзя назвать множественными убийства, если за первое из них преступник понес наказание, в период его отбывания или после освобождения совершил новое такое же преступление, опять был наказан и во время его исполнения или после отбытия вновь лишил кого-то жизни. Естественно, что такой человек крайне опасен, но он в анализируемую нами группу не входит.

К множественным убийствам можно отнести киллерские (заказные) убийства, хотя очень редко лишают жизни сразу трех и более человек. Здесь убийства чаще растянуты по времени.

Серийные сексуальные убийства я то же предлагаю включать в разряд множественных, хотя они крайне специфичны, равно как и виновные в них лица. Большинство из них имеют различные расстройства психической деятельности, есть и душевнобольные.

Множественные убийства, которые выделены здесь в качестве объекта криминологического познания, совершаются в условиях нашей повседневности, пусть и криминализованной. Этим они отличаются от массовых, когда уничтожаются многие десятки, сотни, тысячи и даже миллионы людей. Такое происходит во времена войн и революций, когда к массовым убийствам прибегают для решения политических и военных задач, реализации ложно понятых национальных и религиозных интересов либо ложных идей, вроде коммунистической. Особенно страшны геноцид, голодомор, убийства военнопленных и мирного населения, но это уже массовые убийства.

Множественные убийства нередко совершаются в условиях очевидности, если понимать ее как отсутствие попыток скрыть такие преступления. Но если такие попытки предпринимаются, то чаще они состоят в том, что устраивают пожар или закапывают трупы. Подобные убийства могут быть содеяны одним человеком или группой лиц, групповые убийства обычно предполагают большее число жертв.

Сколько множественных убийств совершается в России не знает никто, их учет, к сожалению, не ведется. Можно представить лишь выборочные данные. Так, среди осужденных к пожизненному лишению свободы 60–70% составляют лица, признанные виновными в убийствах многих лиц. Но в общем массиве убийц таких преступников намного меньше: напри-

мер, среди тех убийц, которые были осуждены Московским городским судом в 2001–2006 гг., множественные составляют не более 7–8%, причем в их числе есть и наемные убийцы. Из сопоставления приведенных двух групп данных можно сделать вывод, что убившие три и более лиц чаще наказываются пожизненным лишением свободы.

Анализ более 100 приговоров на лиц, осужденных за множественные преступления, позволил выявить некоторые особенности этих преступлений.

Прежде всего отмечу, что подавляющая часть таких убийств была совершена в теплое время года (78%), причем примерно половина – ночью.

Названные приговоры были вынесены в связи с 326 убийствами, причем в подавляющем большинстве случаев потерпевшими оказались лица в возрасте 31 года и старше; в то же время было убито детей до 5 лет – 12 человек, с 6 до 10 лет – 22, с 11 до 17 лет – 17. Чаще всего в качестве орудия убийства использовались обычные ножи (признанные оружием) и столовые ножи, только в пяти случаях – пистолет (револьвер), в шести случаях – боевое ружье. Преступники также прибегали к удушению веревкой (в шести случаях) и руками (тоже в шести случаях).

Как и следовало ожидать, множественные убийства обычно совершались в домах и квартирах, реже в заброшенных и строящихся зданиях, одним словом, там, где место преступления хоть чем-то отделено от окружающего мира. Поскольку многие нападения совершались ради завладения деньгами и другими ценностями, подобного рода преступления на улицах и в других общественных местах, в парках, лесопосадках и на дорогах относительно редки.

Так, в конце 1996 г. в г. Ростове-на-Дону Ященко создал устойчивую преступную группу – банду в целях нападения на граждан, их убийства и завладения принадлежащими им ценностями. В банде постоянно орудовали семь человек, иногда в ее состав привлекались иные лица. В группе имелись огнестрельное оружие, боеприпасы, приспособления для бесшумной стрельбы, взрывные устройства (гранаты), автотранспорт, маски, перчатки, наручники, электрошоковые дубинки – одним словом, все необходимое для вооруженных нападений. Не все

преступления заканчивались «удачно» для бандитов, случались и срывы. В основном же им удавалось завладеть немалыми ценностями, главное же то, что ими было убито восемь человек, но лишь однажды сразу трое. Нападения обычно совершались в домах и квартирах.

Судом только Ященко был приговорен к пожизненному лишению свободы, остальные – к длительным срокам наказания.

Как показало изучение, множественные убийства часто совершаются из корыстных побуждений, но нередко людей убивают из-за мести и ненависти, а также с целью скрыть другое преступление. Так, в 2005 г. Курским областным судом были осуждены некие Чарушников, ранее трижды судимый, и Ярцев, ранее не судимый. В 2004 г. в доме Тарасенко (в селе) они с участием еще двух женщин распивали спиртные напитки. В ходе распития между Чарушниковым и Тарасенко возникла ссора. Чарушников позвал его во двор якобы для окончательного выяснения отношений, где зарезал заранее припасенным ножом. После этого во двор вышли женщины, которые увидели труп Тарасенко. Чтобы они не выдали убийцу, Чарушников и Ярцев убили и их.

В 2004 г. тот же Курский областной суд осудил Карнова за убийство сразу четырех человек (топором, ножом, тяжелой палкой), с которыми он вместе пьянствовал, а затем между ними произошла ссора. Никто из потерпевших сопротивления ему не оказал, причину такого их поведения суд не назвал, скорее всего, они находились в состоянии сильного опьянения.

Беззащитны оказались и жертвы Боева, осужденного Курским областным судом в 2003 г. Они тоже не оказали сопротивления убийце – он лишил жизни пятерых, из которых одна – женщина. Всех он убивал ножом.

Иногда мотивы убийств выпадают из привычного перечня. Так, в 2004 г. в Новосибирске группа из шести подростков (старшему – 17 лет, младшему – 12) напали на двух женщин и трех мужчин (все бродяги, без определенного места жительства) и забили их насмерть металлической трубой и палками. Когда пострадавшие перестали подавать признаки жизни, подростки сбросили их в один из погребов и присыпали землей. Одному из пострадавших удалось выбраться и вытащить женщину, остальные погибли. Он и сообщил в милицию о крова-

вой расправе. Скорее всего, мотивация у несовершеннолетних убийц связана с представлением о ненужности и вредности бродяг для общества. Они якобы оскорбляют людей одним своим видом. Но можно предположить, что глубинным мотивом является мучающая многих подростков тайна смерти. Поэтому они мучают животных, наблюдая завораживающий их переход от жизни к смерти. Видеть это на людях намного интереснее и более достоверно. К тому же они показывают себя хозяевами жизни.

Вообще, убийства бродяг, причем множественные, в России случаются нередко. Их убивают не только подростки, но и вполне взрослые люди. Так, в декабре 2008 г. в Звенигороде Московской области в сгоревшем сарае обнаружили изуродованные тела пятерых человек без определенного места жительства и занятий. Все они были зарублены топором. Такие же преступления зафиксированы и в других регионах страны. Можно обоснованно предположить, что такие преступления относятся к категории убийства ради убийства: у некоторых агрессивных людей накапливается ненависть и злоба к окружающим, они хотели бы вытолкнуть их из себя на тех, кто не способен оказать им сопротивление. В этом смысле бродяги, да еще спящие или сильно пьяные, для них — идеальная мишень.

В рамках этой категории преступников можно назвать тех, которые открывают беспорядочную стрельбу по толпе, школьники — по другим школьникам и учителям, студенты — по другим студентам и преподавателям. В 2010 г. майор милиции Евсюков расстрелял покупателей в магазине; в 2009 г. в Нефтяной академии в Баку 25-летний мужчина открыл стрельбу в студентов и преподавателей, убив 13 человек и ранив 4. Во всех этих случаях виновные ненавидят весь мир и поэтому стреляют во весь этот мир или убивают иным способом тех, кто не может оказать им сопротивление. Надо думать, что у многих таких людей имеются нарушения психической деятельности.

Все это дает основание думать, что современный цивилизованный человек страдает от невозможности разрядить свои инстинктивные агрессивные побуждения. Эти побуждения накапливались столетиями, а у отдельных людей в течение их жизни и в прошлом имели «естественный» выход в непрекращающихся войнах и в привычных нападениях на соседей. Сейчас вся

сохранившаяся разрушительная энергия находит выражение либо в неврозах, предрасположенности к самоубийствам и несчастным случаям, если обычаи и традиции строго запрещают внутривидовую агрессию, либо, если подобных запретов нет, в совершении убийств, в том числе множественных, включая близких родственников и членов семьи.

Но было бы заблуждением думать, что названные запреты больше распространены среди малых по численности народов, поскольку агрессия по отношению к сородичам грозит гибелью всей немногочисленной нации, народности или племени. Ничего подобного во многих случаях не бывало, поскольку история, в том числе и современная, дает множество примеров прямо противоположного братоубийственного поведения. Особенно важно отметить, что войны и военные конфликты не прекращаются и многие с их помощью могут реализовать свою агрессивность.

Между тем и современная, и предшествующая эпохи давали и дают множество возможностей выхода природной агрессивности во вполне социально приемлемых формах. Сейчас это, например, служба в армии или занятие спортом, участие в экстремистских общественных и религиозных движениях или в охране общественного порядка. Футбол, как я полагаю, обязан своей исключительной распространенностью и любовью к нему миллионов людей прежде всего тому, что является цивилизованным эквивалентом войны. То же самое можно сказать и о некоторых других видах спорта и вообще о некоторых занятиях. Разумеется, далеко не все жители цивилизованных стран могут быть отнесены к числу цивилизованных людей, а поэтому они находят выход для своей агрессивности в совершении насильственных преступлений.

Вряд ли можно согласиться с К. Лоренцем, что первый на земле убийца Каин тотчас же понял ужасность своего поступка, а это предполагает раскаяние в совершенном. На самом деле Каин начал спорить с богом и выпрашивать у него защиту, а потом вполне комфортно поселился к востоку от Эдема, стал отцом семейства. Казалось бы, среди людей должно было бы распространиться представление, что своих убивать нельзя, жертвами агрессии должны стать дикие животные. Но люди ни тогда, ни теперь не проявляли в том никакой мудрости, в част-

ности потому, что требовался выход агрессии. Не случайно даже малочисленные племена яростно перебивали друг друга и таким образом исчезали с лица земли либо настолько ослабляли расприями друг друга, что становились легкой добычей более организованных и воинственных соседей. В конечном счете они были полностью уничтожены.

Разумеется, этим, точнее только этим, объяснить современное насилие невозможно, хотя накопление агрессивности, злобы и ненависти сохранилось в людях с незапамятных времен. Но в целом человек от рождения человечества не так уж и плох, однако в рассматриваемом аспекте не так уж и хорош для жизни в современном обществе. Это общество с его гигантскими городами, растущей анонимностью, фрагментарностью повседневного общения, слабым социальным контролем, социально-психологической изолированностью при высокой вертикальной и горизонтальной мобильности, переплетением культур и их взаимным давлением, смешением наций рождает очень слабые межличностные связи. Современный человек, особенно в условиях большого города, все чаще ощущает, что в первую очередь он должен рассчитывать сам на себя и защищаться от других, нередко при этом нападая на них. О последствиях своих действий для общества он задумывается редко. Примечательно, что так же поступал и его первобытный предок.

Агрессивность современного человека может возрастать от чрезмерности и насыщенности информации и слишком большого числа социальных связей, в том числе тех, которые можно назвать близкими и интимными, от изматывающих и нередко многочисленных обязанностей, от сознания необходимости выполнить свой долг. К этому добавляются конфликты на работе, от которых многие привычно разряжаются насилием у себя дома. Но чем дальше развивается цивилизация, чем меньше она отстает от культуры, тем больше должно появляться возможностей для благополучных выходов агрессивных тенденций, тем успешнее должен овладевать человек альтруистическими навыками, приходя к выводу или интуитивно чувствуя, что обязан сдерживать свои побуждения. Многие будут расплачиваться за такое подавление психическими и соматическими болезнями, но это тот оброк, который общество вынуждено платить. Люди, подобным образом рискующие со-

бой и истощающие себя, заслуживают максимального внимания и помощи, они должны быть ценимы не меньше тех, для которых добродетельное поведение совершенно естественно. В этом обществе должно видеть выгоду для себя в силу простого здравого расчета, особенно если оно сознательно стремится снизить уровень агрессивности.

Среди множественных убийств обращают на себя внимание те, которые были совершены на почве неприязненных личных отношений и почти всегда в состоянии опьянения, как правило сильного. Поэтому сами преступные действия обычно носили хаотичный характер, в связи с чем убийцы не знали, добились ли они свои жертвы или нет; уходили в другое помещение, опять выпивали и вновь начинали убивать или добивать потерпевших. При этом допускалась особая жестокость, например, мать могли убить в присутствии сына, а затем убивали и его. Часто уничтожали маленьких детей якобы потому, чтобы не было свидетелей. Между тем преступники в силу опьянения не принимали серьезных мер сокрытия их же следов на месте происшествия и разоблачить убийц было совсем нетрудно. Во многих случаях потерпевшими становились собутельники, тем более что преступники и жертвы представляли один и тот же социальный слой. Иногда это были даже в прошлом приятели, нередко жертвами становились сожительницы, в том числе и бывшие.

В большинстве случаев множественные убийства, как показал анализ приговоров, совершались группами, а не в одиночку. Превалировались группы из двух-трех человек. Явно выраженный лидер был только в 13% преступных групп.

Кроме убийств, «множественные» убийцы совершали грабежи, разбои, кражи, вымогательства, несколько реже они признавались виновными в бандитизме, еще реже — в изнасилованиях. Группы были по большей части устойчивы, причем не только те, которые представляли собой организованную группу или преступную организацию. Это могли быть объединения собутельников, которые длительное время вели паразитический образ жизни и вместе пьянствовали, наводя страх на своих соседей. Многие складывались в селах или пригородных зонах; вначале совершали мелкие кражи и хулиганские поступки. Поскольку на их поведение не реагировали должным образом, оно становилось все более опасным.

Такие «пьяные» убийства составляют около 60% среди всех множественных убийств. Их распространенность, причем не только множественных, говорит про обнищание общества, об ощущении людьми своей безвыходности и оставленности. Их примитивная агрессия свидетельствует именно об этом. В то же время убийство не одного, а многих — это желание, конечно, бессознательное, избавиться от этих многих, которые давят на него и делают его жизнь безвыходной. Здесь привычные шаманские заклинания бороться с пьянством и алкоголизмом совсем не помогут, нужна не только продуманная психолого-медицинская программа, а обязательное вовлечение людей в адекватно оплачиваемый труд, улучшение качества их жизни.

В г. Нижний Тагил в 2004 г. на почве ссоры во время распития спиртных напитков двое неработающих мужчин ножами убили двух мужчин и двух женщин (в возрасте от 40 до 50 лет).

Челябинским областным судом вынесен обвинительный приговор в отношении жителей Копейска Вадима Давыдова (1985 г. р.) и Евгения Осадчего (1986 г. р.). Эти лица изобличены в убийстве трех лиц, незаконном проникновении в жилище, а также умышленном уничтожении и повреждении имущества.

Как установлено в ходе предварительного и судебного следствия, в ночь на 22 апреля 2007 г. обвиняемые, будучи пьяны и желая продолжить распитие спиртных напитков, подошли к дому своего 40-летнего знакомого. Пройдя во двор, они стали стучать в дверь дома, требуя впустить их. Когда из дома вышел не желавший впускать непрошенных гостей хозяин, подсудимые избили его, а затем и выбежавших во двор гостей дома. Обнаружив, что один из избитых подает признаки жизни, Осадчий несколько раз ударил его вилами. После этого преступники сбросили трупы потерпевших в овощную яму, расположенную на земельном участке дома, и скрылись с места преступления. С целью сокрытия следов злодеяния, Давыдов поджег дом. В результате пожара были повреждены и частично уничтожены дом и находившееся там имущество.

На основании предоставленных прокурором доказательств, суд приговорил Давыдова по совокупности преступлений к 18 годам лишения свободы с отбыванием наказания в коло-

нии строгого режима. Осадчий осужден к 15 годам 6 месяцам лишения свободы в колонии строгого режима. Думается, что в данном случае, как и во многих других, наказание убийцам было слишком мягким.

Следует выделить еще одну группу множественных убийств; это убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Нельзя сказать, что эти преступления были чужды нашей стране: в ленинско-сталинский период они унесли миллионы жизней, да и до Октябрьского переворота совершались довольно часто — достаточно вспомнить еврейские погромы. Сейчас же они встречаются с пугающей периодичностью.

В июле 2011 г. в Московском городском суде банда «Национал-социалистического общества (НСО) — Север» была осуждена за 27 убийств (пятеро участников пожизненно). До этого банда нацистов Артура Рыно была осуждена за 20 убийств. Обычная акция НСО выглядела так: надеясь, что массовые убийства «неславян» смогут повлиять на ситуацию в стране в нужную для них сторону, преступники периодически встречались в спальных районах столицы и убивали случайных прохожих «неславянской» внешности, среди которых оказывались и русские по национальности — их убивали, так сказать, по ошибке.

В июне 2011 г. мир был потрясен беспрецедентным убийством 76 человек в Норвегии, причем всех их убил один человек — Брейвик. 22 июля он вначале взорвал бомбу в центре Осло (погибло шесть человек), а затем в форме полицейского переехал на остров Утойя, где проходил съезд активистов молодежной организации Норвежской рабочей партии. Здесь он хладнокровно, как охотник, застрелил еще 70 человек. Как только полиция обнаружила преступника, он сдался. По его собственным словам, он не собирался умирать, поскольку ему было что еще сказать Норвегии и всему миру. В первую очередь, что он не испытывает ненависти к убитым им людям и нисколько не жалеет о содеянном. Цель его действий — привлечь внимание к опасности ислама и марксизма.

Комментируя эти ужасные события в газете «Московский комсомолец», журналист Н. Сванидзе в статье под многозначительным названием «Герой России убийца Брейвик» показал (и достаточно убедительно) всю опасность для России таких преступлений ненависти. Поэтому я позволю привести здесь большой отрывок из названной статьи. Сванидзе, в частности, пишет: «Сейчас в России развита ненависть. И социальная, и национальная. И оба эти «светлых» чувства переплетаются, обнявшись, словно две сестры, и удачно дополняя друг друга. Особенно страшны эти разливы ненависти в молодежной среде. Поскольку молодежь всегда и везде пассионарнее, организованнее и безответственнее, а потому и беспощаднее старших.

Парни с городских окраин лишены социальных лифтов и не верят в жизненные перспективы, связанные с образованием, стабильной работой и нормальной общественной адаптацией. С пеленок впитывая запахи бедности, не видя ничего ни в семье, ни вне ее, кроме грубости и грязи, не слыша ничего, кроме мата и лжи, наблюдая изо дня в день вопиющие проявления неравенства и наглого беззакония, сталкиваясь с бандитским и не отличимым от него милицейским произволом, не имея шансов найти справедливость нигде, и менее всего — в суде, они привыкают полагаться только на насилие и верить только в один закон — закон кулака.

Вот на эту благодатную почву и пали зерна официальной патриотической пропаганды, с ее последовательным тупым антиамериканизмом и столь же последовательной ностальгией по советскому прошлому»³.

³ «Московский комсомолец», 26 июля 2011 г. В этом же номере газеты приводится краткий перечень самых кровавых убийств последнего времени. 27 апреля 1982 г. — в Южной Корее сельский полицейский У Бомгон из-за плохого настроения выпил, избил жену, пошел на оружейный склад, взял там карабин и несколько гранат. В итоге — 58 жертв, ранены 35, убийца подорвал себя гранатой. 6 декабря 1989 г. — Марк Лепин, ненавидевший феминисток, ворвался в Монреальский политехнический институт, написал на грифельной доске слово «дерьмо» и расстрелял 14 женщин из полуавтоматической винтовки. Потом Марк, по свидетельству очевидцев, сказал: «Вот дерьмо» — и выстрелил себе в висок. В кармане у него нашли записку: «Феминистки раз-

Согласно моей типологии, преступления, совершенные Брейвиком, следует отнести не к множественным, а к массовым убийствам, т.е. еще более опасным деяниям. Влияние этих убийств на Россию с ее нестабильностью в сфере общественных отношений и ярко очерченной тенденцией к экстремизму может быть огромным. Полагаю при этом, что очень важно знать мотивы поведения норвежского убийцы, причем мои соображения относительно этих стимулов носят весьма приблизительный характер, поскольку у меня нет никаких возможностей лично обследовать преступника или хотя бы ознакомиться с данными его психологического или психолого-психиатрического обследования.

Все, кто пытался понять смысл убийств, совершенных Брейвиком, опирались на его слова о том, что он хотел обратить внимание общества на угрозы со стороны ислама и марксизма. Однако, оставляя в стороне это странное сочетание — ислам и марксизм, — попытаемся понять, ради чего действовал этот человек. Понимание его мотивов необходимо даже в том случае, если он психически болен и, следовательно, неменяем: мотивы присутствуют и у таких лиц.

Можно предположить, что ненависть к исламу и марксизму действительно была у норвежского маньяка, однако только этим вряд ли можно объяснить такое количество убитых им людей. Это своего рода «рекорд» — столь массовые убийства совершены одним человеком в течение всего нескольких

рушили мою жизнь». 28 апреля 1996 г. — житель Ньютауна (Австралия) 28-летний Мартин Брайант зашел в кафе «Порт-Артур», посетителями которого были в основном туристы, достал автомат AR-15 с оптическим прицелом и открыл огонь на поражение по мирным гражданам. Убиты 35 человек, ранены 22. Убийца получил 35 пожизненных заключений общим сроком около 1000 лет. 20 апреля 1999 г. — в городке Литлтон (США, штат Колорадо) двое юношей, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, ворвались в школу Колумбайн с оружием в руках. За четыре с половиной часа террористы ранили десятки учащихся и убили 12 соучеников и одного учителя, после чего покончили с собой. 16 апреля 1007 г. — 23-летний выходец из Южной Кореи Чо Сын Хи открыл пальбу в Вирджинском политехническом институте (США) по преподавателям и студентам, убиты 30 человек. До этого в общежитии были убиты еще двое студентов. Чо Сын Хи покончил с собой, обвинив в случившемся «богатеньких деток», якобы унижавших его.

часов. Такого, насколько я помню, еще не было в истории преступлений. Думаю, что именно количество жертв может свидетельствовать еще об одном важном мотиве, носящем бессознательный характер: общая ненависть к людям, совершенно необязательно к мусульманам или марксистам; он и убивал всех, как охотник дичь, отнюдь не только мусульман и марксистов, которых среди жертв вообще могло не быть.

Имеющаяся информация о Брейвике позволяет сделать еще ряд существенных выводов о чертах его личности, которые могут иметь мотивирующее значение. Он был нарциссической личностью: само количество убитых им людей должно было показать ему его же незаурядность и значимость; он любовался собой в Интернете — своей гордой и независимой фигурой, отделяя себя от ближайшего окружения. Не вызывает сомнений, что перед нами еще и истероидный человек, сжигаемый желанием показать себя, одновременно любясь собой. Еще в молодые годы он настолько увлекался граффити, что это привело к разрыву отношений с отцом. Он наряжался в масонские одежды, считал себя рыцарем, который борется с государством и обществом; уже после ареста желал давать показания во фраке и в белых перчатках и т.д.

Брейвик — типичный садонекрофил (о садизме и некрофилии см. ниже). Его действия, особенно на острове, убедительно говорят об этом. Еще он неистовый фанатик.

Таким образом, поведение норвежского ублюдка полимотивировано: это стремление привлечь внимание и к проблемам ислама и марксизма, и к своей персоне, и ненависть к людям вообще. Для такой ненависти необходима определенная психологическая основа — отчуждение от общества, от других. Совершая массовые убийства, Брейвик привлекает, даже не столько привлекает, а приковывает к себе внимание отнюдь не только ближайшего окружения, но всего мира, возможно пытаясь таким путем преодолеть мучащее его отчуждение и одиночество. Ведь у него не было семьи и друзей, не было даже любовницы, в ночь накануне кровавого дня он пользовался услугами проститутки.

Порода людей, пытающихся историдно выделить себя, заявить о себе путем кровавых преступлений, была всегда, и она поистине неистребима. Как мы видим, она возможна и в са-

мых благополучных странах (США, Австралия, Южная Корея, Канада); более того, она практически не встречается в наиболее бедных, прозябающих обществах.

Среди множественных убийств можно выделить несколько типов в зависимости от характера этих преступлений и личности виновных. Каждому типу дано название, которое, конечно, носит условный характер.

1. *Мафиозные*, т.е. совершаемые организованной группой (в соответствии с терминологией ст. 35 УК РФ) либо преступным сообществом (преступной организацией). Мотивация таких преступлений может быть самая разная, включая корысть, месть, запугивание (наведение страха), самоутверждение. Мотивы могут, конечно, переплетаться.

2. *Семейно-бытовые*, обычно совершаемые в семье, при этом жертвами становятся (чаще всего) жена и дети, несколько реже — другие родственники и соседи. Такие преступления имеют место не только там, где живут преступник и жертвы, но и в иных местах, если совершаются из ревности, корысти или мести. Пьянство — неизбежный спутник таких преступлений.

3. *Хулиганские*, как правило связанные с пьянством и учинением хулиганских действий. Обычно они происходят на улицах и в других общественных местах, и нередко лишь случай решает, кто будет преступником, а кто — жертвой. Довольно часты случаи участия в них большого количества людей. Такие убийства возможны при массовых беспорядках.

4. *Политические*, происходящие в условиях острой политической борьбы, социальных конфликтов, революций, государственных переворотов. Естественно, что в стабильных демократических странах такие преступления не совершаются или случаются очень редко.

5. *Общезголовные*, но не мафиозные, как правило имеющие место при разбоях и бандитизме, совершаемые чаще группой лиц по предварительному сговору, реже — просто группой лиц. Отнюдь не исключено совершение таких убийств одним человеком, прежде всего против тех, кто не был способен оказать ему сопротивление. На практике их можно наблюдать в действиях молодежных преступных групп.

6. *Заказные*, совершаемые профессиональными киллерами за плату. «Заказы» в том числе могут приниматься от мафиозных групп либо убийцы являются членами таких групп и берут «заказы» со стороны или совершают в интересах своей группы, убивая, например, несговорчивых представителей правоохранительных органов либо конкурентов из другого объединения.

7. *Террористические*, нередко становящиеся массовыми при совершении террористических актов. Как правило, их совершают члены незаконных вооруженных формирований, при этом не имеет существенного значения, кто именно погибает, главное — это должны быть представители «врагов» (религиозных, национальных, политических и т.д.). Террористическими можно назвать и те, которые совершаются ради устрашения конкурентов или тех, которые обложены «данью» данным мафиозным формированием, но отказываются платить.

Не уверен, что мне удалось назвать все разновидности множественных убийств, но полагаю, что здесь названы основные. Большинство из них достаточно хорошо изучены, меньше других — «мафиозные», особенно совершаемые членами преступных сообществ. Поэтому им ниже будет уделено большое внимание.

Множественные убийства также можно типологизировать по мотивам их совершения. В этом случае следует назвать такие группы.

1. *Эротические убийства*, или *убийства из ревности*, например убийство неверной жены, ее любовника и общего ребенка.

2. *Убийства из мести*, например лишение жизни тех, кто постоянно издевался над преступником, или убийство, совершенное в состоянии аффекта. Из мести совершаются убийства и в группах.

3. *Убийства из любви*, когда лишают жизни своих близких, пытаясь тем самым уберечь их от еще более жестокой гибели, например от рук врага или от голода.

4. *Корыстные убийства*, совершаемые ради завладения какими-то материальными благами (имуществом).

5. *Политические убийства*, в том числе террористические, с целью устранения политических противников или тех, кто препятствует продвижению к политической власти.

6. *Экстремистские и террористические убийства* людей, принадлежащих к иной этнической, религиозной или другой социальной общности, ради утверждения своей нации, религии, расы или некоей идеи, а также ради сепаратистских устремлений. Это так называемые преступления ненависти.

7. *Доминантные убийства*, совершаемые ради того, чтобы самоутвердиться или утвердиться в глазах своего окружения.

8. *Анархические убийства* без более или менее ясного понимания того, ради чего это делается. Некоторые из таких преступлений называют хулиганскими.

9. *Убийства ради самого убийства*, только ради смерти и разрушений, получения от этого удовлетворения.

Конечно, это не все возможные виды уничтожения людей, а только основные. Могут, например, иметь место убийства ради принесения жертв — в далеком прошлом их было очень много, особенно среди индейцев доиспанской эпохи. Мотивом может быть каннибальство, как это все еще бытует в некоторых регионах Африки и Океании.

Что же касается дифференциации множественных убийств по способам их совершения, то эта задача представляется практически невыполнимой, поскольку за многие тысячелетия человечество выработало неисчислимое количество способов насильственного лишения жизни: от самых примитивных, как удар камнем или топором, до самых изощренных с использованием психологии жертв. Способы убийств зависят от культуры народа, но в нынешнюю эпоху глобализации для множественных убийств часто используются взрывчатые материалы и огнестрельное оружие. В целом выбор орудия убийств зависит от их цели и мотива (мотивов), отношения убийц к самим себе и людям вообще, к человеческой жизни, от возможностей преступников и доступности для них боевой техники.

Способы множественных убийств столь же неистовы и изощрены, сколь неистова и изощрена сама жестокость, и зависят от ненависти и страстей, снедающих убийц. Но самые жестокие множественные (и массовые тоже) убийства могут быть организованы и содеяны весьма спокойными людьми, если ими безраздельно владеет всепоглощающая и глобальная для них идея, если психологически они находятся вне людей, во всяком случае вне значительной части из них, или они не признаются

ими за людей. К ним относится, например, Генрих Гиммлер, один из главных нацистских преступников, о котором я расскажу ниже.

Если одиночное убийство нередко бывает итогом несчастливых или случайных обстоятельств и в его совершении иногда велика вина самой жертвы, то множественные и особенно массовые убийства всегда на вершине кровавых злодеяний, это самые видимые, самые яркие убийства, это чистый продукт жестокости, взращенный обществом, в том числе и в самих убийцах. Они меньше других связаны с пьяным разгулом, когда жизнь, лишенная четких очертаний и понятного смысла, протекает в некоем тумане, с безысходностью и смертельной тоской человека, оказавшегося в тупике или поставленного на колени, причем его жертва часто отнюдь не в лучшем положении. Множественные же убийства — это прорыв злости, злобы, ненависти, мстительности, это вождение убивать ради самого убийства, ради господства над жизнью других, невзирая на их пол, возраст или возможность сопротивления.

Особое внимание следует обратить на современных наемных убийц, помня при этом, что заказное убийство отнюдь не новинка наших дней. Такое преступление существовало всегда. Теперь руками наемных убийц уничтожают экономических конкурентов, политических противников, журналистов и сотрудников правоохранительных органов, несговорчивых криминальных партнеров и конкурентов, «изменников» из числа членов преступных групп, лиц, отказывающихся платить дань таким группам, и т.д. Это новая категория множественных убийств, взращенная свободным рыночным обществом российского качества, позволяющим киллерам долгое время безнаказанно злодействовать.

1.2. Сравнительные данные о лицах, совершивших множественные и иные убийства

У меня имеются некоторые статистические данные о психологических и иных особенностях преступников, совершивших множественные убийства (их условно можно назвать некрофильскими личностями), и тех, которые осуждены за одно-два

убийства. Условный характер обозначения первых определяется тем, что я не обследовал каждого из них, с тем чтобы выяснить, являются ли все такие множественные убийцы некрофилами. Между тем думать так есть все основания, поскольку среди данной категории преступников чаще всего, как показывает исследовательский опыт, встречаются некрофильские личности. Речь идет о 120 лицах, отбывавших пожизненное лишение свободы в 90-х годах прошлого века в Вологодской области.

По результатам применения Методики многостороннего исследования личности наиболее криминогенное сочетание шкал 6 и 8 (застывание аффекта, склонность к подозрительности, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях, а также тенденция к соблюдению психической дистанции между собой и окружающим миром, уход в себя) среди лиц, совершивших одно убийство, встречается у 27,2% преступников, а среди тех, кто осужден за три и более убийств, — 42,8%, т.е. почти в два раза чаще. Более того (и это очень важно отметить), у лиц, совершивших три и более убийств, наиболее выражена аутичность — стремление к дистанцированию от людей и уход в себя. Если исходить из того, что некрофилия представляет собой влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, к смерти, то вполне естественно стремление удалиться от окружающего живого мира, уйти от контактов с ним — психологически, разумеется. Эта тенденция относится к числу ведущих у некрофильских личностей.

Влечение к смерти проявляется у названных людей и в другом. Нашими исследованиями обнаружено, что склонность к суициду наличествует у 31,8% преступников, совершивших одно убийство, и у 61,9% лиц, осужденных за три и более убийств, т.е. у последних почти в два раза больше. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что совершившие несколько убийств отличаются глобальной деструкцией, они агрессивны не только по отношению к другим, но и к самим себе. Это тоже естественно, поскольку смерть имеет как бы единое лицо, независимо от того, кто попадает в ее власть. Повышенное стремление к суициду лиц, совершивших три и более убийств, явно коррелирует с их аутичностью.

Чтобы не было сомнений по поводу допустимости сравнения двух групп лиц — совершивших одно убийство и совершивших три и более убийств, — отмечу, что все они отбывают одно и то же наказание в абсолютно одинаковых условиях.

Теперь рассмотрим применительно к упомянутым двум группам различные обстоятельства совершенных преступлений и особенности личности преступника⁴.

Согласно психологической методике Шмишека, распределение психологических типов среди лиц, совершивших одно убийство, примерно такое же, как и у лиц, осужденных за три и более подобных же преступлений. Так, эмотивных личностей среди первых было 13,5%, среди вторых — точно столько же; демонстративных соответственно — 11,3 и 11,2%; застревающих — 11,8 и 10,7%; возбудимых — 10,8 и 10,7%. Однако предположительно больше оказалось некрофильских убийц, принадлежащих к тревожно-мнительному типу (10,8 против 11,8%), что подтверждает мои предположения по поводу того, что повышенная тревожность играет заметную роль в насильственном некрофильском поведении, о чем подробнее будет сказано ниже.

Теперь я предлагаю читателю ознакомиться с данными, полученными в результате применения других психологических методик, вначале — теста Кеттелла. Соответствующие данные я буду приводить отдельно о лицах, совершивших одно и три и более таких преступлений. Оказалось, что по сравнению с теми, кто совершил одно убийство («обычные»), предположительно некрофильские преступники («некрофильские») отличаются ригидностью (30,8 и 45,0%), меньшей способностью обучаться (48,4 и 36,0%), эмоциональной неустойчивостью (69,2 и 80,0%), озабоченностью (42,3 и 56,0%), подверженностью чувствам (11,6 и 16,0%), сензитивностью, т.е. восприимчивостью, (34,7 и 36,0%), доверчивостью (19,3 и 32,0%), практичностью (11,5 и 32,0%) и в то же время почти отсутствием хитрости (42,2 и 12,0%), прямолинейностью (34,7 и 36,0%) и неконформизмом (53,8 и 76,0%). «Некрофильские» уверены в себе, но вместе с тем более тревожны (80,8 и 92,0%).

⁴ Группировка соответствующих признаков осуществлена В.А. Верещагиным, психологическое тестирование проведено В.В. Поповым.

Нетрудно заметить, что в основных своих чертах приведенные данные совпадают с теми, которые были получены с помощью других методик.

Поскольку настоящее исследование посвящено убийцам, да еще некрофильским, необходимо выяснить, насколько они агрессивны, хотя бы по сравнению с теми, кого я условно отнес к числу «обычных» убийц.

Применение теста Басса—Дарки показало, что среди «обычных» почти вдвое больше лиц, отличающихся пассивностью (23,1 и 12,0%), а среди «некрофильских» тоже почти вдвое больше людей с физической агрессивностью (23,1 и 44,0%). При этом среди вторых больше лиц и с прямой, и с косвенной агрессивностью, а среди «обычных» намного выше доля тех, кто склонен ограничиваться вербальной агрессией, не прибегая к физической (50,1 и 32,0%).

Вместе с тем «некрофильские» менее раздражительны, чем «обычные» («обычные» — 19,2%, «некрофильские» — 12,0%), а это может свидетельствовать о том, что влияние внешних факторов на вторых менее значимо, чем на первых, и они не так обидчивы. Однако, согласно результатам применения методики Айзенка, среди «некрофильских» больше экстравертов, чем среди «обычных» (34,7% — среди «обычных», 42,0% — среди «некрофильских»). Учитывая результаты применения других тестов и клинических бесед с некрофильскими убийцами, данное обстоятельство можно интерпретировать следующим образом: некрофилы-экстраверты ориентируются на внешний мир, но ориентируются именно как некрофилы, а не как «нормальные» люди. Содержанием названной ориентации является стремление уничтожить главный объект этого мира — человека, который тем не менее не вызывает ни раздражения, ни обиды. Он уничтожается не потому, что плохой, а потому, что он живой, и соответствующее убийство есть преступление против жизни, а не против личности. В указанном смысле среда и направляет поведение некрофильского убийцы.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что «некрофильские» убийцы гораздо реже испытывают чувство вины, чем «обычные» («обычные» — 73,0%, «некрофильские» — 40,0%). Этот результат нуждается в специальном теоретическом исследовании, поскольку объясняет очень многое в механизме

и особенно в природе некрофильского убийства. Об этом будет подробнее сказано ниже. Собственно, весь последующий научный анализ можно свести к ответу на вопрос: почему «некрофильские» даже по сравнению с «обычными» убийцами намного реже переживают чувство вины? Коротко: потому что они «некрофильские», потому что их главным врагом является сама жизнь, потому что они реализуют особое экзистенциальное предназначение.

Данные относительно чувства вины получены с помощью теста Басса–Дарки. Сходные результаты получены в результате применения методики «Уровень субъективного контроля»: среди некрофилов не оказалось никого, кто был бы склонен обвинять самого себя.

Обратимся к иным характеристикам некрофильских убийц.

Таблица 1

**Общая характеристика убийств
(все обследованные преступники), %**

Показатель	Число убийств		
	одно	два	три и более
Общее распределение признаков	29,5	42,0	28,5
Возраст преступников, лет:			
• 18–25	44,0	23,0	32,0
• 26–35	20,5	54,5	25,0
• 36–45	46,2	30,8	23,0
Убийство совершено:			
• лицами, ранее не судимыми	14,3	47,6	38,1
• лицами, ранее судимыми	34,3	40,3	25,4
• в течение трех месяцев после освобождения из мест лишения свободы	37,5	18,7	43,8
• в одиночку	32,8	37,9	29,3
• в группе	23,3	50,0	26,7
• путем удушения	32,4	43,2	24,3
• нанесением телесных повреждений	21,4	48,2	30,4
• с применением огнестрельного оружия	16,7	50,0	33,3

Как можно видеть из данных табл. 1, три и более убийств чаще совершают лица в возрасте 18–25 лет, многие ранее не привлекались к уголовной ответственности, а те, которые отбывали наказание, в 43,8% случаев совершили новое преступление в течение трех месяцев после освобождения из мест лишения свободы. Серийные убийства чаще совершаются в группе с помощью огнестрельного оружия. Вместе с тем следует отметить, что все перечисленные особенности серийных убийц в большинстве случаев лишь в малой степени отличают их от тех, кто совершил убийство одного человека. Исключение составляет возрастная группа 36–45 лет: среди них тех, кто совершил одно убийство, вдвое больше, чем тех, кто это сделал три и более раз. Они же в два раза чаще использовали огнестрельное оружие по сравнению с первой группой.

Обращает на себя особое внимание, что среди условно некрофильских личностей самую большую группу составили лица в возрасте 18–25 лет – то же самое можно видеть и в табл. 2. Данный факт можно интерпретировать так: некрофилия проявляется уже в молодом возрасте, когда еще не особенно крепки внутренние сдерживающие механизмы. Именно в таком возрасте некрофилия, по-видимому, наиболее интенсивна и автономна.

Рассмотрим теперь число эпизодов убийств и число жертв в каждом эпизоде (см. табл. 2).

Три и более эпизодов отмечаются несколько больше среди лиц в возрасте 18–25 лет и у тех, кто был ранее судим, большинство совершали преступные действия в рамках одного эпизода. Те убийства, которые были совершены в одиночку, по большей части включали в себя лишь один эпизод. Огнестрельное оружие намного чаще использовалось в случаях совершения преступлений, укладываемых в один эпизод. Что касается числа жертв в каждом эпизоде, то здесь можно указать на то, что больше других в одном эпизоде уничтожали людей преступники в возрасте 36–45 лет: две жертвы в одном эпизоде было в 30,8% случаев, три и более – в 23,0%, итого в 53,8% случаев убийцы из этой возрастной категории убивали двух и более людей.

Из всего контингента обследованных каждый четвертый, действовавший в одиночку, в одном эпизоде уничтожил трех и более людей.

Таблица 2

Число эпизодов убийств и число жертв в каждом эпизоде (все обследованные преступники), %

Показатель	Число эпизодов			Итого	Число жертв в каждом эпизоде			Итого
	один	два	три и более		один	два	три и более	
Общее распределение признаков	65,9	17,0	17,1	100,0	53,4	26,1	20,5	100,0
Возраст преступников, лет:								
• 18–25	68,0	12,0	20,0	100,0	60,0	16,0	24,0	100,0
• 26–35	54,5	27,4	18,1	100,0	59,1	27,3	13,6	100,0
• 36–45	92,3	–	7,7	100,0	46,2	30,8	23,0	100,0
Преступление совершено:								
• лицами, ранее не судимыми	76,2	19,0	4,8	100,0	33,3	33,3	33,4	100,0
• лицами, ранее судимыми	62,7	16,4	20,9	100,0	59,7	23,9	16,4	100,0
• в течение трех месяцев после освобождения из мест лишения свободы	56,3	–	43,7	100,0	50,0	18,8	31,2	100,0
• в одиночку	79,3	8,6	12,1	100,0	43,1	31,0	25,8	100,0
• в группе	40,0	33,3	26,7	100,0	73,3	16,7	10,0	100,0
• путем удушения	54,1	18,9	27,0	100,0	67,6	24,3	8,1	100,0
• нанесением телесных повреждений	64,3	21,4	14,3	100,0	42,9	28,6	28,6	100,0
• с применением огнестрельного оружия	66,7	16,7	16,6	100,0	50,0	33,3	16,7	100,0

Серийные убийства чаще совершались путем нанесения телесных повреждений холодным оружием, камнями, палками и другими предметами, руками, ногами и т.д.

Теперь рассмотрим убийства, сопряженные с изнасилованием, разбоями и на почве бытовых отношений, после чего я попытаюсь сделать некоторые общие выводы.

Общие данные об убийствах, сопряженных с изнасилованием, приведены в табл. 3.

Таблица 3

Убийства, сопряженные с изнасилованием, %

Показатель	Количество убийств		
	одно	два	три и более
Убийство, сопряженное с изнасилованием	42,3	38,5	19,2
Убийство совершено:			
• в одиночку	50,0	30,0	20,0
• в группе	16,7	66,7	16,7
• лицами, ранее не судимыми	25,0	75,0	—
• лицами, ранее судимыми	54,5	31,8	22,7
Возраст жертвы, лет:			
• до 7	50,0	50,0	—
• от 8 до 14	85,7	14,3	—
• от 15 до 18	40,0	40,0	20,0
Жертве нанесены повреждения:			
• множественные различной локализации (10 и более ударов ножом)	33,3	33,3	33,3
• половой сферы (половых органов, молочных желез, анального отверстия, ягодиц)	85,7	14,3	—

Данные таблицы свидетельствуют о том, что к числу совершивших три и более убийств, сопряженных с изнасилованием, относится почти каждый пятый. В группе чаще совершаются

два убийства с изнасилованием. Убийство с изнасилованием трех и более несовершеннолетних наблюдается только среди жертв в возрасте от 15 до 18 лет. Не было среди серийных убийц-насильников тех, кто не нанес бы телесные повреждения половой сферы.

Рассмотрим теперь эпизоды убийств с изнасилованием (табл. 4).

Таблица 4

**Число эпизодов убийств, сопряженных с изнасилованием,
и число жертв в каждом эпизоде, %**

Показатели	Число эпизодов			Итого	Число жертв в каждом эпизоде			Итого
	один	два	три и более		один	два	три и более	
Убийство, сопряженное с изнасилованием	57,7	19,2	23,1	100,0	69,2	19,2	11,5	100,0
Убийство совершено:								
• в одиночку	65,0	10,0	25,0	100,0	70,0	20,0	10,0	100,0
• в группе	33,3	50,0	16,7	100,0	66,7	16,7	16,7	100,0
• лицами, ранее не судимыми	75,0	25,0	—	100,0		50,0	—	100,0
• лицами, ранее судимыми	54,5	18,2	27,3	100,0	72,7	13,6	13,6	100,0
Возраст жертвы, лет:								
• до 7	75,0	25,0	—	100,0	75,0	25,0	—	100,0
• от 8 до 14	71,4	14,3	14,3	100,0	100,0	—	—	100,0
• от 15 до 18	60,0	20,0	20,0	100,0	80,0	20,0	—	100,0

Окончание табл. 4

Показатели	Число эпизодов			Итого	Число жертв в каждом эпизоде			Итого
	один	два	три и более		один	два	три и более	
Жертве нанесены повреждения: • множественные различной локализации (10 и более ударов ножом)	66,7	—	33,3	100,0	33,3	33,3	33,3	100,0
• половой сферы (половых органов, молочных желез, анального отверстия, ягодиц)	85,7	14,3	—	100,0	85,7	14,3	—	100,0

В целом, как показывают данные таблицы, трех и более эпизодов убийств с изнасилованием больше, чем двух. Среди ранее судимых трех и более эпизодов было больше, чем среди тех же ранее судимых, осужденных вообще за такое же количество убийств с изнасилованием (см. табл. 3), от тех, которые убивали и насиловали в одиночку, но по большей части во время одного эпизода страдал один человек. Нет ни одного случая, чтобы в одном эпизоде пострадало сразу трое и более несовершеннолетних; ранее судимые лица в основном лишали жизни одного человека в рамках одного эпизода — именно одна жертва характерна при нападениях на несовершеннолетних. Повреждения половой сферы тоже больше всего характерны для случаев, когда был только один потерпевший.

Теперь проанализируем данные об убийствах, сопряженных с разбоем (см. табл. 5).

Таблица 5

Убийства, сопряженные с разбоем, %

Показатель	Количество убийств		
	одно	два	три и более
Убийство, сопряженное с разбоем	20,7	55,2	24,1
Убийство совершено:			
• в одиночку	27,3	63,6	9,1
• в группе	16,7	50,0	33,3
• лицами, ранее не судимыми	—	80,0	20,0
• лицами, ранее судимыми	25,0	50,0	25,0
• в помещении	28,6	64,3	7,1
• на улице	—	66,7	33,3
• в автомобиле	18,2	36,4	45,5
• путем удушения	17,6	47,1	35,3
• нанесением телесных повреждений	14,3	71,4	14,3
• с применением огнестрельного оружия	16,7	50,0	33,3

Серийные убийцы-разбойники (три и более убийств) в каждом третьем случае действуют в составе группы, но по большей части ранее они не привлекались к уголовной ответственности. Каждое третье убийство (предположительно некрофильское) совершалось с применением огнестрельного оружия. Некрофильские убийцы вдвое чаще, чем те, которые убили одного человека, убивали путем удушения; из числа первых треть уродовала на улице.

Проанализируем эпизоды убийств с разбоями и число жертв в каждом эпизоде (см. табл. 6).

Данные таблицы в общих чертах повторяют предыдущую. Среди тех, кого я называю условными некрофилами, ранее судимыми были только 25,7%. Они часто убивали на улицах и в других общественных местах, в автомобиле; каждый третий использовал огнестрельное оружие. Большое число жертв в одном эпизоде наблюдается при совершении убийств с разбоем в автомобиле и путем нанесения телесных повреждений, причем ни разу не было использовано огнестрельное оружие.

Таблица 6

**Число эпизодов убийств, сопряженных с разбоем,
и число жертв в каждом эпизоде, %**

Показатель	Число эпизодов			Итого	Число жертв в каждом эпизоде			Итого
	один	два	три и более		один	два	три и более	
Убийство, сопряженное с разбоем	48,3	27,6	24,1	100,0	69,0	27,6	3,4	100,0
Убийство совершено:								
• в одиночку	72,7	18,2	9,1	100,0	54,5	45,5	—	100,0
• в группе	33,3	33,3	33,3	100,0	77,8	16,7	5,5	100,0
• лицами, ранее не судимыми	40,0	40,0	20,0	100,0	60,0	40,0	—	100,0
• лицами, ранее судимыми	50,0	25,0	25,0	100,0	70,8	25,0	4,2	100,0
• в помещении	78,6	14,3	7,1	100,0	50,0	50,0	—	100,0
• на улице	—	66,7	33,3	100,0	100,0	—	—	100,0
• в автомобиле	27,3	27,3	45,5	100,0	81,8	9,1	9,1	100,0
• путем удушения	35,3	27,3	35,3	100,0	76,5	17,6	5,9	100,0
• нанесением телесных повреждений	42,9	42,9	14,2	100,0	64,3	28,6	7,1	100,0
• с примени- ем огне- стрельного оружия	50,0	16,7	33,3	100,0	66,7	33,3	—	100,0

Рассмотрим теперь последнюю группу – убийства на почве бытовых отношений (см. табл. 7)

Таблица 7

Убийства на почве бытовых отношений, %

Показатель	Количество убийств		
	одно	два	три и более
Убийство на бытовой почве	16,7	41,7	41,6
Убийство совершено:			
• в одиночку	19,0	38,1	42,9
• в группе	—	66,7	33,3
• лицами, ранее не судимыми	22,2	33,3	44,5
• лицами, ранее судимыми	13,3	46,7	40,0
• с сокрытием трупа	21,1	42,1	36,8
• без сокрытия трупа	—	25,0	75,0
• в течение трех месяцев после освобождения из мест лишения свободы	25,0	25,0	50,0
• путем удушения	20,0	40,0	40,0
• с помощью холодного оружия	15,8	42,1	42,1
• с помощью огнестрельного оружия	—	50,0	50,0

Думаю, что в этой группе убийств условные некрофилы представлены наиболее полно: в одиночку действовали 42,9%, ранее судимые лица — 40,0%, в течение трех месяцев после освобождения из исправительного учреждения — 50,0%, убивали с помощью удушения — 40%, с помощью холодного оружия — 42,1% и огнестрельного оружия — 50,0%.

Рассмотрим эпизоды убийств на почве бытовых отношений и их жертвы в каждом эпизоде (см. табл. 8).

Нетрудно заметить, что условно некрофильские личности, орудовавшие в группе, составили лишь треть, ранее судимые — 20,0%, принимавшие меры к сокрытию трупа — 25,0%, совершившие убийства в течение трех месяцев после освобождения из мест лишения свободы — 50,0%, задушившие свои жертвы — 40,0%. Если иметь в виду количество жертв в каждом эпизоде, то оказывается, что условно некрофильских убийц больше среди совершивших преступления в одиночку, ранее не судимых лиц, принявших меры к сокрытию трупов, совершивших преступления в течение трех месяцев после освобождения из мест лишения свободы, убивших с помощью огнестрельного оружия.

Таблица 8

Число эпизодов убийств на почве бытовых отношений и число жертв в каждом эпизоде, %

Показатель	Число эпизодов			Итого	Число жертв в каждом эпизоде			Итого
	один	два	три и более		одна	две	три и более	
Убийство на бытовой почве	79,2	8,3	12,5	100,0	25,0	37,5	37,5	100,0
Убийство совершено:								
• в одиночку	81,0	9,5	9,6	100,0	23,8	33,3	42,9	100,0
• в группе	66,7	—	33,3	100,0	33,3	66,7	—	100,0
• лицами, ранее не судимыми	88,9	11,1	—	100,0	22,3	33,3	44,4	100,0
• лицами, ранее судимыми	73,3	6,7	20,0	100,0	26,7	40,0	33,3	100,0
• с сокрытием трупа	84,2	5,3	10,6	100,0	31,6	36,8	31,6	
• без сокрытия трупа	50,0	25,0	25,0	100,0	—	25,0	75,0	100,0
• в течение трех месяцев после освобождения из мест лишения свободы	50,0	—	50,0	100,0	25,0	25,0	50,0	100,0
• путем удушения	60,0	—	40,0	100,0	40,0	40,0	20,0	100,0
• с помощью холодного оружия	78,9	10,5	10,6	100,0	21,1	36,8	42,1	100,0
• с помощью огнестрельного оружия	75,0	—	25,0	100,0	25,0	50,0	25,0	100,0

Сведем в единую таблицу информацию о предполагаемых некрофильских убийствах по наиболее значимым и сопоставимым показателям (табл. 9).

Таблица 9

Отдельные виды убийств, %

Убийства, сопряженные с изнасилованиями	три и более убийств	19,2
	три и более жертв в одном эпизоде	11,5
Убийства, сопряженные с разбоями	три и более убийств	24,1
	три и более жертв в одном эпизоде	3,4
Убийства на бытовой почве	три и более убийств	41,7
	три и более жертв в одном эпизоде	37,5

Данные приводимой таблицы убедительно говорят о том, что предположительно некрофильские убийцы наиболее полно представлены в группе совершивших три и более бытовых убийств. Их больше по сравнению с другими видами и среди тех, от чьей руки в одном эпизоде погибло три и более человек.

Глава 2

МНОЖЕСТВЕННЫЕ УБИЙСТВА, СОВЕРШАЕМЫЕ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ И ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

2.1. Банды и бандитизм

Рассмотрим множественные убийства, совершаемые группами преступников, учитывая классификацию этих групп, приведенную в ст. 35 УК РФ. Действительно, подобные убийства могут быть делом рук любой группы, названной в этой статье, но следует признать, что для групп без предварительного сговора это скорее всего является редкой случайностью. Обычно такое поведение допускают группы, заранее договорившиеся о совершении множественных преступлений, а чаще — преступные сообщества (преступные организации) или организованные группы, которые можно назвать бандами.

Между тем в той редакции, которая дана в ст. 35 УК РФ, на практике организованную группу далеко не всегда просто отделить от преступной организации. Эти две разновидности групп, как впрочем и две предыдущие, различаются по степени организованности, что представляется недостаточным. На мой взгляд, преступное сообщество — это такое формирование, которое обладает коррупционными связями во властных структурах, имеет выход в политику и вполне легальный бизнес. Этим банда характеризуется достаточно редко, хотя у нее может быть и продуманная структура, и лидер (главарь). Именно преступная организация, а не организованная группа является единицей организованной преступности. Однако рассмотрим эти явления отдельно и более обстоятельно.

Согласно закону банда — это устойчивая вооруженная группа, созданная в целях нападения на граждан и (или) организации.

Банда является разновидностью организованной группы, а преступное сообщество может действовать в том числе и как банда. Банда обладает возможностями выживания при противодействии правоохранительным органам, может иметь связи в них. Она создается для совершения одного, а чаще нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. С этой целью ее участники вступают в сговор друг с другом, распределяют роли, намечают план действий, пути отхода, возможности сбыта или укрытия похищенного, обращения со свидетелями и т.д. Банда создает определенную дисциплину, внутренние правила для своих членов.

Члены банды должны быть вооружены, но означает ли это, что у них обязательно должно быть оружие или возможно использование предметов, используемых как оружие, например топоров или бытовых ножей. В соответствии со ст. 209 УК РФ, банда должна еще быть и устойчивым формированием, хотя, конечно, множественные убийства могут совершить и иные группы лиц. Иногда ее невозможно отличить от незаконных вооруженных формирований, и Н.Г. Иванов справедливо назвал их «близнецами-братьями». Тех и других среди прочего объединяет один совершенно необходимый им признак – совершение насильственных преступлений. Однако, как показал опыт деятельности по наведению конституционного порядка на Северном Кавказе, банда включает в себя меньшее количество участников, чем незаконное вооруженное формирование. Последнее преследует не только экономические цели – завладение чужими ценностями, но и идеологические, особенно этнорелигиозного и сепаратистского характера. Иногда такие же цели может преследовать банда, но это бывает намного реже.

Понятие банды, как верно отмечает К.А. Краснова, является центральным вопросом содержания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ⁵. Несмотря на достаточно многочисленные научные работы и публикации, посвященные бандитизму, отдельные аспекты этого уголовно-правового института до настоящего времени не получили исчерпывающего разрешения. В частности, нет единого мнения

⁵ Краснова К.А. Предупреждение бандитизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.

относительно определения понятия «банда» в уголовном праве, формах участия в ее деятельности, количества и содержания признаков, характеризующих данное групповое объединение.

По поводу содержания понятия «банда» в уголовно-правовой литературе высказаны различные мнения; к сожалению, в криминологии такого внимания к этому понятию нет. В частности, остается предметом дискуссии проблема соотношения банды с иными разновидностями соучастия. Среди ученых до сих пор не достигнуто единство по данному вопросу. Существуют такие основные позиции.

Некоторые ученые относят банду к разновидности организованной группы⁶. Так, С.Ю. Бытко отмечает, что организованная группа лучше других форм соучастия приспособлена к совершению преступления, обладает выживаемостью в условиях противодействия со стороны правоохранительных органов. Другие исследователи считают вооруженную банду одним из видов преступного сообщества, обладающим четырьмя обязательными признаками: число лиц, образующих банду; цель их объединения; характер связи; объединения между ними и наличие оружия⁷.

Некоторые авторы отмечают, что банда находится в промежуточном положении между организованной группой и преступным сообществом, так как обладает признаками, относящимися к обеим названным формам соучастия, но по основным характеристикам она гораздо ближе к преступному сообществу (преступной организации), чем к организованной группе⁸.

Н.Г. Иванов относит банду к одному из групповых образований, дополнительно предусмотренных Особенной частью УК РФ, требующих отличительных критери-

⁶ См., напр.: *Комиссаров В.С.* Место и роль института соучастия в борьбе с организованной преступностью (электронный ресурс) // www.sartraccs.ru; *Бытко С.Ю.* Соучастие в преступлении по УК РФ: лекция / С.Ю. Бытко. Саратов, 2009. С. 31.

⁷ *Гамзиков А.Г.* Банда и признаки бандитизма // Российский следователь. 2009. № 14. С. 14.

⁸ *Ермакова Т.Н.* Банда и преступное сообщество (преступная организация) как формы соучастия: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 20.

ев⁹. И организованная группа, и преступное сообщество создаются по предварительному сговору, обладают оружием, имеют целью совершение тяжких и особо тяжких преступлений и могут быть устойчивыми, т.е. не подверженными колебаниям, внутренним и внешним разрушающим воздействиям. Однако коррумпированными связями в политике правоохранительных органов и экономике обладает только преступное сообщество.

В литературе устойчивость банды определяется, как считает Краснова, через совокупность присущих ей признаков. Специалисты уголовного права предлагают определять устойчивость, используя в качестве критериев длительность существования и число преступлений. По мнению П.В. Агапова, объективное проявление устойчивости составляет длительный или интенсивный короткий период преступной деятельности, складывающийся из значительного числа преступлений, или образует в своей совокупности единое преступное поведение, осуществляемое участниками такой группы¹⁰.

С точки зрения А.С. Емельянова, устойчивость банд, преступных групп вообще есть их характеристика, которую следует рассматривать в развитии. В основе устойчивости банд лежат:

- на первоначальном этапе ее (устойчивости) развития количественные признаки – многоэпизодность, многоактность преступной деятельности, ее длительность и интенсивность;
- на втором этапе качественные признаки – организованность, планирование преступлений, распределение ролей внутри банд, иерархия соподчиненности членов и т.д.;
- на третьем этапе качественные и количественные признаки в их единстве – организованность, относящаяся не к преступлениям, а к преступной деятельности в целом¹¹.

«Из обследованных мною, – писал С.В. Познышев, – 250 бандитов 100 не испытывали никакого содрогания от вида крови, ран и трупов и характеризовали свое отношение ко всему

⁹ См., напр.: *Иванов Н.Г.* Критерии разграничения преступных группировок // Российская юстиция. 1999. № 5.

¹⁰ *Агапов П.В.* Критерии разграничения организованной группы и преступного сообщества // Законность. 2007. № 5. С. 23.

¹¹ *Емельянов А.С.* Криминологическая характеристика бандитизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 4.

этому как полное равнодушие. 33 заявили, что вполне привыкли ко всем этим зрелищам, прежде для них неприятным, на войне, 82 бандита ответили, что они не расположены к насилию и вид крови и ран производит на них тяжелые впечатления, 24 бандита вообще никогда не видели ран и крови, кроме небольших кровотечений при порезе собственных пальцев. Относительно 11 точных сведений по данному вопросу не получено. У 6 была резко выражена любовь к насилию при равнодушии к его последствиям».

Наклонность к насилию особенно рельефно проявляется у бандита в случаях, когда казалось бы потерпевший, естественно мог ожидать мягкости со стороны преступника, например, когда он был хорошим знакомым либо другом преступника, находился с преступником в момент преступления или непосредственно перед этим в близких отношениях и т.д. А между тем, даже оставляя отмеченные уже психопатологическими чертами случаи садизма в стороне, и при таких отношениях мы встречаем иногда в психологии бандита особенно резко проявляющуюся способность к насилию, удивительно спокойное и рассчитанное применение к другому человеку физической силы для достижения намеченной корыстной цели¹².

Познышев считал, что для бандита существен именно способ действия, а не наличие соучастников. Слово «бандит» может быть объяснено исторически: первоначально бандитами называли шайки, действующие бандитским образом. И это слово указывает лишь на то, что обыкновенно для таких действий люди объединяются в группы — банды, — отсюда их название «бандиты». Однако вряд ли есть основание считать наличие такой группы непременным условием для того, чтобы отдельного преступника считать бандитом. Бандит действует открытой силой. Он или прямо применяет физическую силу, или угрожает немедленно ее применить, если его требование не будет исполнено. Этим он существенно отличается от многих преступников, стремящихся к той же цели, как и он, но другим путем. Так, например, бандитами не могут считаться преступники, действующие посредством «малинки» — одурма-

¹² *Краснова К.А.* Предупреждение бандитизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.

нивающего вещества, приводящего жертву в бессознательное состояние (напитка, конфет, папирос, отравленных известным веществом, и т.д.). К бандитам не относятся и шантажисты, действующие угрозой оглашения каких-либо позорящих обстоятельств.

Бандит открыто заявляет о своем господстве над личностью другого человека, силой преодолевает сопротивление последнего или парализует его страхом, угрожая физическим насилием. Такое проявление физической силы — первый характерный признак бандитского нападения.

Бандитами являются открыто нападающие наемные убийцы, зарабатывающие своим кровавым делом определенное вознаграждение. Бандитами являются открыто нападающие корыстные убийцы, убивающие ради завладения тем или иным имуществом убитого. Бандитами являются разбойники и грабители, действующие с насилием, а также вымогатели, применяющие физическую силу или угрожающие ее применить.

Таким образом, слово «бандит» обнимает пеструю группу лиц, совершающих очень различные преступления — убийство, разбой, грабеж с насилием или вымогательство, — и по характеру совершенных ими преступлений, распадающихся на очень различные категории¹³.

Думаю, что для криминологии вполне приемлем термин «бандит» для обозначения преступника, который действует с помощью грубого насилия в том числе и в одиночку, убивая тех, чье имущество или чьи ценности он хотел бы завладеть. Но российское уголовное право такого понятия не знает, считая бандитами членов банды.

С.В. Познышев справедливо обращает внимание на то, что в банде могут действовать самые разные личности. Среди бандитов мы найдем много таких, у которых резко выражена склонность к нетрудовому обогащению на чужой счет, характерная для воров, и лишь очень слабо выражена способность к насилию. Эти бандиты непосредственно сами физической силы к другому не применяют, поскольку не способны это

¹³ См., напр.: *Комиссаров В.С.* Место и роль института соучастия в борьбе с организованной преступностью (электронный ресурс) // www.sartraccs.ru; *Бытко С.Ю.* Соучастие в преступлении по УК РФ: лекция / С.Ю. Бытко. Саратов, 2009. С. 31.

делать. Не всегда они способны даже угрожать насилием, часто соглашаются участвовать лишь в тех налетах, где не будет убийств и физического насилия, иногда даже уговариваются с товарищами, чтобы насилий не было. Они отказываются участвовать в нападениях, в которых можно ожидать убийств, определенно уговариваются, что будут лишь стоять на страже, таскать узлы и т.д. Другие бандиты, наоборот, развивают свою деятельность в резко насильственной форме: связывают потерпевших, наносят раны, убивают и т.д., и делают это вполне спокойно, без особых усилий над собой, иногда даже с удовольствием. Немало и таких, которые равнодушны к вопросу о насилии и убийстве: придется — они пойдут на это, а обойдется без этого — тем лучше, так как меньше риска подвергнуться большому наказанию.

Интересно отметить, что в сознании многих бандитов психическое насилие, т.е. угрозы, насилием не считается, и когда они описывают свое преступление, то настойчиво утверждают, что насилия не было и произвести его они неспособны. А те же угрозы, которые они адресовали потерпевшим без намерения привести их в исполнение или выражали самим фактом своего появления при определенной обстановке, они насилием не считали.

Банды в России существовали всегда, в том числе благодаря ее огромнейшим территориям и густым лесам. Некоторые банды орудовали годами и были чрезвычайно жестоки, ничего политического в них не было. С.В. Познышев рассказывает об одной такой банде — Василия Котова¹⁴, которая занималась грабежами в Москве, Московской и Калужской губерниях, а также в Курске в период с 1917 по 1922 г. За это время ею было совершено 116 убийств. В деятельности банды Котов принимал самое активное участие. Преступления банды изложены в описаниях Познышева практически дословно.

Чего-либо особенного о детстве и юности Василия Котова сказать нельзя, потому что они, по-видимому, были бесцветны и после первого осуждения в 1904 г. в основном протекали в тюрьмах. Ничто никогда особенно его не интересовало, кроме разве торговли, которой он время от времени занимался

¹⁴ Гамзиков А.Г. Банда и признаки бандитизма // Российский следователь. 2009. № 14. С. 14.

(торговал он, впрочем, по-видимому, почти исключительно вещами крадеными или добытыми его разбойными нападениями), и только одно время – в 1917 г. – мешочничал. Но из легальных занятий торговля ему всего более по душе. Никаких умственных интересов и навыков в каком-либо полезном труде он с детства и юности не приобрел, а потом жизнь его стала прочно на колею борьбы с уголовным законом и по этой колее шла до последнего времени, когда он наконец предстал перед уголовным судом за длинный список своих кровавых дел.

В окружающей обстановке и условиях воспитания Котова не было ничего, что могло бы возбуждать и развивать в его душе какие-либо альтруистические чувства, и если у него были какие-либо зародыши этих чувств, они заглохли, атрофировались. От его кровавых преступлений веет таким бессердечием, такой спокойной и непоколебимой жестокостью, что с трудом верится, что это мог делать душевно здоровый человек. А между тем врачебное исследование не обнаружило у Котова никаких признаков нервных или душевных болезней. Он – не эпилептик и не сумасшедший. В его внешности нельзя уловить никаких признаков вырождения.

На вид этот человек ничем не отличался от обыкновенного прасола или мелкого лавочника, на которого он походил своей внешностью. Рост средний, лицо обыкновенное. Нос тонкий, с горбинкой, глаза холодные, серо-зеленые. Лицо спокойное, не склонное к улыбке, с выражением сдержанности и сосредоточенности. Оно не располагает к себе, но и не отталкивает. И вовсе не говорит о той поразительной жестокости, которой веет от его преступлений. Вот, например, как было совершено убийство 11 человек на хуторе гражданина Поздняка. Картину этого убийства можно воспроизвести с полнейшей точностью, потому что по счастливой случайности одна из намеченных жертв этого преступления – Христина Позняк – ускользнула от рук убийц.

По ее рассказу, 2 мая под вечер, когда было еще совсем светло, из леса вышли двое мужчин и одна женщина и пошли к их хутору. Войдя во двор, они объявили себя какими-то представителями административной власти, потребовали хозяина и сказали, что произведут обыск. При этом строго велели всем

собраться в избу. Собравшимся, угрожая револьвером, крикнули «руки вверх» и поднятые руки перевязали. Связанные были отведены в чулан. Через некоторое время в этот же чулан были приведены три охотника со связанными руками. Они объяснили остальным, что проходили мимо хутора на охоту и обманно были завлечены в избу под предлогом, что они должны принять участие в обыске в качестве понятых. С наступлением вечера бандиты перевели всех из чулана в избу, поставили в один ряд у стены и скомандовали: «Садись». Все сели. Севшим связали ноги, а некоторым завязали глаза. Пришедшая с бандитами женщина (Винокурова) с револьвером в руках осталась сторожить связанных, а мужчины стали выбирать и увязывать вещи. После отбора вещей высокий рыжий мужчина вышел из избы и через несколько минут вернулся одетым в длинный серый армяк, что-то придерживая под полой, причем сказал товарищу: «Ну все готово». С этими словами он приблизился, рассказывает Христина, к моему отцу, сидевшему первым в ряду, и со всего размаха ударил его топором по голове. Все связанные в ужасе стали метаться, кричать и расползаться как могли, моля о пощаде. Особенно просил о пощаде один из молодых охотников, плакал и умолял оставить его в живых ради семи малолетних его детей, при больной матери. Все было бесполезно. Бандит продолжал рубить голову за головой, отвечая на все грубейшей площадной бранью. Разбив череп матери семейства, сидевшей рядом с отцом, а затем братьям, убийца стал приближаться к Христине. В этот момент она неожиданно для себя, откинувшись назад, попала под стоящую в комнате кровать с длинным пологом, дернула под себя ноги, заползла под провалившиеся под кроватью половицы, а затем с большим усилием – под стойки, на которых была сложена русская печь. Она смутно помнит, как кто-то из связанных пытался поползти за ней под кровать, но был отдернут убийцей назад. Вскоре крики и стоны утихли; очевидно, все были убиты. Скрывшаяся слышала и видела, как в противоположном от нее конце избы убийцы, вынув половицы и предварительно осветив подполье электрическим фонарем, стали бросать под пол трупы. В этот момент она потеряла сознание, а когда очнулась стояла уже полная тишина и было светло. С трудом освободившись от повязок, она выползла из своего убежища и направилась в со-

седнюю деревню, где все и рассказала. Она сообщила затем все виденное агентам уголовного розыска и, как могла, описала внешность и приметы убийц.

Через несколько дней, 15 мая, близ станции Нара Наро-Фоминского уезда при сходной обстановке была убита семья хуторянина Иванова из 13 лиц. В этом деле один из потерпевших — сын хуторянина Николай Иванов — каким-то чудом прожил с разможенным черепом некоторое время и иногда ненадолго приходил в сознание. Очень отрывочно, но он смог кое-что рассказать; из его сообщений можно было составить картину, сходную с той, о которой говорила Христина Поздняк: было двое мужчин, из которых один рыжий, высокий, и черненькая, молодая, красивая женщина, одетые так же, как убийцы Поздняк. Таким же образом был совершен и самый акт убийства.

И в других случаях техника преступлений была поразительно проста и однообразна. Приходили, связывали людей, увязывали вещи, причем на процедуру отбора и увязки вещей тратили иногда много часов, так что, придя на хутор утром, уезжали с награбленным на лошади убитых поздно вечером, иногда ночью. Во все время отбора вещей связанные сидели где-нибудь в чулане, затем, перед отъездом, их выводили, сажали в ряд и разбивали им головы. Били топорами, иногда молотком, в одном случае — гирей по голове, иногда стреляли. Для убийства надевали особый брезентовый халат. Заботливо удаляли связанные узлы награбленных вещей с места убийства, чтобы на них не попали брызги крови и частицы разбиваемых голов жертв. Иногда женщины перед убийством насильовались, хотя насильовал ли их сам Котов или лишь его соучастник Морозов, осталось невыясненным.

Заслуживает внимания, что Котов по мере того, как соучастники его преступлений становились ему не нужны, постепенно убивал их. Так, среди убитых им было несколько семей скупщиков краденого, которым он продавал награбленное, например муж и жена Малец, а также семья неизвестного «хромого».

Интересно, как он убил своего ближайшего сподвижника Морозова, который стал слишком много пить и становился опасен для него своей пьяной болтливостью. С Морозовым, казалось, его связывают приятельские отношения и прочные

узы арестантской солидарности. Иван Иванович Морозов-Саврасов, выступавший под именем Ивана Ивановича Иванова, был, как и Котов, старый преступник, человек с большим уголовным прошлым, выпущенный в начале революции по амнистии 1917 г. Он был приговорен на 15 лет к каторге за убийство пытавшегося его задержать городского. По словам Котова, он и раньше судился за «мокрые дела», т.е. за убийства. Со слов Котова, Морозов был убит им при следующих обстоятельствах и по следующим мотивам.

В сентябре 1922 г., а именно 23 сентября, к ночи, Котов и Морозов приехали на станцию Апрелевка Брянской железной дороги и засели в лесу между Апрелевкой и деревней Горки, в версте от станции, с намерением ограбить и убить «подходящих» проезжих крестьян или дачников. Некоторое время они ждали бесплодно. Тогда Котову пришла мысль, приходившая ему и ранее, о необходимости избавиться от Морозова, который ему сильно надоел и становился небезопасным, так как стал слишком сильно пить. В разговоре он приводил и еще новый мотив этого убийства: будто бы он желал бросить преступную дорогу, устроиться с Винокуровой семейно где-нибудь на Кубани и заняться торговлей, а Морозов мешал ему, вовлекал его в преступления. По обычаю арестантов валить все на умерших или скрывшихся соучастников, Котов старался обвинить Морозова в своей преступной деятельности, хотя она началась задолго до их встречи и раньше протекала в не менее кровавых формах. Он не раз подчеркивал, что головы обыкновенно рубил Морозов, хотя вынужден был признать, что иногда приходилось это совершать и ему самому. Как бы то ни было, мелькнувшая у него 23 сентября мысль отделаться от сотоварища была с обычной для него решительностью тотчас им осуществлена: двумя выстрелами из револьвера в упор сидевший рядом Морозов был убит.

«Мои продолжительные беседы с Котовым, — поясняет Познышев, — а также наблюдения за его поведением на суде и внимательное изучение деталей его поступков, убедили меня в том, что он прекрасно владеет собой, безусловно не глуп, быстро ориентируется в обстановке, в которой находится, и в людях, с которыми ему приходится говорить, имеет недурную память, что отчасти подтвердили и произведенные мною

эксперименты, вполне обладает способностью быстро сосредоточивать и переводить свое внимание, очень сдержан и скуп на слова, лишен той развязности и неприкрытой бьющей ключом чувственности, которая так часто встречается у профессиональных убийц. Культ чувственных удовольствий был у него скрыт под видимой сдержанностью, да и круг этих удовольствий не отличался большим разнообразием. Ему хотелось, конечно, сытно и в довольстве жить, ради чего он и совершал свои кровавые преступления, однако особой склонности к широким кутежам с бахвальством и угощением массы приятелей, с шумным пьяным разгулом в притоне у него не отмечалось. Он любил выпить и вкусно поесть, но только у себя дома и не до безобразного состояния. Он не любил ходить по гостям, да и у себя гостей принимать был не охотник. Ему нравилось быть дома, поскольку позволяли "дела". С удовольствием жил бы на одном месте, но "положение мое, — говорил он, — было перекидное". Поторговав днем на рынке награбленным добром, он любил вечером попить у себя дома чайку, пойти с Винокуровой в кинематограф и тому подобные сравнительно невинные развлечения — особенно любимых развлечений у него не было. Про себя он говорил: "я не скучный, не мрачный, а так — средний". Этим он хотел сказать, что не склонен к тяжелым душевным переживаниям и шумным удовольствиям и смеху, ему было достаточно сдержанного удовлетворения своих чувственных потребностей. Состояние духа у него обыкновенно бывало ровным, спокойным. На вопрос, как он вообще себя чувствовал прежде и теперь, отвечал, что чувствовал и чувствует себя хорошо, лишь иногда испытывает не то грусть, не то скуку, но это — мимолетные состояния, не омрачавшие надолго его существования. Никаких тревожных или кошмарных снов он, по его словам, никогда не видел. На вопрос, не жалко ли убитых, отвечал что жалости не испытывал и не раскаивался; "ведь то было бы бесполезно", — добавил он.

Половые наслаждения его, по-видимому, особенно не прельщали. Семейная жизнь его не удалась. Он давно оставил жену, на которой еще юношей женился в деревне, и потерял ее из виду; дочь осталась с матерью. В дальнейшей жизни у него возникали лишь мимолетные связи с женщинами, продолжи-

тельных сожительств не было. Любви ни к одной из женщин он не испытывал. Следы некоторого чувства у него можно было заметить лишь в отношении Винокуровой — какая-то привязанность, несильная и неяркая, у него к ней была. Об этом говорят его некоторые заботы о ней и в прежней их жизни, и в заключении. Нежен с ней — и по его словам, и по ее сообщению, — он не был, но и грубо не обращался. На вопрос, бил ли он ее, ответил: "Нет, она и так подчинялась". И, по-видимому, эту покорность ее он прежде всего и ценил. На вопрос, могла ли она не подчиняться, он сдержанно, но строго ответил: "Должна подчиняться". И из тона этого ответа, и из общего впечатления, им производимого, ясно, что не подчиняться такому человеку Серафима не могла».

Котов — типичный некрофил, убийства не причиняли ему никаких неудобств, он вел себя спокойно и уравновешенно как во время, так и после совершения жесточайших преступлений. Он их совершал так, как будто бы занимался каким-нибудь ремеслом, и страшен именно по этой причине. Хотя элементы садизма в его действиях есть, он все-таки не только садист, поскольку не любовался содеянным, оставаясь таким же уравновешенным и спокойным, как и по вечерам, когда попивал чай. Однако у нас и за рубежом некоторые люди выступают за отмену смертной казни. И это тогда, когда на свете есть котовы, когда есть мерзавцы, убившие детей в станице Кушевская Краснодарского края в 2010 г. Очень опасно, что есть и такие с позволения сказать «гуманисты», которые и пожизненное лишение свободы считают чрезмерно суровым.

Познышев утверждает, что Котов был цельной личностью, сдержанной, малоразговорчивой, холодной и несколько суровой, неспособной ни на какие отступления или колебания ради каких-либо сентиментальных побуждений. Его кровавые дела в его глазах действительно были чем-то обыкновенным и не производили на него никакого впечатления. Стоны, мольбы и просьбы жертв лишь злили его и вызывали с его стороны только грубую брань. На него картина убийства не производила смущающего, способного хоть сколько-нибудь поколебать, впечатления. Он убил многих тех, которые не могли ему помешать или сообщить о нем, например прохожих, младенцев

2–3 лет, в одном случае – 9 месяцев. Однажды он убил даже кошку. Но ему, как и его сообщникам, убивать было приятно¹⁵. Добавлю, что все они были врагами жизни.

По данным С.П. Вайле, с начала 1990-х годов бандитизм стал представлять собой качественно новый уровень деятельности вооруженных организованных преступных групп. Изменились сами банды и характер их преступной деятельности. В активе банд появились новые, не характерные для традиционного бандитизма преступления: заказные убийства, вымогательства. Целью нападений стало завладение крупными денежными суммами. В это время отмечается резкое возрастание количества фактов бандитизма в России. Так, к 1999 г. по сравнению с 1992 г. оно возросло более чем в 50 раз.

Массовую эскалацию бандитизма в конце XX в. сменила явная тенденция к снижению числа выявленных фактов рассматриваемого преступления. В 2007 г. по сравнению с 2000 г. их число уменьшилось на 32% (с 513 в 2000 г. до 348 в 2007 г.), раскрытых – на 31,5% (с 466 в 2000 г. до 319 в 2007 г.), число выявленных по ним лиц снизилось на 37% (с 884 в 2000 г. до 593 в 2007 г.).

На протяжении последних лет происходит снижение числа регистрируемых фактов бандитизма. Так, в период с 2005 по 2009 г. число зарегистрированных фактов бандитизма снизилось на 51,2%, а за весь рассматриваемый период с 1997 по 2009 г. снижение регистрируемых фактов бандитизма составило 38,2%. Учитывая сравнительно невысокие показатели абсолютного значения преступлений, зарегистрированных по ст. 209 УК РФ (максимальное количество – 523 в 1999 г.), колебания фактов бандитизма в некоторые периоды имеют значительный характер (до 37,2% в 1998 г.).

В подавляющем большинстве изученных К.А. Красновой случаев банда создавалась для совершения корыстно-насильственных преступлений, в основном разбойных нападений на граждан и организации (91,1%), и преследовала цель хищения чужого имущества. Около 50% случаев бандитизма сопряжено с убийствами, в том числе двух и более лиц.

¹⁵ Там же. С. 211.

Нападения на граждан и организации совершаются участниками банды после предварительной разведки, направленной на выбор объекта нападения и приискания орудий совершения преступления. Проведенное исследование позволило установить сопряженность бандитизма с незаконным оборотом оружия (78,9%), хищением либо вымогательством огнестрельного оружия (21%), незаконным изготовлением оружия (13%), угонами автотранспорта (10,5%). Как правило, участниками банды использовалось огнестрельное оружие (92%), в том числе обрезы (39,5%). Исследование материалов уголовных дел позволило Красновой установить следующие пути приобретения оружия участниками банды: хищение оружия из войсковых частей, магазинов оружия, домовладений частных лиц (21%); незаконное изготовление обреза, переделывание газовых пистолетов для стрельбы боевыми патронами (13%). Иными словами, в орудиях, избираемых для совершения нападений, участники банды проявляют разборчивость. Это свидетельствует о том, что подавляющая масса нападений готовится участниками банды заранее.

Исследования К.А. Красновой показали, что чаще всего встречаются банды, состоящие из 4–6 (60%), реже – из 2–3 (22,5%) и свыше 7 (17,5%) человек. В современных условиях для банд характерен смешанный состав участников, включающий как судимых, так и ранее не судимых лиц (47,3%); реже выявляются банды, в которые входят ранее несудимые лица (36,9); и банды, состоящие только из ранее судимых лиц (15,8%).

В ходе исследования были выявлены случаи совершения более тяжкого преступления (бандитизма) лицами, осужденными ранее за разбой, кражи и освобожденными условно-досрочно. Как правило, совершение новых хищений происходит уже в группе и с применением оружия в течение года после освобождения. Число нападений, совершенных одной бандой, в среднем составляет 2–4 (39,5%), реже 5–7 (18,4%) и одно (13%). Однако наибольшую опасность представляют банды, совершающие 8 и более нападений в течение непродолжительного периода времени (26,3%), что свидетельствует о совместной преступной деятельности и отношении к полученным в ходе нападений денежным средствам и имуществу как постоянному источнику дохода, промыслу.

К.А. Красновой была выявлена зависимость числа нападений от количественного состава банды: чем больше в ее составе участников, тем чаще они совершают нападения, при этом состав нападавших лиц зачастую меняется. Как правило, функционирование банды прекращается лишь с вмешательством правоохранительных органов, хотя есть случаи, когда оно приостанавливается в связи с осуждением одного или нескольких участников за менее тяжкие преступления.

Механизм преступного поведения характеризуется действиями, направленными на скрытие внешности, демонстрацией оружия, его заряженности в подтверждение реальности угроз, высказываемых в адрес потерпевших, а в некоторых случаях использованием документов, формы и атрибутов сотрудников органов внутренних дел¹⁶.

Основное отличие банды от преступного сообщества состоит в том, что она не обладает коррумпированными связями в политических структурах и правоохранительных органах. Банда может действовать, где угодно: в городе, пригороде, лесу, и, как правило, отличается высоким уровнем жестокости и большим, в сравнении с преступными организациями, числом насильственных нападений. В современном глобализированном и, главное, урбанизированном мире наибольшую опасность представляют городские банды, но лишь отдельные из них приобретают необходимые контакты в тех учреждениях, которые могли бы им помочь. В этом случае они вплотную приближаются к преступным сообществам и при соблюдении необходимых условий сами становятся ими. Банды склонны совершать убийства, в том числе множественные, в рамках конфликтов с другими бандами и при нападениях на граждан.

Банда может быть должным образом организована и структурирована, может тщательно готовиться к совершению преступлений, иметь надежные каналы сбыта похищенного, в случае необходимости нужные контакты с другими преступными образованиями, но это не делает ее частью организованной преступности. Иными словами, совокупность банд, какую бы

¹⁶ *Краснова К.А.* Предупреждение бандитизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 23–25.

опасность для общества она не представляла, не является организованной преступностью. Банда — древнейшее явление, равно как и организованное преступное сообщество.

Чтобы представить себе масштабы убийств, совершаемых бандами, обратимся к вопросу об их вооруженности. Об этом можно найти обширный материал в работе С.П. Вайле и Э.А. Васильева. Они пишут, что 25% опрошенных в процессе исследования оперативных сотрудников органов внутренних дел указали, что участники банд используют «любой доступный вид оружия».

В настоящее время оружие на территории Российской Федерации действительно доступно и бесконтрольно. Непринятие на государственном уровне своевременных жестких мер по контролю за хранением и оборотом огнестрельного оружия, его распределением, незаконной торговлей, боевые действия, ведущиеся в Чечне и других «горячих точках», обусловили насыщение страны оружием и концентрацию его у населения. Вместе с этим усугубляет сложившуюся ситуацию низкое качество работы сотрудников подразделений лицензионно-разрешительной работы МВД, уполномоченных контролировать легальный оборот оружия у гражданского населения.

Уровень и качество вооружения банд являются, как считают указанные авторы, отличительными особенностями бандитизма нового тысячелетия. На настоящий момент основу вооружения банд составляет огнестрельное оружие, а именно:

- более 50% — криминальное огнестрельное оружие (обрезы гладкоствольных ружей, газовые пистолеты, расточенные под боевой патрон, и др.);
- 48% — боевое огнестрельное оружие, состоящее либо состоявшее ранее на вооружении Вооруженных сил Российской Федерации, МВД, ФСБ, и др.;
- 35% — гражданское огнестрельное оружие (чаще всего охотничье нарезное и гладкоствольное оружие)¹⁷.

¹⁷ Указанное характерно для большинства банд Москвы, Омска, Тулы, Хабаровска, Читинской, Тульской, Пермской, Псковской, Челябинской, Самарской областей, а также Приморского края и республик Татарстан, Тыва, Хакасия, Удмуртия и Адыгея.

Велик процент обладания членами банд огнестрельным и холодным оружием кустарного производства (соответственно 22,5 и 15%)¹⁸.

В 11% случаев на вооружении банд находится также оружие самообороны – газовые пистолеты и револьверы, электрошоковые и др.¹⁹, а также взрывные устройства и взрывчатые вещества.

Лишь в 7% случаев банды обладают боевым огнестрельным оружием зарубежного производства, в том числе незаконно ввезенным на территорию России (это характерно, в частности, для банд Республики Татарстан), и холодным оружием заводского производства (наблюдается в Читинской области, Туле и Тульской области, а также в Москве). В 95% случаев банды используют служебное огнестрельное оружие (состоящее на вооружении ЧОП) и в 4% – огнестрельное боевое оружие времен Великой Отечественной войны²⁰.

Наряду с этим С.П. Вайле и А.А. Васильев приводят случаи использования участниками банды (как правило, из числа ранее судимых лиц) при нападениях средств, не относящихся к категории «оружие», – опасные бритвы, топоры и другие предметы.

В подавляющем большинстве многочисленные банды с многоуровневой системой руководства обладают большим арсеналом (зачастую хорошо подобранного для решения специфических задач) оружия, патронов к нему, а также взрывчатых веществ и взрывных устройств. Нередко уровень вооруженности таких преступных объединений в несколько раз превосходит вооружение правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с ними. Так, банда Д. численностью 32 человека, специализирующаяся на совершении разбой-

¹⁸ Такое оружие в большинстве своем имеют банды Тулы и Тульской области, а также Москвы и Читинской области. Бандам Красноярского региона, республик Татарстан, Адыгея, Удмуртия, Челябинской и Псковской областей свойственно в большей степени обладание огнестрельным оружием кустарного производства, Республики Хакасия – холодным оружием кустарного производства.

¹⁹ Это характерно для банд республик Татарстан, Адыгея и Удмуртия, Челябинской области, Приморского края.

²⁰ Характерно в основном для банд Приморского края.

ных нападений и убийств, имела: 45 пистолетов и револьверов, 18 автоматов Калашникова, 29 ружей и карабинов, более 100 гранат, гранатомет РПГ «Муха», более 20 кг тротила и пластида, 6 взрывных устройств, более 20 тыс. патронов, 13 электродетонаторов, 3 запала, 143 взрывателя, 15 тротильных шашек общей массой 4,6 кг, мину МОН-50, приспособления для бесшумной стрельбы.

Анализ практических материалов показал, что основными каналами поступления в банды оружия на современном этапе являются:

- а) приобретение, в том числе у лиц, занимающихся его незаконной торговлей;
- б) самостоятельное его изготовление (в том числе путем переделывания охотничьих ружей в обрезы);
- в) его целенаправленное хищение;
- г) завладение им вследствие совершения преступления²¹.

Нередкое бывает так, отмечают С.П. Вайле и А.А. Васильев, что бандиты с целью сокрытия следов лишали жизни не только жертв нападения, но и лиц, ставших случайными свидетелями преступления. Участники одной банды, орудовавшей на автодороге Тюмень—Ханты-Мансийск, оружие для совершения нападения хранили в специально оборудованных тайниках, располагавшихся вдоль дороги, а с целью сокрытия следов преступления, убив водителей и пассажиров, отгоняли автомобили с их трупами в безлюдное место и сжигали²².

2.2. Преступные сообщества

Утром 4 ноября 2010 г. в частном доме в станице Кушевская Краснодарского края были найдены тела 12 человек, в том числе хозяин дома С. Аметов, который был фермером. Среди убитых оказался финансовый директор крупного агропромышленного холдинга Мироненко. Практически сразу же были установлены, а затем взяты под стражу подозреваемые, воз-

²¹ Вайле С.П., Васильев А.А. Характеристика современного бандитизма. М., 2011. С. 10–12.

²² Там же. С. 13.

главляемые лидером местной гангстерской «семьи» Сергеем Цапком. Убийства были совершены из мести и ради устрашения. Преступная организация существовала в Кушевской не один год. На ее счету — многочисленные убийства, разбои, грабежи, вымогательства, изнасилования, которые совершались ими безнаказанно годами. Поэтому неудивительно, что гангстеры решились на убийство сразу 12 человек (!), ведь им никто никогда не противоречил и не противодействовал — ни милиция, ни прокуратура, которых они «подкармливали». А кроме того, сотрудники милиции, прокуратуры и суда их боялись; население никак не самоорганизовывалось для отпора гангстерам, даже казаки, которые так браво выглядят на парадах, ничего не делали. Жалобы, которые люди писали в центральные органы, возвращались для проверки в ту же Кушевскую. В целом население Кушевской было в некотором оцепенении от постоянного страха за свою жизнь, имущество, честь и достоинство; за годы господства преступников ими были изнасилованы несколько десятков женщин (по подсчетам журналистов около 200), но никто не понес никакого наказания, даже от родственников жертв. Сам Цапок был в отличных отношениях с местным начальством, да и как могло быть иначе, если он являлся членом местного муниципалитета и крупным землевладельцем. Впрочем, иногда цапки (так их называли по фамилии главаря) несли некоторый урон, но от конкурирующих с ними других гангстеров — был убит брат Сергея Цапка.

Сам Сергей постепенно становился вполне уважаемым человеком: помимо членства в местном совете он еще входил в Совет молодых депутатов Краснодарского края, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук. И это после десятилетия, когда возглавляемая им преступная организация безнаказанно насилует, грабит, убивает, занимается рэкетом! Цапковская организация имела филиалы боевиков во многих станицах края, разветвленную сеть агрофирм, охранные структуры, подготовленные опытными спецназовцами.

Кушевская преступная организация является типичным сицилийским преступным сообществом с разветвленными органами и собственными большими экономическими возможностями. Одним словом, они имели все для длительного господства на «завоеванной» территории с весьма вероятной

возможностью выхода и на более высокие уровни. Цапки — типичная единица организованной преступности.

Но, конечно, эта единица не могла бы существовать вне тех людей, которые ее окружали, подчиняясь ей, боялись ее, создавали для нее пьедестал. Для населения и районного начальства, судя по всему, ничего особенного не произошло: через неделю после убийства 12 человек в центре станицы устроили шумный праздник с веселенькой музыкой, т.е. плясали на гробах. Я принимал участие в телевизионном ток-шоу, посвященном множественным убийствам в станице Кущевская, там же был и глава местной администрации, руководитель казаков, представители школ района и другие лица, которые имели или должны были иметь отношение к этим трагическим событиям. В выступлениях ни одного из них (ни одного?!) не прозвучало никакого, даже самого маленького самоупрека — будто никто из них не имел никакого отношения к этим событиям и уже, конечно, не нес даже нравственной ответственности за происшедшее.

Множественные убийства были совершены преступными организациями и в других местах: Гусь-Хрустальном, Астрахани, Волгодонске, Энгельсе и т.д.²³ Все это делает чрезвычайно актуальным исследование такого феномена нашей действительности, как организованная преступность, которая, по словам В.Д. Зорькина, грозит превратить наше криминализованное общество в криминальное. По словам Зорькина, «Вопрос об эффективности борьбы с криминализацией — это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет... В условиях неснижающейся криминализации у граждан снижается главный стимул к любой здоровой предпринимательской, инновационной, социальной активности. И уж тем более — стимул к решению задач технологической, инфраструктурной, управленческой модернизации национальной экономики»²⁴. Добавлю к этому, что в условиях усиливающейся криминализации страны самым главным является все-таки то, что человек не может чувствовать себя в безопасности, его жизни все время

²³ О преступной деятельности преступных организаций в других местах см.: *Овчинский В.С.* Российская организованная преступность как форма социальной организации жизни // *Российский криминологический взгляд.* 2010. № 3. С. 66–69.

²⁴ *Зорькин В.* Конституция против криминала // *Российская газета.* 2010. 10 декабря. № 280 (5359).

будет что-то угрожать. Когда каждую минуту могут убить, совсем не до модернизации или инновационной деятельности.

Кушевские события, в основе которых лежит безраздельное господство преступного сообщества цапков, собственно говоря, порождены слабостью российского государства, которое не в состоянии обеспечить благополучие и защиту жизни и достоинства своих граждан. Низшее государственное звено давало цапкам полную возможность грабить и обогащаться любым незаконным путем, совершать самые разные преступления. Высшая власть до поры до времени не обращала на это внимание, даже несмотря на многочисленные жалобы доведенных до отчаяния людей.

Упразднение в России специальной службы по борьбе с организованной преступностью самым активным образом способствовало процветанию «цапковщины» в Кушевской, Волгодонске и других местах. Одновременно правоохранительная система потеряла своих самых высокопрофессиональных сотрудников. Цапки всегда появляются и начинают процветать там и тогда, где для этого имеются благоприятные условия. Под условиями я подразумеваю не только неэффективную деятельность правоохранительных органов, не только покровительство местных чиновников и глухоту высших, сколько саму культуру народа в самом широком ее понимании. Очень сомневаюсь, чтобы преступное сообщество цапков могло бы появиться, например, на Кавказе. Там, правда, другие болезни.

Верно отмечает В.М. Симчера, что «трагические события 2010 г. еще раз, как в зеркале, отразили то безнадежное и бесправное положение нашего народа, который, внешне обладая всеми конституционными правами, на деле не в состоянии (как это почти автоматически делается в других странах) не то что отправить, но даже поставить вопрос, с перечислением конкретных имен, об отправке откровенно проворовавшихся вору в отставку»²⁵.

²⁵ *Симчера В.М.* В России в малом видно много, а в большом мало / Аналитический обзор «Станица Кушевская, 2010 год: маленькое зеркало большой беды». М., 2011. В этом же обзоре имеется статья проф. Н.Н. Энгвера «О национальности преступлений в станице Кушевская», в которой автор допустил оскорбительное выражение: «Капитализм рыночной экономики живет особым, жидовским (!) процентом». Это недопустимо, недостойно профессора.

Что же такое организованная преступность и преступное общество?

Преступные сообщества возникли еще в СССР в 1980-х годах из следующих трех основных источников: преступников-профессионалов, расхитителей-цеховиков и коррумпированной части партийно-государственного аппарата. В советские годы организованные формы преступного поведения, конечно, отличались, и самыми опасными из них были банды; впрочем, организованные формы преступности существовали испокон веков практически во всех странах. Но организованная преступность и преступные сообщества уже совершенно другие. Банды скрывались и в лесах, функционировали и в городах. Их главари чрезвычайно редко пытались проникнуть в приличное общество и оставались на дне жизни.

Банды остаются и сейчас, имеют своих главарей, но это еще не организованная преступность. Такая преступность имеет в собственности стройки, промышленные и сельскохозяйственные производства, занимается рейдерством и рэкетом, реализует связи с зарубежными преступными сообществами, торгует оружием и наркотиками и т.д. Ее главари не полуграмотные и давно не мытые бандиты с вороватой внешностью, а солидные преуспевающие «дельцы», которые даже занимаются политикой, запросто общаются в обильных застольях с прокурорами и начальниками полиции, которых заблаговременно покупают, отдыхают на первоклассных курортах, их дети получают наилучшее образование. Разумеется, иногда их жизнь висит на волоске, поскольку могут убить конкуренты — такие же как и они, но это профессиональный риск и ничего тут не поделаешь. Вокруг них есть братки, которые очень сильно приближаются к бандитам, но статус у них другой; братки нужны для выполнения совершенно необходимых насильственных операций: убить, захватить, напугать, избить, обложить данью, собрать ее, наказать непокорных. Без них «дельцы» как без рук.

В отличие от многих других национальных преступных организаций, отечественные преступные сообщества, помимо заведомо уголовно наказуемого поведения вроде торговли наркотиками, пролезли почти во все виды экономической деятель-

ности и часто действуют под прикрытием легального бизнеса. По данным специалистов, «наша» организованная преступность орудует в 50 зарубежных странах. В банках Швейцарии она хранит около 100 млрд долларов.

Организованная преступность представляет собой систему преступных организаций (сообществ), осуществляющих сложную уголовно наказуемую деятельность для получения прибыли путем создания и эксплуатации рынка незаконных товаров и услуг либо совершения иных преступлений, насильственных и корыстно-насильственных. Преступная организация имеет коррупционные связи в государственных, в том числе правоохранительных органах, а в ряде случаев в легальных экономических структурах, ее активность может выходить за пределы государственных границ.

Можно выделить два основных вида запрещенной деятельности преступных организаций: 1) имущественные преступления, в том числе кражи, грабежи, разбой, вымогательство, отмывание денег, незаконный оборот наркотиков, нарушение правил валютных операций, запугивание, проституция, азартные игры, торговля оружием и антиквариатом; 2) насильственные преступления, в том числе террористические акты в отношении конкурентов и неподдающихся угрозам предпринимателей, их убийства. Можно обоснованно предположить, что в станице Кушевской имел место именно второй вид криминальной активности цапковской преступной организации – убийство 12 человек, но в целом эта организация господствовала, совершая преступление в границах первого и второго видов.

Выше я уже говорил, что нельзя считать преступной организацией устойчивую, структурированную и управляемую группу преступников, объединившихся для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, если они не имеют коррумпированных связей в государственных органах. Цапки такими связями как раз обладали, хотя во многих случаях и действовали как примитивные бандиты, что от них вполне естественно было ожидать. Во всех остальных своих поступках они являются преступным сообществом, которое обладает рядом постоянных признаков:

- объединены на экономической почве и для достижения экономических целей. Насилие применяется в тех же целях, хотя во многих случаях и косвенно;

- действуют в целом конспиративно, хотя в некоторых случаях господства на какой-то территории (как, например, в Куцевской) могут вести себя нагло и бесцеремонно;

- стремятся к полному господству там, где живут или получают прибыль;

- имеют теснейшие связи с местной властью и правоохранительными органами;

- обладают необходимыми предпринимательскими навыками, профессионализмом в конкретной области и умением координировать свои действия (операции) помимо реализации методов насилия и использования подкупа.

Организованные преступные сообщества могут не иметь определенной, раз и навсегда созданной структуры, они гибки и хорошо адаптированы, способны изменяться в зависимости от внешних условий. Как справедливо отмечает В.С. Овчинский, организованная преступность обладает высоким уровнем социальной мимикрии:

- 1) организованные преступные формирования, будучи сложными социальными самоуправляемыми и самовоспроизводящимися явлениями, помимо собственно преступного поведения и преступников включают в свою деятельность многоуровневую и разветвленную систему как противоправных, так и легитимных социальных деяний, как преступников, так и законопослушных граждан;

- 2) эти формирования развиваются в тесной связи с дисфункцией социальных институтов, обеспечивая как незаконным, так и законным путем общественные потребности в конкретный исторический период на конкретной территории;

- 3) эти формирования в период реформирования общественных отношений могут выступать в качестве инструмента для достижения конкретных политических и экономических целей определенных социальных групп, не являющихся сами по себе преступными или делинквентными.

Сам факт наличия, а тем более расширения преступных сообществ несет огромную опасность обществу, населению, государству. Подрываются правовые и моральные основы жиз-

ни людей, расшатываются политическая и экономическая системы, растет коррупция и уровень насилия, нередко такие сообщества берут на себя функции государственных и общественных организаций. Поэтому создаются конкурирующие властные и коммерческие структуры, которые начинают бросать вызов государственной власти, часто прибегая к террористическим методам²⁶.

Организованную преступность как систему преступных сообществ можно представить себе в виде перевернутого государства или государства в крайне искаженном зеркале. Непомерно окрепшая организованная преступность берет на себя даже функции управления, вершит суд, собирает налоги, исполняя все это на свой преступный лад. Отнюдь не случайно преступное тоталитарное государство уничтожает гангстеров и их сообщества, ведь ему весьма болезненно видеть в них себя. Организованная преступность представляет собой крайнюю форму неполитической оппозиции обществу и государству, но такая оппозиция может перейти в политическую, как это произошло, например, в Колумбии.

Но организованная преступность может стать частью государства, если оно создает для нее необходимые условия, покровительствует ей, даже включает в некоторые свои структуры и использует такую преступность в своих целях, особенно экономических и политических (например, в межпартийной борьбе, физически устраняя конкурентов). В России преступные сообщества легко нашли общий язык с государством в первую очередь на низовом и среднем политическом уровне, широко опираясь на помощь и поддержку коррумпированных представителей правоохранительных органов. Эти представители сами тянулись к гангстерам, взяв мечту о высоких преступных доходах. Не сразу, постепенно, развиваясь еще из советских времен, организованная преступность стала одной из форм социальной организации жизни. Для ее же непосредственных участников членство в ней означает вполне определенный образ жизни. Впрочем такой же образ жизни может наблюдаться

²⁶ Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2009. С. 379.

и у тех, кто не является членом сообщества, но тяготеет к нему, выполняет отдельные поручения, связан родственными и дружескими отношениями и т.д.

Организованная преступность устанавливает определенный порядок на той территории, на которой она господствует, но это преступный порядок: он держится, создается на преступных положениях и принципах, реализуется путем совершения преступных действий. Организованная преступность способна оживить экономическую, хозяйственную деятельность и предпринимательскую активность, но лишь на время, поскольку формы и методы этой преступности отмечены всей историей человечества как непригодные и совершенно неэффективные. Ничто не может сделать экономические усилия организованной преступности другими.

В настоящее время ни одна страна не в состоянии в полной мере удовлетворить потребности в человеческих органах для пересадки, а число людей, ожидающих операции по пересадке органов, растет быстрее, чем их предложение. Так, например, в Ирландии, считает В.С. Овчинский, лишь 85% пациентов, проходящим лечение с помощью диализа, делается операция по трансплантации в течение первого года, в то время как в Соединенных Штатах Америки число таких лиц составляет 25%, а в Японии – менее 10%. Как указывает статистика, в одной только Америке по состоянию на июнь 1991 г. 24000 лиц ожидали операции по трансплантации. В Австралии число лиц, которые ожидают трансплантацию почек, в настоящее время составляет 2000 человек, причем каждый год совершается около 400 таких операций. Средний период ожидания такой операции составляет три года.

Такое положение не могло быть не использовано преступными организациями, поскольку при дефиците имеющихся для пересадки органов преступная деятельность в этой области может принести высокие доходы. Как заявил директор Австралийского института криминологии, «не удивительно, что возник "черный" рынок... на котором человеческие органы продаются по высокой цене». Большое число бедных и бездомных лиц, в том числе детей, в городских районах, особенно в развивающихся странах, являются главными поставщиками органов, предназначенных для пересадки. По мере техниче-

ского прогресса, который позволяет продлить срок сохранения органов после их удаления и осуществлять их транспортировку на большие расстояния, «черный» рынок этих товаров, безусловно, приобретет еще большее значение.

Одна из причин возникновения тревоги за судьбу похищенных людей объясняется подозрением в том, что их убивают в целях использования органов, полагает Овчинский. Хотя сведений о том, что людей похищали именно с этой целью, очень мало, бесспорно одно: «черный» рынок органов человеческого тела существует и приносит прибыли. Например, в Аргентине известны случаи серьезного злоупотребления процедурой трансплантации, когда у пациентов, находящихся в состоянии клинической смерти, на основании сфабрикованных сканогамм мозга, нередко удаляли роговицу глаза.

Отмечены случаи экспорта человеческих органов с использованием поддельных документов и подтвержденные случаи продажи человеческих органов из Аргентины, Бразилии, Гондураса, Мексики и Перу покупателям из Германии, Италии и Швейцарии. Несомненно, что мы живем в такое время, когда возможности для коррумпирования медицинских кругов огромны, и это положение не изменится до тех пор, пока не будут разрабатываться и внедряться на систематической основе законодательные нормы, регулирующие куплю-продажу органов человеческого тела²⁷.

Поэтому не могу согласиться с А.С. Овчинским, что организованную преступность можно разделить на конструктивную и деструктивную. Автор считает, что первая, занимаясь запрещенными видами деятельности, усиливая криминальный контроль над легальной экономикой и развивая различные сферы теневой экономики, иногда создает рабочие места, участвует в развитии инфраструктуры регионов. Другое дело, по мнению Овчинского, деструктивная преступность, которая извлекает доходы из разрушения экономических и социальных отношений, подрыва основ государственности, уничтожения духовных и моральных устоев общества.

²⁷ Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 43.

Высшими формами проявления деструктивной преступности являются уголовно-политический терроризм, массовые похищения людей с целью наживы, провокации сепаратистских движений, наконец, развязывание прямых военных конфликтов²⁸.

Хотя организованное преступное сообщество действительно может создавать рабочие места и участвовать в развитии инфраструктуры региона, делает оно это преступным путем, попирая законы, которые регулируют создание и функционирование рабочих мест, экономическое и иное развитие региона. Дальневосточная преступная организация «Обшак» вывозила подростков из неблагополучных семей в летние лагеря, где они проходили курс обучения воровскому ремеслу.

Любая преступная организация разрушает социальные отношения, центральным звеном которых является нравственность. Цапки не прибегали к политическому терроризму или к массовому похищению людей с целью наживы, не провоцировали сепаратистские конфликты и уж, конечно, не развязывали прямые военные конфликты, но нанесенный ими обществу ущерб огромен.

Коль скоро эта книга посвящена убийствам, следует отдельно рассмотреть непростой вопрос о том, ради чего эти преступления совершаются. На мой взгляд, они могут порождаться такими мотивами, как:

- месть конкурентам или «провинившимся», их наказание;
- уничтожение тех, кто отказывается сотрудничать с данной преступной организацией, в том числе представителей государственной власти и правоохранительных органов;
- уничтожение тех, кто может дать о данной организации уличающую в совершении преступления информацию;
- уничтожение тех, кто не захотел подчиниться (например, тех девушек, которые отказались заниматься проституцией, или тех, кто не стал подчиняться вымогательству, и т.д.);
- укрепление «дисциплины» в группе, ее сплочение;
- захват материальных и денежных ценностей при разбойном нападении, завладение наркотическими средствами и т.д.;
- захват предприятия при рейдерстве.

²⁸ Овчинский А.С. Криминология в парадигме открытых систем // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3. С. 79–80.

Разумеется, эти мотивы могут переплетаться, действуя одновременно, что усиливает каждый из них.

Преступные сообщества организуются не для совершения насильственных преступлений, но они могут существовать в том числе благодаря преступному насилию, а в некоторых случаях (рэкет, рейдерство) – только с его помощью. В отличие от банд, особенно уличных, преступные сообщества не всегда стремятся убивать ради убийства (как, например, вьетнамские уличные банды в США). Но как раз такого рода убийства произошли в станице Кушевской Краснодарского края 4 ноября 2010 г., именно убийства ради убийства – иначе нельзя расценить кровавую расправу над маленькими детьми. Это можно расценить и как эксцесс, но он закономерен именно в России, в атмосфере всеобщей продажности чиновников, в том числе правоохранительных органов, готовых урвать любые деньги, полученные преступным путем. Кушевские убийцы настолько привыкли к годами длящейся безответственности при любых совершенных ими злодеяниях, что решились на убийства многих людей.

Кроме всем известной коррупции, насилие со стороны преступных сообществ детерминируется и такими факторами, как:

- пассивность граждан и гражданских организаций (институтов). Не случайно некоторые убийства совершаются преступными сообществами в условиях очевидности;
- размывание границ между организованными преступниками и обществом, особенно в двух случаях, когда речь идет о преступниках, имеющих относительно высокий социальный статус, когда контакты поддерживаются на уровне родства, соседства и (значительно меньше) совместной работы;
- стремление преступных сообществ заменить официальные институты, взять на себя их функции, например суда, взыскания долга или выполнения иного обязательства. Это привлекает к ним людей, способствует росту их авторитета;
- нарастание процесса личного незаконного обогащения со стороны главарей относительно «молодых» преступных сообществ. Накопление первичного капитала часто толкает их на физическое устранение конкурентов, несогласных сотрудников правоохранительных органов и т.д.

В целом можно сказать, что организованная преступность — это:

1) определенная система, которая включает в себя ряд подсистем; все они представляют собой повышенную общественную опасность;

2) массовое, а не единичное явление, преступные организации могут включать в себя и тех, кто лишен свободы;

3) преступная группа, всегда хорошо организованная, имеющая продуманную иерархию, распределение ролей, внешние и внутренние функции;

4) организованная преступность, созданная для получения материальной выгоды, но всегда преступными способами, хотя и может участвовать в легальном бизнесе.

Организованное преступное сообщество отличается от хорошо организованной преступной группы тем, что оно всегда коррупционно связано с политическими деятелями (политической деятельностью) разных уровней власти, а также с правоохранительными органами, причем связи эти основываются на коррупции, реже — на шантаже. Организованная преступность — наиболее яркий и ясный антипод общества и государства, поскольку ее принципы, основы, идеология, мораль — категорически иные, чем в обществе и государстве, если, конечно, последние не являются тоталитарными, т.е. преступными. То, что государство может быть преступным, сейчас признается всеми или почти всеми. Но я думаю, что преступным может быть и само общество, если оно поддерживает тиранический тоталитарный режим и рукоплещет деспоту, если оно не приемлет никаких демократических программ и институтов.

Глава 3

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ УБИЙСТВА

Можно без преувеличения утверждать, что наиболее кровавыми являются террористические множественные убийства, т.е. при совершении террористических актов людей обычно погибает больше, чем в других таких же случаях. Наибольшее число террористических актов в России было в 2001 г. – 327 – и на этот же год приходится наибольшее число погибших. В среднем каждый террористический акт уносит 10–15 жизней. Большинство погибших составляют так называемые простые граждане, не имеющие никакого отношения к конфликту, вызвавшему террористическое противостояние.

Число жертв террористических актов находится в прямой зависимости от того, какое оружие или орудие используется для его реализации, от масштабов и энергии ненависти конфликтующих сторон, от характера самого конфликта – является ли он политическим, общеуголовным (между гангстерскими группировками) или каким-то иным. Как показывает мировая практика, наиболее опасными, вызывающими наибольшие разрушения и влекущими большое число жертв являются политические конфликты. При этом надо признать, что пока еще террористы являются более слабой стороной, но неизвестно, что произойдет, если террористические преступники смогут овладеть оружием массового уничтожения.

Масштабы террористического акта, число жертв и характер разрушений объектов материального характера напрямую зависят от того, кто его готовит и осуществляет: наиболее разрушительны те, которые являются делом рук незаконных вооруженных формирований. Именно у них есть оружие, взрывчатые вещества, специально подготовленные люди, в том числе готовые стать самоубийцами.

Если обратиться к сегодняшней ситуации на Северном Кавказе в целом и в Чечне в частности, то следует отметить, что в связи с завершением в Чечне военной части контртеррористической операции и разгромом основных сил сепаратистов тактика боевиков на данном этапе характеризуется переходом от прямого вооруженного сопротивления к отдельным террористическим актам, периодическим обстрелам подразделений, блокпостов и других объектов федеральных сил, а также подготовкой к проведению вооруженных акций в населенных пунктах. Практически ежедневно боевики минируют дороги, подрывают бронетехнику и автотранспорт.

Анализ обстоятельств совершения террористических актов свидетельствует о профессионально планируемом, координируемом и групповом характере этих преступных действий. Вместе с тем террористические действия охватывают все новые районы, в первую очередь Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию.

Подавляющее большинство преступлений террористической направленности совершаются организованными группами. Эти группы отличаются внутренней сплоченностью, вооруженностью, распределением ролей и жесткой дисциплиной. Террористическая активность участников незаконных вооруженных формирований не только имеет сезонные колебания, но и напрямую зависит от поступления финансовых средств из-за рубежа. В основном преступления указанной категории совершают молодые люди (в возрасте до 30 лет), нигде не работающие, за денежное вознаграждение. Корыстный интерес часто доминирует над религиозными убеждениями (об этом говорит и то, что террористы убивают религиозных деятелей – имамов).

Путем огромных усилий и человеческих жертв федеральные войска и правоохранительные органы на территории Чеченской Республики практически перекрыли каналы поступления оружия, наркотиков, наемников, денежных средств через границы сопредельных государств (Азербайджана, Грузии). Но одновременно стала наблюдаться иная тенденция – сращивание представителей незаконных вооруженных формирований с руководителями преступных сообществ России (особенно Южного федерального округа), внедрение их эмиссаров

в легальный бизнес, получение дохода с легализованных капиталов и их использование с целью дальнейшего закрепления и развития своих позиций в различных сферах жизнедеятельности Российской Федерации. Например, на юго-востоке Ростовской области за время антитеррористической операции официально были зарегистрированы более 1000 выходцев из других северокавказских республик, у которых отмечено стремление к экономической экспансии и созданию для этого опорных пунктов. Спецслужбы располагают свидетельствами поставок сельхозпредприятиям юга России низкокачественного дизельного топлива из Чечни в обмен на сельскохозяйственную продукцию для обеспечения незаконных вооруженных формирований. В ответ на ликвидацию нелегальных мини-заводов по переработке нефти в Чечне прочеченские криминальные группировки создают аналогичные предприятия на территории Ставропольского края, Ростовской области, похищают нефть из федеральных нефтепроводов.

Под прикрытием неизбежности скорого газавата с неверными экстремистским мусульманским вождям удается довольно успешно набирать рекрутов для проведения «священной войны». Вербуют же их среди наиболее отсталых и нуждающихся слоев населения. Созданы специальные школы и базы подготовки террористов, в том числе самоубийц. Например, есть школы по подготовке террористов организации «исламский джихад», где детей в возрасте 12–15 лет учат подрывать себя на улицах и площадях Израиля, обещая, что после террористического акта «у райских врат каждого юного героя встретят по 70 юных дев». Справедливости ради надо сказать, что и суммы вознаграждения, выплачиваемые родственникам борца за веру – шахида, играют не последнюю роль в принятии решения.

При исследовании террористических убийств, а они могут быть не только множественными, но даже массовыми, когда погибают многие десятки, сотни (как в Беслане в Северной Осетии в 2006 г.), даже тысячи (как в Нью-Йорке в 2001 г.) людей, необходимо ответить на вопросы, почему и ради чего совершаются террористические нападения? в чем их смысл? Выявить смысл общеуголовных террористических актов не очень сложно, гораздо труднее определить, почему к ним прибегают в процессе политической борьбы. Дело осложняется

тем очень важным обстоятельством, что в рамках этой борьбы отстаиваются некоторые идеологические, этнические и религиозные ценности, причем это отстаивание далеко не всегда носит явный характер, чаще оно завуалировано. Более того, сами террористы, даже организаторы террористических преступлений не всегда ясно понимают, ради чего они это делают.

Вдохновителями, организаторами и руководителями этнорелигиозного терроризма чаще являются представители той нации, чьи интересы отстаиваются в данном конфликте. Именно они являются авторами основных идей, планов, разрабатывают и готовят конкретные акты терроризма, руководят их исполнением, поддерживают связи с международными террористическими организациями, получают от них помощь и распределяют ее, отчитываются перед «спонсорами» за истраченные деньги. Одним словом, это элита террористов, отличающаяся всеми теми качествами, которые присущи лидерам, в том числе организаторскими способностями, сильной волей и настойчивостью, эмоциональной холодностью. Этнорелигиозный характер терроризма определяется и тем, что местное население поддерживает националистические и сепаратистские идеи и планы конкретных боевиков, готово оказать им помощь.

Однако при этом надо учитывать, что, как и в каждом общинном образовании, у многих народов Северного Кавказа сохранилась общинная структура. Она предполагает наличие нескольких кланов, интересы которых могут не совпадать, что вызывает межклановую вражду и кровную месть. В таких обществах не существует понимания единой законности, а наказание преступника считается частным делом заинтересованной стороны; порядок же обеспечивается равновесием интересов разных общин. Общинный уклад сохранился в большинстве мусульманских стран, оказывает существенное влияние на жизнь людей, их отношение друг с другом, на криминогенную обстановку в регионе и, конечно, на боевые и террористические действия. Можно констатировать, что и эта особенность жизни народов Северного Кавказа добавляет аргументы в пользу того, что терроризм там носит этнорелигиозный характер.

Особенностью детерминации множественных террористических убийств на Северном Кавказе является то, что этот регион России был присоединен к ней насильно. Война за его

завоевание продолжалась около 100 лет. Многие северокавказские сепаратисты рассматривают нынешние террористические нападения как логическое продолжение той, теперь уже далекой войны, присоединяя к воспоминаниям о ней совсем недавние впечатления о послевоенной депортации северокавказских народов.

Однако если мы ограничим поиск причин террористических убийств рамками России, мы не сможем найти эти причины. Терроризм в нашей стране есть лишь часть, пусть и весьма существенная, террористических проявлений во всем мире. В связи с этим необходимо обратить внимание на два обстоятельства, имеющих, на мой взгляд, первостепенное значение.

1. Как правило, к терроризму прибегают представители исламского мира, причем они нападают не только в странах христианской культуры, но и буддийской и индуистской, даже внутри самого ислама.

2. Террористические нападения исламских (это наименование очень условно, поскольку речь идет исключительно об исламистах самой крайней окраски) фундаменталистов часто не влечет за собой никаких конкретных требований. Даже создается впечатление, что иногда они совершаются ради самих себя, ради демонстрации своих возможностей или для выхода накопившейся ненависти.

Одним словом, современный терроризм и, соответственно, террористические множественные убийства носят выраженный этнорелигиозный характер.

Этнорелигиозный терроризм отличает еще одна черта: поскольку обычно имеют место человеческие жертвы, такой терроризм необратим, память о нем, точнее — ненависть к виновным, сохраняется у многих поколений на неопределенно долгое время. И то не просто отношение к убийцам и поработителям, это священная (освященная!) ненависть к врагам, которые выступают в облике сатанинских сил, посягали и посягают не только на жизнь единоверцев и соотечественников, но и на сакральные ценности и символы. При этом «мы» — совсем другие, чистые и благородные, исповедующие одну-единственную подлинную веру, это «они» верят в несуществующего и бесильного бога. Поэтому ненависть уже функционирует не только на повседневно-бытовом, но и на духовном, виртуаль-

ном, следовательно, исключительно значимом уровне. Однако и повседневный-бытовой аспект очень значим, поскольку именно в его рамках с раннего детства воспитываются вражда и презрение к «неверным» или представителям другой нации. Если даже правоверный побежден, он ни в коем случае не теряет надежду, поскольку на его стороне — бог, а он непобедим.

Этнорелигиозный терроризм ни в коем случае нельзя сводить к столкновениям между исламским миром и христианским, поскольку он проявляется в каждом из них. Например, такой терроризм имеет место между ирландцами-католиками и шотландцами, а также англичанами-протестантами, а в исламе — между шиитами и суннитами.

Сакрализация противоречий разных народов сразу переводит конфликт на другой уровень: теперь он интерпретируется и осознается как минимум в качестве закономерной борьбы добра со злом, причем носителями добра являемся, конечно, только «мы». Поскольку это так, то и никакой компромисс невозможен — зло надо уничтожить, да и слово (договор), данное «злу», совсем необязательно держать. К тому же у некоторых народов свой специфический взгляд на понятие чести и на саму честь, поэтому далеко не всегда можно и нужно верить договорам и соглашениям. Агрессивное этнорелигиозное сознание придерживается здесь собственных правил.

Мы называем данный вид терроризма ненационалистическим, этническим или сепаратистским в силу того, что современный мусульманский терроризм соединяет в себе как национальные, так и религиозные мотивации, причем последние в первую очередь. Национальное самосознание населения мусульманских стран намного сильнее, чем христианских, сакрализовано, т.е. пронизано религиозной идеологией и психологией, которые оказывают решающее влияние на самоидентификацию и мировосприятие людей этих стран, их образ жизни, общение, отдельные поступки. По признаку сакрализации большинство мусульманских стран отстает от европейских примерно на пять—семь веков.

Иудаизм и буддизм сформировались за пять—семь веков до христианства, ислам через примерно такой же промежуток времени после него. Именно поэтому М. Вебер назвал год рождения христианства осевым временем. Я хочу сказать, что

современный исламский мир является таким, какими мы были пять—семь веков назад. Он нас не понимает, завидует и ненавидит, причем хочу особо отметить, что это относится не ко всем мусульманам, а только к фундаменталистской части названного мира. Его зависть и ненависть умножаются на то, что он хотел бы пользоваться материальными ценностями западного мира, но не может сделать это в силу своей отсталости. Именно в зависти и ненависти главный смысл нападения на башни в Нью-Йорке, на эти символы процветания. Главное здесь было сокрушить символы, а не нанести экономической ущерб.

Ведь и в средневековой Европе горели костры инквизиции, организовывались крестовые походы, свершилась Варфоломеевская ночь. По причине сакрализации национальное и религиозное сейчас не просто слиты, но второе превалирует, более того, ислам сплачивает людей именно на религиозной, а не на национальной основе. Потому, например, чеченские террористы получают весьма значительную помощь от единоверцев за рубежом, без которой они долго не просуществовали бы. Для единоверцев же это — священный долг мусульманина.

Мы называем современный этнорелигиозный терроризм исламским или мусульманским вовсе не потому, что ислам является террористической религией или призывает к террору, а потому, что к терроризму сейчас чаще всего прибегают лица, которые исповедуют эту религию и прикрываются ею, ведут террористическую войну якобы за ценности ислама. Поэтому для него ничего оскорбительного в этом наименовании нет. Коран прямо предписывает веротерпимость: «О вы, неверные! Я не стану поклоняться тому, чему вы будете поклоняться, и вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться... У вас — ваша вера, и у меня — моя вера» (Кор., 109:1–6); «Нет принуждения в религии» (Кор., 2:257). Иисус — один из самых активных персонажей священных коранических текстов.

Тщетно искать в Коране корни исламского терроризма. Коран — священная книга ислама, который зародился как религия воинов и купцов; Ветхий же Завет — религия гонимого и унижаемого народа, а Новый Завет — религия самых бедных и попираемых слоев еврейского и греческого народов.

Поэтому в Библии мы найдем несравненно больше жестокости и насилия, чем в Коране, равно как и призывов к ним. Пророк Мухаммад закончил жизнь победителем, а Иисус принял мученическую смерть на кресте, который с тех пор стал главным символом христианства. Аллах строг, иногда беспощаден, а Яхве — бескрайне жесток и несправедлив, как, например, в случае с несчастным Иовом. Думаю, что христианство как религия милосердия и любви именно по этой причине пришло не смену иудаизму. Однако вспомним, что священной книгой христианства, давно ставшей синонимом насилия и убийства, является Откровение святого Иоанна Богослова.

Все это означает, что причины этнорелигиозного терроризма невозможно найти только в самом исламе, поскольку они в основном находятся в современном состоянии исламского общества. Оно по сравнению с христианским (точнее было бы говорить о христианской культуре, о культуре на базе христианских ценностей, о культуре, выросшей из христианства) молодое, самоидентификация его затянута. Оно чувствует себя окруженным враждебными силами.

Террористическую войну, естественно, ведут не все мусульманские народы, и далеко не все люди, исповедующие ислам, разделяют ценности, идеалы и способы решения проблем, которых придерживаются наиболее радикальные и агрессивные деятели. Но последние способны увлечь за собой многих других, в том числе обмануть их, опираясь при этом на знание психологии, традиций и обычаев, которые уже много столетий регулируют и направляют поведение масс. Мусульманским «непримиримым» хорошо бы знать, что когда пророк Мухаммад стал правителем Медины, он дал городу устав, провозглашающий равенство всех членов общины вне зависимости от религии и национальности.

Сейчас в национальных регионах Северного Кавказа имеют место события, которые на языке уголовного закона квалифицируются как похищение человека, терроризм, захват заложника или организация незаконного вооруженного формирования. Однако приходится сталкиваться с тем, что некоторые деяния, называемые сейчас террористическими, на самом деле таковыми не являются. Например, нападение боевиков осенью 2005 г. на г. Нальчик есть не что иное, как мятеж или

бунт. Причем в нем было нечто ребяческое и обреченное, ведь нападавшие должны были понимать, что они никак не смогут захватить город, для этого у них нет сил и возможностей. Следовательно, они просто шли на самоубийство, и не случайно около ста человек из них были убиты.

Разумеется, в зоне военных и террористических действий на Северном Кавказе совершаются и другие, помимо названных, преступления, в частности убийства, разбой, бандитизм, вымогательства, незаконное лишение свободы, торговля людьми, использование рабского труда, наемничество, организация преступного сообщества, злоупотребление полномочиями и некоторые другие. Многие из них окрашены в цвета этнорелигиозного противостояния, связаны с этнорелигиозным конфликтом, с общей атмосферой напряженности и тревожности, с возможностями учинения насилия и удовлетворения корыстных вожелений, порождаемыми страхом и отсутствием должного правопорядка. Тем же обусловлена и безнаказанность преступников в зонах конфликта. При этом преступления совершают не только члены незаконных вооруженных формирований и их соучастники, но и представители федеральных сил.

За некоторыми исключениями терроризм (и этнорелигиозный в том числе) носит организованный характер, более того, этнорелигиозный практически всегда организован, особенно в тех многочисленных случаях, когда он связан с незаконными вооруженными формированиями и оказанием материальной поддержки преступным группам. Они в большинстве случаев представляют собой преступные сообщества, поскольку терроризм — дорогостоящий и трудоемкий способ решения проблем. На него должны работать различные структуры организованных формирований, которые добывают материальные средства, боеприпасы, оружие, взрывчатку, готовят соответствующих «специалистов», осуществляют разведку и контрразведку, обеспечивают прикрытие откровенно противоправных требований, ведут агитацию и информационную войну и т.д. Поэтому терроризм в основном используется высокоорганизованными формированиями ради обеспечения широкомасштабных экономических и политических интересов. Таким образом, террористическая деятельность в России представляет собой состав-

ную часть сложной глобальной системы, являющейся одной из сторон противостояния мировых цивилизаций.

Государственные власти стран Западной и Центральной Европы, следуя духу и букве международных и европейских конвенций о правах человека, способствуют постепенной, но от этого не менее реальной интеграции иммигрантов в жизнь новых для них сообществ при сохранении связей с культурой предков. Так, Германия по примеру других европейских стран ввела в действие с 1 января 2000 г. новый закон, предоставляющий право немецкого гражданства родившимся в этой стране детям иностранцев (ежегодно в ФРГ на свет появляются 100 000 детей, чьи родители не являются гражданами этой страны). Сокращен с 15 до 8 лет и срок проживания в Германии иностранцев, после которого они могут подавать заявку о предоставлении им немецкого гражданства. Самой многочисленной группой иностранцев в ФРГ являются рабочие-иммигранты из Турции (2,1 млн человек).

Как свидетельствует профессор Рамадан, арабский ученый, постоянно проживающий в Швейцарии, дети второго и третьего поколений, в отличие от их дедов, мечтавших о возвращении на родину, этого не хотят. «Мы здесь живем, — говорят они, — и пусть здесь же растут и воспитываются наши дети».

Стремление закрепиться на европейском континенте объясняется не только соображениями материального характера, но и политическими причинами. «Мы, — указывает Рамадан, — чувствуем себя в большей безопасности в Европе, нежели в тех государствах, где наши единоверцы составляют основную часть населения и где на 95 процентов правящие режимы являются диктаторскими. Поэтому мусульмане становятся французами или швейцарцами мусульманского вероисповедания. И снимается как фальшивый вопрос: кто мы прежде всего — французы и швейцарцы или мусульмане?».

При этом иммигранты не забыли, что присутствие их предков в Европе датируется не вчерашним днем. «Мусульманская религия, — пишет на страницах одного из европейских изданий главный редактор журнала "Аль-Инсан" Ридха Дрисс, — вполне могла бы рассматриваться как европейская. Она присутствовала здесь на протяжении восьми веков и была распространена в Испании, на юге Италии, во Франции и Португалии. Не

говоря уже о том, что до наших дней занимает важное место в Восточной Европе. Так что европейская цивилизация несет на себе и ее следы».

Эти суждения нуждаются в определенных комментариях.

Во-первых, ислам был распространен в указанных странах не в результате добровольного принятия этой религии населяющими названные страны народами, а завоевавшими их арабами. После освобождения этих стран ислам там практически исчез.

Во-вторых, никто не станет отрицать, что приехавшие из исламских стран мигранты постепенно приобщаются к европейской культуре. Однако в большинстве западных стран они сохраняют свою самобытность в первую очередь благодаря своей изолированности в бытовом плане. Многие из них хотели бы пользоваться благами европейской культуры, в том числе демократией, но при сохранении своих ценностей и отношений. Это им не удастся, отсюда исламские мятежи в Великобритании и во Франции. Исламские народы Северного Кавказа при советской власти вроде бы полностью отказались от своих традиций и обычаев, даже от своей религии, но стоило этой власти исчезнуть, как с ней вместе исчезли все атрибуты европеизированной советской культуры. Создается впечатление, что их просто никогда не было.

Казалось бы, большинство террористов – это выходцы из бедных стран, у которых сейчас нет никаких шансов приблизиться к развитым. Это относится к афганским и иракским бойцам «Аль-Каиды», пакистанцами и алжирцам, чеченцам и другим представителям Северного Кавказа, которые давно и прочно втянуты в террористические действия. Однако более внимательный анализ показывает, что многие террористы отнюдь не бедняки и «сражаются» ради идеи. К тому же можно назвать целый ряд беднейших стран мира, которые не принимают никакого участия в терроризме, вообще не имеют о нем представления. Следовательно, не бедность или, точнее, не столько бедность может выступать причиной терроризма.

Однако утверждать, что с остальным миром враждует вся мусульманская цивилизация, было бы в корне неверно, поскольку в основе этой цивилизации – не только религиозная составляющая. Да и она не вся руководствуется агрессивными

установками. Большинство мусульманских священнослужителей активно выступает против насилия.

Другое очень важное обстоятельство заключается в том, что ислам формирует и цементирует традиционный уклад жизни, которому на смену уже давно пришли индустриальное и постиндустриальное общества, созданные в первую очередь западной христианской цивилизацией. К тому же ислам — достаточно консервативная религия, упорно отстаивающая самые архаичные формы существования людей и их повседневного общения, а потому весьма враждебно воспринимающая и оценивающая очень многое из того, что исходит из западного мира. Между тем его влияние в условиях современной глобализации активно и даже губительно для ценностей и символов традиционного общества, а любые серьезные угрозы воспринимаются людьми такого общества крайне болезненно. Современные экстремистские движения завоевывают всенародную поддержку, отрицая саму необходимость принимать и даже просто уважать западные ценности. В качестве программы действий они призывают жить по законам ислама.

Надо признать, что Запад упростил задачу для теоретиков и идеологов терроризма: одно только перечисление актов насилия и несправедливости по отношению к исламским странам, в том числе в прошлом, к бывшим колониям, вызывает бурное негодование мусульман и перевешивает все положительные экономические последствия отношений с Западом.

Можно, конечно, призывать Запад не давить на восточную цивилизацию и не навязывать ей свои ценности, но насколько это реально и может ли привести к ослаблению межкультуральных противоречий, поможет ли преодолению ненависти Востока? Думается, что нет, поскольку восточные исламские страны будут оставаться бедными, а сделать эти страны цивилизованными по-своему не удастся. Тут мы сталкиваемся с проблемой совершенно различного отношения к труду населения Запада и Востока. Восток будет оставаться бедным до тех пор, пока коренным образом не пересмотрит свое отношение к труду и не уберет все препятствия для повышения его эффективности. Однако есть опасения, что это трудноразрешимая проблема, и Восток останется бедным, так как труд его граждан не отвечает тем требованиям, которые соответствуют

современным стандартам и могли бы привести к процветанию.

Необходимо учитывать, что конкуренция и в связи с ней конфликтные отношения между христианской и мусульманской церквями сложились еще в те далекие века, когда ислам только начал распространяться в мире.

В общих чертах традиционная христианская полемика с исламом преследовала цель продемонстрировать:

- несостоятельность религии мусульман по сравнению с христианством;
- необоснованность претензий Мухаммада на пророческую миссию;
- необоснованность претензий мусульман на то, что Коран является словом Божиим;
- аморальность образа жизни мусульман.

В доказательство того, что Мухаммад был лжепророком, христианские полемисты чаще всего приводили четыре довода. Во время ниспослания Откровения у него не было свидетелей. Когда Моисей получал Откровение от Бога, свидетелем тому был весь израильский народ: он явился в огне и буре. Мухаммад, напротив, спал в пещере один, когда с ним якобы говорил Бог. Никто из пророков не предвещал миссии Мухаммада. Мухаммад не мог предсказать, что случится даже в ближайшем будущем. Наконец, он не совершил ни одного чуда. Его личность также была объектом критики христианских ортодоксов. Прежде всего они указывали на якобы свойственные характеру Мухаммада чувственность, жестокость, склонность к насилию — качества, несовместимые с пророческим статусом. Полемисты утверждали, что Коран не может быть словом Божиим, поскольку нечестиво и бесчестно искажает библейское повествование, прибавляя к нему вымыслы и легенды, что это — плод человеческой фантазии. По их убеждению, перед фактом жертвы Христовой, которая отрицается в Коране, мусульманам нечего предъявить, кроме своего исповедания веры, обрезания, омовения, молитвы и «священной войны» (видимо, своеобразная интерпретация пяти столпов ислама). Но все это, считали критики ислама, вторичные признаки религии, которые сами по себе не могут обеспечить спасения. Искаженный итог средневековой

полемике подвел М. Лютер: «Очевидно, что Коран написан сатаной, который таким образом забавляется, издеваясь над Богом и людьми».

Какими бы наивными, надуманными и прямолинейными ни виделись нам сегодня эти доводы, очевидно одно — в них наши предки безошибочно определили самые болезненные темы, которые проявились сегодня в исламо-христианском теологическом диалоге, — темы Откровения и пророческого статуса Мухаммада.

Мы, естественно, ни в коем случае не желаем вступать в теологический спор, при этом твердо зная и веря, что ислам, как и христианство или буддизм, имеет право на существование. Разжигание ненависти к какой-либо религии — наихудший, более того — смертельный путь разрешения этнорелигиозных, политических и любых иных конфликтов. В равной мере совершенно недопустимо раздувать миф о мусульманской угрозе христианству, равно как и христианской — исламу.

Глава 4

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ МНОЖЕСТВЕННЫХ УБИЙСТВ

Поскольку множественные убийства есть проявление агрессии, необходимо хотя бы в самом общем виде остановиться на теории агрессии вообще и ее причинах в особенности.

Агрессией можно назвать групповое и индивидуальное поведение, наносящее ущерб кому-то против его воли или желания. Агрессия есть форма жизни людей, причем весьма необходимая, без нее их жизнь немыслима. Агрессия — всегда действия, агрессивность — особенность личности, группы, партии, государства. Она может быть физической или вербальной (психической), способна проявляться даже в сновидении, когда видящий сон человек нападает на кого-то или иным образом выражает свою агрессивность. Поэтому применительно к людям надо говорить не только о причинах агрессии, но и агрессивности.

Бесспорно, агрессивность передается по наследству и у людей, и у животных, но по наследству не передается склонность (потребность, желание) совершать насильственные преступления. Конечно, те, которые от рождения наделены высокой агрессивностью, тем более принимающей характер личностной акцентуации, скорее решатся на преступное насилие. Любое унаследованное агрессивное качество может быть снято соответствующим воспитанием. Как мы видим, общество делает поведение человека преступным.

Но все это лишь самая общая схема. Необходимо учитывать влияние нервной системы, генетических и биохимических факторов. Так, алкоголь выпускает агрессию наружу и в то же время снимает нравственные запреты, в опьянении люди утрачивают способность анализировать свои поступки и предвидеть их последствия. М. Перре и У. Бауман приводят данные о том, что агрессивность коррелирует и с содержанием в крови

мужского полового гормона тестостерона. Хотя влияние этого гормона значительно сильнее проявляется у низших животных, чем у человека, лекарственные препараты, снижающие уровень тестостерона в крови склонных к насилию мужчин, способны снизить и уровень их агрессивности. Мужчины с очень высоким содержанием тестостерона в крови несколько более нервозно реагируют на сигналы электронных пейджеров [Dabbs et al., 1998]. Они также более импульсивны и раздражительны и хуже справляются с фрустрацией.

После достижения 25-летнего возраста содержание тестостерона в крови мужчин и число совершаемых ими преступлений с применением насилия идут на убыль. Известно, что уровень тестостерона у заключенных, отбывающих наказание за совершение тяжких неспровоцированных преступлений, выше, чем у тех, кто осужден за совершение преступлений ненасильственного характера. Подростки и взрослые мужчины, уровень содержания тестостерона в крови которых высок, более предрасположены к правонарушениям, наркомании и агрессивным реакциям на провокации [Archer, 1994; Dabbs & Morris, 1990; Olweus et al., 1988]. По словам Джеймса Даббса, тестостерон — это «маленькая молекула, оказывающая огромное влияние». Инъекция тестостерона автоматически не делает мужчину агрессивным, тем не менее мужчины с низким содержанием тестостерона в крови менее склонны к агрессивным реакциям на провокации [Geen, 1998].

Тестостерон можно сравнить с аккумулятором: чем более он разряжен, тем хуже работают те приборы, которые питаются от него.

У других «обвиняемых», отмечают М. Перре и У. Бауман, нередко упоминаемых при осуждении агрессивного поведения, отмечается низкий уровень содержания в крови нейротрансммиттера серотонина — химического вещества, недостаток которого характерен и для людей, находящихся в состоянии депрессии. Для приматов и людей разного возраста, склонных к насильственным действиям, характерен низкий уровень серотонина в крови. Более того, искусственное снижение концентрации серотонина в лабораторных условиях усиливает агрессивную реакцию испытуемых на неприятные для них действия и их готовность «наказывать» электрошоком.

Важно помнить, что связь между поведением человека и содержанием тестостерона и серотонина в его крови — «улица с двусторонним движением». Так, тестостерон способствует доминированию агрессивности, но доминирование или успех в каком-либо деле приводят к повышению его концентрации в крови. После финальной игры чемпионата мира по футболу или ответственного баскетбольного матча между извечными соперниками содержание тестостерона в крови болельщиков победителей возрастает, а у болельщиков проигравших снижается. У людей, чей социально-экономический статус по каким-либо причинам понизился, содержание серотонина в крови невелико. Эволюционные психологи предполагают, что природа, возможно, таким образом «готовит» их к тому, чтобы они не боялись идти на риск, который может принести им удачу.

Итак, нервная система, а также генетические и биохимические факторы оказывают существенное влияние на агрессивность индивида. Биологические факторы делают одних людей более предрасположенными к агрессивным реакциям на конфликты и провокации, чем других. Но можно ли назвать агрессию настолько неотъемлемой частью человеческой природы, что о мире нечего и мечтать? По предложению Американской психологической ассоциации и Международного совета психологов многие организации поддержали следующую формулировку, касающуюся насилия, авторы которой — ученые, представляющие многие страны: «С точки зрения науки некорректно утверждать, что человек по своей природе генетически запрограммирован на войну или на любое другое проявление насилия или что причина войны — "инстинкт" или любой другой единственный мотив». Как станет ясно из дальнейшего изложения, существуют способы снижения человеческой агрессивности²⁹.

В своих ранних работах Фрейд утверждал, что все человеческое поведение проистекает, прямо или косвенно, из эроса, инстинкта жизни, чья энергия (известная как либидо) направлена на упрочение, сохранение и воспроизведение жизни. В этом общем контексте агрессия рассматривалась просто как реакция на блокирование или разрушение либидозных импульсов. Агрессия как таковая не трактовалась ни как неотъемлемая, ни как постоянная и неизбежная часть жизни.

²⁹ *Перре М., Бауман У.* Клиническая психология. М., 2007. С. 449—450.

Пережив опыт насилия Первой мировой войны, Фрейд постепенно пришел к более мрачному убеждению в отношении сущности и источника агрессии. Он предположил существование второго основного инстинкта — танатоса — влечения к смерти, чья энергия направлена на разрушение и прекращение жизни. Он утверждал, что все человеческое поведение является результатом сложного взаимодействия этого инстинкта с эросом и что между ними существует постоянное напряжение. Ввиду того, что существует острый конфликт между сохранением жизни (т.е. эросом) и ее разрушением (танатосом), другие механизмы (например, смещение) служат цели направлять энергию танатоса вовне, в направлении от «Я». Таким образом, танатос косвенно способствует тому, что агрессия выводится наружу и направляется на других.

Положение об инстинкте стремления к смерти является одним из наиболее спорных в теории психоанализа. Оно было фактически отвергнуто многими учениками Фрейда, разделявшими его взгляды по другим вопросам [Fenichel, 1945; Fine, 1978; Hartmann, Kris & Lowenstein, 1949]. Тем не менее утверждение о том, что агрессия берет начало из врожденных, инстинктивных сил, в целом находило поддержку даже у этих критиков.

Взгляды Фрейда на истоки и природу агрессии крайне пессимистичны. Это поведение не только врожденное, берущее начало из «встроенного» в человеке инстинкта смерти, но также и неизбежное, поскольку если энергия танатоса не будет обращена вовне, это вскоре приведет к разрушению самого индивидуума. Единственный проблеск надежды связан с тем, что внешнее проявление эмоций, сопровождающих агрессию, может вызывать разрядку разрушительной энергии и, таким образом, уменьшать вероятность появления более опасных действий. Этот аспект теории Фрейда (положение о катарсисе) часто интерпретировался следующим образом: совершение экспрессивных действий, не сопровождающихся разрушением, может быть эффективным средством предотвращения более опасных поступков³⁰.

³⁰ Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1999. С. 33–34.

Я во многом разделяю взгляды Фрейда о влечении человека к смерти, очень осторожно предполагая, что, возможно, в психике человека сохраняется абсолютно бессознательная информация о том, что сейчас живое когда-то было неживым. Поэтому жизнь стремится и к смерти тоже.

Эти представления я постарался изложить в разделе, который посвящен некрофилии, которой следует придавать особое значение в общей объяснительной схеме насилия и жестокости. Некрофилия, т.е. влечение к смерти, придание ей особого значения, может быть у очень многих людей, но она не будет привлекать к себе особого внимания, поскольку, во-первых, способна принимать вполне цивилизованные формы, если иметь в виду работу патологоанатомом, например. Во-вторых, нужны особые условия, чтобы она вышла наружу, определяя поведение; это могут быть революции и войны либо обстоятельства, позволяющие проявлять жестокость и даже особую жестокость, например, в отношении репрессированных и заключенных, либо какие-то острые межличностные конфликты, часто спровоцированные самими же некрофилами. Ими, по-моему, совершаются множественные, а тем более массовые убийства. Следовательно, некрофилы, если они не получили должного воспитания и если они тревожны и агрессивны, представляют повышенную общественную опасность. О возможности подробно будет сказано ниже.

Обследованные мною в местах лишения свободы лица, осужденные за так сказать «пьяные» убийства, включая множественные, никак свои действия объяснить не смогли, сводя все к нескольким словам: «так по пьянке вышло». Они не выражали сожаления, даже если ими были убиты дети, поясняя, что этого не помнят или опять-таки «по пьянке вышло». Чтобы хоть как-то загладить свою вину (например, материально помочь родственникам погибших) они и не думали. Вообще такая позиция характерна для всех убийц, а не только для этой категории.

Думаю, что вечно пьяным убийцам нужно было убить не только для выхода своей агрессивности, они ведь убивали инстинктивно, без предварительного обдумывания и планирования, без пощады, но с жестокостью, нередко особой. Реальный мир был занавешен у них постоянным пьяным угаром, за кото-

рым они опускались к своим далеким первобытным предкам, все их потребности и интересы постепенно становились примитивными. В этой связи и убийства не воспринимались ими как нечто исключительное.

У этих преступников нет утонченной техники убийств, они не лишают жизни с помощью оружия, действующего на расстоянии, что избавляло бы от чувствительной близости того, что могло бы ужаснуть обычного человека своими последствиями. Напротив, они обычно действуют с помощью ножа или топора и вид пробитого черепа или вскрытого живота на них не действует и тем более не вызывает жалости. На них, как правило, не оказывают влияния крики жертв и мольбы о пощаде (впрочем, не только на них, но и на других убийц, особенно «множественных»), в чем они явно проигрывают животным, которые не добивают соперника, если тот показывает полную покорность и принимает определенную позу.

Опьянение не только снимает моральные запреты, но и выполняет еще одну важную функцию — способствует забыванию содеянного, вытеснению в бессознательное психотравмирующих воспоминаний и переживаний о совершенном преступлении. Реализацию этой защитной функции я наиболее часто наблюдал среди тех, кто убил своих близких: отца, мать, жену, сожительницу, детей. Не сомневаюсь, что в некоторых случаях преступники лгали, утверждая, что ничего не помнят из-за опьянения, иногда так и было. В этом убеждают не только стойкие, начиная с первого допроса, утверждения о забывании случившегося, но и то, что обвиняемые не отрицали своей вины, признавали, что убили, однако не могли вспомнить и описать очень многие важные эпизоды и детали происшествия.

Отнюдь не случайно, что чаще всего из сознания вытесняются те действия, в результате которых погибли родные и близкие, поскольку именно такие преступления прежде всего принято расценивать как наиболее безобразные. Я думаю, что даже те, которые вначале лгали, за долгие годы пребывания в местах лишения свободы и после освобождения как бы убеждали себя, что им нечего вспоминать и таким образом вытеснили психотравмирующие воспоминания в невспоминаемую сферу психики. В исправительных учреждениях осужденные за множественные убийства, особенно если среди жертв бы-

ли дети, тщательно избегают разговоров на тему о том, за что они осуждены, и попытки вызвать их на откровенность часто заканчиваются безрезультатно, причем я здесь имею в виду расспросы сотрудников названных учреждений и исследователь. Некоторые осужденные за такие убийства прямо просят не вспоминать содеянное ими или особенно стараются обойти молчанием детали.

Клинические обследования множественных убийц наводят меня на мысль, что в основе их крайне агрессивного поведения лежит высокая тревожность.

Тревожность всегда привлекала к себе внимание психиатров. Так, Б.В. Шостакович применительно к тормозимым психопатическим личностям (по О.В. Кербикову) писал, что им свойственна постоянная, ничем не обоснованная тревожность, ожидание надвигающейся беды, тяжелые предчувствия. Эти люди уверены в своей неприспособленности к существованию в обществе. Они считают себя внешне непривлекательными, некрасивыми, вызывающими у других неприязненное отношение. Поэтому нередко держатся перед знакомыми принижено, считают их лучше и выше себя. Постоянно волнуются из-за взаимоотношений с окружающими, опасаясь критики в свой адрес. Им чрезвычайно сложно общаться с другими людьми без уверенности, что к ним отнесутся с уважением, примут как равных, что они смогут понравиться. Поэтому, всячески избегая каких-либо перемен, они ведут уединенный образ жизни, остерегаясь неприятностей от чужих, малознакомых людей. Круг общения и занятий весьма ограничен. Эти люди уклоняются от таких видов профессиональной или общественной деятельности, где необходимо участие в коллективных действиях, установление межличностных контактов.

К основным чертам тревожно-мнительного характера относятся: стеснительность, гиперчувствительность в сфере интерперсональных отношений, сказывающаяся ограничением контактов, покорность, нерешительность, совестливость. Лица с тревожно-мнительным характером с детства робки, пугливы, боязливы, они сторонятся животных, боятся темноты, не могут оставаться одиночестве.

Особенно отчетливо у них нарастают тревожность и тенденции избегающего поведения при вступлении в самостоятельную жизнь, предлагающую новые, незнакомые ситуации.

Это впечатлительные, склонные к ретенции преимущественно отрицательных впечатлений, боязливые, чрезвычайно конфузливые, застенчивые люди. Лучше всего они чувствуют себя в узком кругу хорошо знакомых людей. Подчас настолько робки, что боятся поступать по собственному разумению. Практическая сторона жизни их интересует мало. Как правило, они мало приспособлены к физическому труду, неловки в движениях. Они увлекаются делами, очень далекими от материальной действительности, постоянно озабочены тем, как бы кого-нибудь не обеспокоить, не обидеть. Как пишет П.Б. Ганнушкин (1907), чувствительность окружающих они измеряют своей меркой и не хотят причинить другим то, от чего сами страдают. Им свойственны постоянный самоанализ, пониженная самооценка, преувеличение собственных недостатков. Это обычно очень щепетильные, совестливые, добрые люди³¹.

Примерно также определяет тревожность Р. Комер. Он, правда, называет это заболеванием, которое характеризуется стойким и чрезмерным чувством тревоги, а также беспокойством о множестве событий и действий. Друзья и родственники людей с таким расстройством иногда обвиняют их в том, что им «нравится» волноваться, они «ищут», о чем бы побеспокоиться, и «счастливы» лишь тогда, когда беспокоятся о чем-то³².

Между тем я не имею в виду ту тревожность, о которой пишут Шостакович и Комер, т.е. видимую, явную, даже бросающуюся в глаза. Человек с такими особенностями действительно может быть щепетильным, добрым и совестливым, может добиться

³¹ Шостакович Б.В. Расстройства личности (психопатии) в судебно-психиатрической практике. М., 2006. С. 150–151.

³² Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб., 2002. С. 127.

Большое внимание тревожности уделяли и психологи. Так, З. Фрейд считал, что основная проблема души состоит в том, как справиться с тревожностью (Психология личности. Хрестоматия. М., 2008. С. 88). Г.С. Салливан писал, что тревога – переживание напряжения в связи с воображаемой или реальной угрозой безопасности. Высокий уровень тревоги снижает эффективность удовлетворения потребностей индивида, нарушает межличностные отношения, вызывает нарушения мышления [см.: там же. С. 481].

высоких результатов в творчестве. Я имею в виду иную тревожность и, соответственно, другое поведение.

Психологическое изучение репрезентативного числа преступников, проведенное мною совместно с В.П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым, показало, что наиболее высоким уровнем тревожности обладают убийцы, причем этот уровень носит пикообразный характер, «подскакивая» в каких-то острых ситуациях. Это делает понятным совершение некоторых убийств в условиях очевидности. Воры тоже тревожны, но уровень тревожности у них ниже, чем у убийц, и носит постоянный, ровный характер, что позволяет им контролировать свое поведение. Поэтому они, тайно похищая чужое имущество, значительно реже изобличаются и привлекаются к уголовной ответственности. Но я полагаю, что надо вести речь о такой тревожности, которую очень трудно, а порой невозможно выявить с помощью психологических тестов. Это — глубинная, диффузная, бессознательная тревожность, постоянно вызывающая непонятные для личности переживания по поводу своей определенности, статусов, принадлежности и, что очень важно, безопасности; человек не только не понимает эту тревожность, но даже и не ставит перед собой вопроса о ее существовании. Больше всего он страшится быть раздавленным неизвестными опасностями, а потому, пытаясь упредить их, прибегает к агрессивным и крайне агрессивным действиям.

В клинических беседах все это можно понять, когда убийца, рассказывая о своей жизни, не может более или менее внятно объяснить, почему он менял места работы и жительства, переезжая даже в другой город, совершая те или иные деструктивные поступки, прибегая к упрощенным и грубым методам разрешения конфликтов, стремился быть хозяином положения или подчинялся тем, чьи намерения и поступки осуждались, но все-таки подчинялся им.

Я не утверждаю, что все подобные личности страдают параноидальными (или, по отечественной терминологии, параноидальными) расстройствами. Но несомненно, что многие из них, даже большинство, все-таки являются параноиками.

Американская психиатрическая ассоциация считает, что люди с параноидными расстройствами не доверяют окружающим и с большим подозрением относятся к мотивам их действий.

Поскольку они считают, что все намерены причинить им вред, они избегают близких отношений. При этом вера в собственные идеи и способности может быть чрезмерной.

Основными проявлениями этого типа расстройств личности является особая склонность больных к возникновению сверхценных образований, сочетающихся с ригидностью психики, подозрительностью и, как правило, с завышенной самооценкой³³.

Особенности характера со склонностью к длительной фиксации на какой-либо идее, с крайней ригидностью психики и упрямством в отстаивании своих, зачастую недоказуемых высказываний и убеждений начали описывать во второй половине XIX века как параноическую конституцию. Крафт-Эбинг (1897) рассматривал ее в качестве одного из вариантов психического вырождения. Некоторые авторы, например М. Friedmann (1905) и С. Westphal (1908), считали параноическую конституцию основой для развития паранойи. В отечественной психиатрии первым описал параноический характер В.Ф. Чиж (1905, 1911). В.Ф. Чиж отмечал, что у лиц параноического склада «слабы высшие чувства: интеллектуальные, нравственные, эстетические, религиозные». При патологических проявлениях они могут дать картину хронической паранойи. Он подчеркивал, что одним из важных симптомов, способствующих развитию некоррегируемых идей у таких лиц, является «интеллектуальная тупость», в силу которой у них появляются своеобразные высказывания, приводящие их к столкновению с окружающими.

М.П. Кутанин (1927) характерными чертами параноического взгляда считал переоценку собственной личности, эгоизм, высокомерие, подозрительность, обидчивость, склонность к преувеличению, болезненное стремление к правде. Именно эти качества я обнаружил при обследовании у Чикатило, Фирсова и некоторых других множественных убийц.

П.Б. Ганнушкин, который первым в отечественной психиатрии осуществил развернутое исследование психопатии, считал, что основным свойством параноиков является склонность к образованию сверхценных идей, во власти которых

³³ Шостакович Б.В. Указ. работа. С 69.

они оказываются. Идеи заполняют психику параноика, оказывая доминирующее влияние на все его поведение. Самой важной сверхценной идеей предстает мысль об особом значении его личности, что выражается в эгоизме, самодовольстве, чрезмерном самомнении³⁴. Все эти черты присущи многим террористам, в том числе главарям террористических банд и даже государственных террористических структур, которые готовы пожертвовать многими жизнями, в частности своих соотечественников, для торжества своих идей. То же самое можно обнаружить у исполнителей террористических актов, у террористов-самоубийц.

У человека всегда были веские основания бояться и того, что есть в нем самом в виде бессознательного, и того, что окружает его в образе духов и других аналогичных существ, им же спроецированных. Если кто-то не верит в них, для страха вполне достаточно и того непонятного и темного, что есть в самой личности. Поэтому очень многие люди активно сопротивляются контактам с психологами и психиатрами, не желают их слушать, а когда все-таки узнают о каких-то неприятных качествах своей личности, о которых ранее не подозревали, то воспринимают это как оскорбление. Это, собственно, защитные по своему назначению и характеру меры, но в данном случае обращенные не вовне, не против духов или оборотней, а внутрь себя, против нежелательных и неприемлемых сторон своей личности. Человек постоянно борется сам с собой, стараясь скрыть за знакомым узорчатым занавесом то чуждое и внушающее страх, что лежит за пределами сознания. Но вся сложность, а иногда и трагичность его положения состоит в том, что подчас невозможно отделить то устрашающее, что в нем, от того, что вне его.

Люди населяют окружающую их атмосферу бестелесными существами не только потому, что таким образом они проецируют свои состояния или черты своей личности. Это может происходить и по причине, что человек, находясь в состоянии высокой тревожности и не зная, как объяснить постоянное беспокойство и опасения, начинает верить, что вокруг него

³⁴ Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий. Их статика, динамика, систематика. М., 194. С. 98.

обитают невидимые, но нежелательные и даже враждебные силы. Они, по его ощущениям, как бы разлиты в воздухе и от них в любое время можно ожидать разрушительных действий. Особенно к этому чувствительны те, кто страдает психическими расстройствами и часто переживает совершенно неясную для себя тревогу в результате действия чего-то неведомого, что способно вызвать у них страх, а иногда даже привести в ужас.

Наши первобытные предки всегда усматривали причины событий повседневной жизни в невидимом мире. Этнологи (Л. Леви-Брюль) отмечают у дикарей постоянную тенденцию все происшествия считать результатом вмешательства сверхъестественных сил. Даже и в таком, казалось бы, малозначительном случае, как забредшая к туземцу соседская коза, он вполне может обратиться к колдуну или знахарю за разъяснением, не направлялось ли это животное невидимыми врагами.

Вера первобытных людей в потусторонний мир не выступает как заключение, сделанное путем рассуждения, равно как и этот мир не является только воображаемым; он — виртуальная данность, как и все его проявления, в этом качестве он реален и даже более глубоко реален, чем мир общедоступного и обыденного опыта. Этот второй мир тоже является объектом опыта, но опыта сверхъестественного, имеющего, следовательно, высшую ценность. Первобытный человек не ищет причину, она ему уже дана наперед и поэтому не приходится ни задаваться вопросами относительно того, что она собой представляет, ни спекулировать, ни философствовать на этот счет. Современные люди, во всяком случае многие из них и особенно психически ущербные, прочно унаследовали подобное отношение к потустороннему миру.

Первобытный страх перед чужаками и всем чужим лежит в филотеистической основе величайшего проклятия XX века — воинствующего национализма и шовинизма, породивших германский нацизм и фашизм, этнорелигиозной нетерпимости, обусловившей современный терроризм. Первобытный страх перед чужаками и всем чужим провоцирует многие другие преступления.

Со временем многое, конечно, изменилось. Прежде всего человек перестал бояться диких животных, затем очень постепенно злых духов и магии, на смену которым пришли боги,

впрочем, духи повсеместно до сих пор прекрасно уживаются с богами. В современном секуляризованном мире, особенно западном, страх перед божествами и иными потусторонними персонажами, разумеется, совсем не такой, как в первобытных и других древних сообществах, он не ощущается обычно в качестве непосредственной и фатальной угрозы жизни. Вместе с тем остается страх перед природными катаклизмами, а в последнее столетие — и перед техногенными катастрофами. Люди по-прежнему боятся войны, причем соответствующие переживания стали еще более острыми из-за того, что ядерное оружие сделало практически одинаково уязвимым фронт и тыл. Люди продолжают страшиться преступников, причем в некоторых странах, например в России, их защита в этом отношении крайне неэффективна.

К. Ясперс имел все основания писать, что вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить. Человека охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией, его сопровождает жуткий страх перед жизнью, боязнь утратить витальное бытие. Страх распространяется на все, усиливая неуверенность. Жестокостей стало меньше, но они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек, чтобы выстоять, должен напрячь свою рабочую силу до предела, работать все интенсивнее из боязни быть выкинутым.

Страх перед жизнью обращается и на тело, считает К. Ясперс. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невыносимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает. Страх усиливается в связи с опасностью неизбежно исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться, и человек не ощущает абсолютной связи с другими. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит

человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха³⁵.

К. Хорни полагает, что тревога может скрываться за чувствами физического дискомфорта, такими как сильное сердцебиение и усталость; за многочисленными страхами, которые внешне представляются рациональными и обоснованными; она может быть скрытой силой, толкающей нас к выпивке или погружению во всевозможные помрачения сознания. Часто мы можем наталкиваться на нее как на причину неспособности выполнять то или иное дело или получать удовольствие, и мы всегда обнаруживаем ее в качестве влиятельного фактора, стоящего за внутренними запретами.

Наша культура порождает в живущих людях огромную тревожность, констатирует К. Хорни. Следовательно, практически каждый построил ту или иную форму защиты. Чем невротичнее человек, тем сильнее его личность пронизана и скована такими защитами и тем больше вещей, которые он не способен и не пытается делать. Испытывая тревогу, он чувствует огромную и неотвратимую опасность, перед которой абсолютно бессилен, беззащитен. Иногда он ощущает ее как идущую извне, а в других случаях — как исходящую из собственных неуправляемых импульсов³⁶.

Разумеется, в понятия тревожности, тревоги, страха, боязни и др. можно вкладывать самое разное содержание, но мы не видим свою задачу в том, чтобы дать приемлемые для всех определения соответствующих явлений. Отметим лишь, что есть особые субъективные эмоциональные переживания, часто имеющие бытийное значение. Полагаем, что тревога и тревожность — синонимы, отражающие более низкий уровень беспокойства по сравнению со страхом, выше которого — ужас, представляющий собой паническое, неуправляемое состояние психики.

Нельзя не согласиться с К. Хорни, что наша культура порождает в людях огромную тревожность, особенно в урбанизированных регионах. Глобализация в современном мире с ее

³⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 327–328.

³⁶ Хорни К. Собр. соч.: в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 312–313.

универсализацией и стремлением подчинить всех одному ритму, одним стандартам и одному образу жизни, отнюдь не способствует снижению тревожности и страха. Люди очень боятся утратить привычные ценности, смысл и символы, особенно духовные, и их защита очень часто предполагает использование преступного насилия. Они также понимают, что глобализация повышает риск стать жертвой терроризма, равно как и транснациональной организованной преступности.

«Первый признак, отличающий человеческое существование от животного, имеет отрицательную характеристику, — писал Э. Фромм». Это — относительная недостаточность инстинктивной регуляции процесса адаптации к окружающему миру. Способ адаптации животных повсеместно один и тот же: если инстинктивное обеспечение перестает отвечать требованиям успешной адаптации к изменяющемуся миру, то соответствующий биологический вид вымирает. Животное адаптируется к изменяющимся условиям путем изменения самого себя, а не окружающей среды. Таким образом, оно живет в полной гармонии с природой.

Происхождение же человека можно связать с тем моментом в процессе эволюции, когда адаптация с помощью инстинктов достигла минимального уровня. Появление человека сопровождалось возникновением новых качеств, отличающих его от животных. Это осознание себя как отдельного самостоятельного существа, как способность помнить прошлое и предвидеть, планировать будущее, обозначать различные предметы и действия с помощью знаков и символов. Это способность разумного постижения и понимания мира, способность воображения, позволяющая ему достичь более глубокого познания, чем это возможно на уровне только чувственного восприятия. Человек — самое беспомощное из всех животных, но именно биологическая беспомощность — основа его силы, главная причина развития его специфических человеческих качеств³⁷.

Человек способен выжить в гораздо большем числе сред, чем любое другое живое существо. Из всех видов мы обладаем лучшей коллективной памятью (но не только на хорошее), наша

³⁷ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., С. 45–46.

способность фиксировать информацию лучше вооружает нас для адаптации к тому, что мы зовем прогрессом, и для разнообразного опыта, хотя, если судить по тому, как мы пользуемся своими преимуществами, нас могут счесть неполноценными. Мы обладаем огромными преимуществами в уничтожении самих себя и других видов.

Среди специфических качеств человека, в том числе призванных компенсировать его биологическую беспомощность, стала способность совершать действия защитительного характера. Некоторые из таких действий впоследствии были названы преступлениями. Разумеется, в любом поведении личности, в том числе преступном, инстинкты могли играть достаточно заметную роль. Нельзя сказать, что животные всегда жили в полной гармонии с природой, особенно тогда, когда создаваемые ею условия жизни для них заметно ухудшались. Что касается человека, то он иногда даже воевал с природой, настолько она была немилостива к нему. Возможно, конечно, что человеку было необходимо отчуждение от природы, чтобы почувствовать, насколько ему важно единение с ней, а это путь к единству с самим собой и всем человеческим родом. Поэтому он так важен для воспитания.

Но человек далеко не всегда может адаптироваться к природе или социальным условиям, изменить их так, чтобы обеспечить себе комфортное и спокойное существование. Это неизбежно вызывает у него тревогу и страх, ведет к утрате смысла жизни, отчуждению от людей. Он не может принять себя таким, он должен самоутвердиться и утвердиться в глазах ближайшего окружения, что вселит в него уверенность и снизит тревожность.

Например, так называемые сексуальные маньяки, убивающие жертв своих сексуальных нападений, как правило, несостоявшиеся мужчины, абсолютно неуверенные в своих биологических мужских возможностях. Они ненавидят женщин, считая их своими злейшими врагами и источниками своих бед и тягостных, психотравмирующих переживаний из-за своей непростительной слабости, ненужности, выброшенности. Отсюда совершение особо жестоких убийств, глумление над потерпевшими.

Приведенные размышления призваны объяснить не только и не столько множественные убийства, а преступное насилие в целом. Без понимания и учета этих общих установок невозможно найти причины интересующих нас убийств. Если одно какое-нибудь убийство можно расценить как попытку защитить себя, то и множество убийств можно объяснить так же — желанием, конечно, бессознательным, защитить себя как можно более надежно.

Истинное отношение человека, склонного к совершению множества убийств, к другим обычно скрытно. В своем поведении он может сделать уступку целесообразности, но она представляет собой помесь притворства с невротическими наклонностями, невротическими потребностями в привязанности, одобрении и, конечно, в обеспечении безопасности. Он может быть даже добрым, но главным образом в отношении людей своего круга. В отношении же других стремится быть жестким, твердым и нестигаемым, во всяком случае казаться таковым.

В основе видения мира лежит ощущение его как арены, на которой выживают наиболее приспособленные, и сильные уничтожают слабых. В любом случае преследование своих корыстных целей, в первую очередь защиты себя, является наивысшим законом. Отсюда его главной потребностью становится управлять другими, во всяком случае стоять над ними. Вариации в способах достижения этого бесконечны: это может быть прямое проявление власти, косвенное манипулирование под видом обаяния людей либо предпочтение стоять «за трон» человека, обладающего властью, и выполнять любые его указания.

По мнению К. Хорни, агрессивный тип делает все возможное, чтобы быть хорошим борцом. Он проявляет живость и остроту в споре и с готовностью вступит в него ради доказательства, что прав. Он может быть на высоте, будучи загнан в угол, когда не имеет другого выбора, кроме как сражаться. В противоположность уступчивому типу, которого страшит победа, он плохо переносит проигрыш и, безусловно, хочет победы. Он с такой же готовностью обвиняет других, с какой первый тип склонен винить себя. Ни в том, ни в другом случае вопрос о виновности не имеет никакого значения. Уступчивый тип, когда он признает свою вину, на самом деле нисколько не считает себя виновным, но стремится все как-нибудь

уладить миром. Сходным образом агрессивный тип совсем не убежден, что неправ другой человек, он просто утверждает собственную правоту, поскольку нуждается в ней как *в основе* субъективной уверенности главным образом по тем же самым причинам, по которым армии требуется безопасная позиция, чтобы начать атаку. Признать ошибку в том случае, когда это не является абсолютно необходимым, представляется ему непростительным проявлением слабости, если не отъявленной глупостью³⁸.

По моим наблюдениям, если агрессивной личности не удастся доказать свою правоту, она прибегает к силе, вплоть до уничтожения другого, поскольку не приемлет себя в качестве проигравшего. Проигрыш означает снижение статуса и демонстрацию своей слабости, а следовательно, своей уязвимости для внешних угроз. В сущности, человек боится сам себя.

Ощущение превосходства, успех, престиж или любая иная форма признания ему необходимы, поскольку снижается его тревожность. Такие люди также придают особое значение субъективному чувству силы, возникающему в результате подтверждения извне, внешним знакам приветствия и самого факта превосходства. Сильно выраженная потребность в подавлении и эксплуатации других составляет часть общей картины. Сам человек убежден, что так действуют все или хотят быть такими же. Другой не может быть правым, свою же ошибку не следует признавать, чтобы не выглядеть слабым и, следовательно, не стать объектом чьей-то агрессии. В иных ситуациях нельзя упускать возможности, если это не грозит неприятностями, отметить жалкое или несуразное честолюбие, жадность, неверность и другие низкие качества, при этом оправдывать себя тем, что «я всего-навсего реалист».

Другую грань его реализма составляет то значение, которое он придает планированию и предвидению. Происходит это из-за боязни провалиться: ведь тревожность его следующая черта. Подобно всякому хорошему стратегу, он в каждой ситуации тщательно взвешивает собственные шансы, силы своих противников и возможные ловушки.

³⁸ Хорни К. Наши внутренние конфликты // Психология личности. М., 2008. Т. 1. С. 206.

Поскольку им постоянно движет стремление к утверждению себя как самого сильного, самого пронизательного или пользующегося признанием человека, он пытается развить в себе необходимые для этого умения и изобретательность. Однако производимое им впечатление полной поглощенности интересами группы и преданности ей будет в некотором смысле обманчивым, ибо для него все это является лишь средством достижения цели. Он не всегда любит то, что делает, и не получает от этого никакого удовольствия, что согласуется с его попыткой вообще исключить чувства из своей жизни. Такое удушение всех чувств приводит к двойственному результату. С одной стороны, это, несомненно, целесообразно с точки зрения успеха, так как позволяет ему функционировать подобно хорошо смазанной машине, неустанно работая на то, что принесет ему еще больше власти и престижа. Чувства здесь могли бы помешать: толкнуть на такое направление активности, которое сулит меньше выгоды, либо, возможно, заставили бы его отказываться от использования тех средств, которые столь часто применяются на пути к успеху. С другой стороны, та эмоциональная обедненность, которая возникает в результате удушения чувств, не может не оказать своего влияния на качество его отношений с другими людьми.

Агрессивный тип производит впечатление человека, полностью лишенного внутренних запретов. Он может добиваться удовлетворения своих желаний, отдавать приказания, выражать гнев, защищать себя. Тот факт, что присущие ему внутренние запреты тотчас не бросаются нам в глаза, говорит не очень-то в пользу нашей цивилизации. Они лежат в эмоциональной сфере и относятся к его неспособности дружить, любить, питать привязанности, проявлять сочувственное понимание, испытывать бескорыстное наслаждение. Последнее он отбрасывает как пустую трату времени, ничего не дающую для его безопасности.

Человек агрессивного типа чувствует себя сильным, честным и реалистичным, и все это действительно так, если смотреть на вещи его глазами. Исходя из принятых им предпосылок, он оценивает себя строго логично, так как безжалостность для него является силой, отсутствие заботы о других — честностью, а преследование собственных целей любыми средствами —

реализмом. Его представление относительно своей честности частично вытекает из пронизательного разоблачения, свойственного современному обществу лицемерия. Энтузиазм по поводу какого-либо общего дела, филантропические чувства и тому подобное воспринимаются им как чистое притворство, и для него не составляет труда разоблачать социальные лозунги или христианскую добродетель, показывая, что за ними так часто скрывается на самом деле. Его система ценностей строится на основе философии джунглей. Сила дает право. Отбрось гуманность и жалость. *Homo homini lupus est*. Здесь мы встречаем ценности такого рода, которые не очень отличаются от хорошо знакомых нам на примере нацизма и большевизма.

В склонности агрессивного типа отвергать реальную симпатию и доброжелательность, точно так же, как их ложные двойники — уступчивость и покладистость, — есть своя субъективная логика. Но было бы ошибочным утверждать, что он не может провести различия между ними. Встречаясь с несомненно дружеским расположением в сочетании с силой, он вполне способен к признанию и уважению его. Все дело в том, что он уверен, что чрезмерная разборчивость в этом отношении противоречила бы его интересам. Это представляется ему помехой в борьбе за выживание.

Проблема убийств, особенно множественных и массовых, — это прежде всего проблема зла, наибольшего зла, страшнее которого нет ничего. Это крайнее выражение беды выдает разрушительные начала, лежащие как в обществе, так и в человеке, человеческом роде; можно сказать, что без убийств человечество не может существовать. Поэтому насильственное противоправное лишение жизни имеет изначально самостоятельное, собственно онтологическое бытие и как таковое укоренено в самой реальности, в то же время выступая фрагментом жизни, противопоставленным добру. Как и смерть, причиной которой оно бывает, убийство является величайшей тайной жизни.

Устранить указанный фрагмент так же невозможно, как изменить биологическую природу человека или вывернуть ее наизнанку. Этот пессимистический вывод основан не только на моих многолетних криминологических исследованиях убийств, их природы и причин, но и на доступном всем изучении человеческой истории, более чем обильно политой кровью убитых.

Убийство с древнейших времен, постоянно и неизменно повторяясь, стало прочным опытом и в этом качестве вьелось в людскую социальную природу. По каналам коллективного бессознательного как способ выхода из проблемных ситуаций этот опыт, подкрадываясь к современному человеку, способен оживать в его действиях и, как снежный ком, обрастая новыми злодеяниями, передаваться от человека к человеку. Однако мой пессимизм относится лишь к перспективам полного искоренения смертельного насилия, даже в весьма отдаленном будущем, но отнюдь не к возможностям его ограничения, удержания в цивилизованных рамках при соблюдении, естественно, ряда весьма существенных условий. Чем они эффективнее, тем больше сможет человек подавлять в себе иррациональные страсти — влечение к разрушению, ненависть, злобу, зависть, месть, тем успешнее он преодолеет собственное бессилие, изматывающие эмоции своей недостаточности и незащищенности, свое одиночество в непонятном и даже враждебном мире.

Попробуем еще раз приблизиться к общему определению понятия убийства, опять-таки помня, что это одна из главных тайн бытия. Убийство и особенно убийство многих — попытка преодолеть свою ничтожность и малость, осознание которых весьма травматично, а поэтому изгоняется в бессознательное; это — желание утвердить себя, в том числе в собственных глазах, преодолеть свою изоляцию и доказать свою нужность. Можно предположить, что таким деструктивным путем индивид пытается обрести некоторую свободу; и внутреннюю, позволяющую произвести выбор, вырвавшись из интериоризованных, приобретенных запретов и условностей, как это стремился сделать Раскольников Ф. Достоевского, и внешнюю, завоевав вокруг себя определенное психологическое пространство как поле для последующей деятельности. Убийство может носить характер личностного поступка, т.е. такого, решение о котором принимается относительно самостоятельно, либо быть следствием конформного подчинения другим, в первую очередь малым неформальным группам, данной субкультуре или жесткому предписанию властей.

Совершение убийства следует рассматривать в аспекте реализации и персонификации страстей как действие, связанное с глубинными потребностями личности и решением ее акту-

альных задач. Убийства, прежде всего тогда, когда погибает несколько человек, даже только намерение их совершить иногда могут способствовать превращению преступника из маленького и незаметного существа в героя, как минимум в собственных глазах, который вопреки всем преградам преодолел свой психологический и социальный уровень и решил не только свои, но даже и общественные задачи. Нередко таким путем субъект пытается преодолеть свое банальное существование, найти смысл жизни, пережить самые острые и мощные эмоциональные потрясения, мобилизовать свои жизненные ресурсы. В этих случаях личность убийцы, его интересы и стремления приобретают первостепенное значение, они его культ и идеал, даже если скрываются от окружающих. Это, одним словом, нарциссическая личность.

Полагаю, что именно стремление ничтожного человека стать значительной, в первую очередь в своих глазах, персоной двигает поведением концлагерных палачей.

Убийство в жизни людей играет еще одну довольно сложную и даже неожиданную роль.

Давно замечено, что человек стремится выйти за пределы своего Я, разломать его жесткое ядро повседневности, расширить сугубо индивидуальные рамки, выйти на иной, дотоле неведомый уровень. Очевидно, это одна из глубинных потребностей, еще недостаточно изученная, в основном в связи с какими-то другими явлениями. Можно полагать, что злоупотребление наркотиками и алкоголем, сверхшумная музыка и различные маскарады, даже (возможно?!) трансвестизм (стремление к ношению одежды другого пола) и трансексуализм (желание с помощью хирургического вмешательства сменить пол) представляют собой попытки выйти за рамки, предписанные личности обществом и природой. Особую роль здесь играют экстатические, аффективные состояния, достигаемые, в частности, путем специальных упражнений (движений) или употребления каких-либо препаратов. Смысл всего этого видится в том, что, взломав себя, человек переносится в новые, доселе неизвестные ему и смутно желанные миры.

Наблюдения за убийцами показывают, что немалая часть из них, особенно сексуальные преступники, совершающие убийства при разбойных нападениях или в отношении членов семьи

и близких родственников, находятся в описанных экстатических (аффективных) состояниях. Их сознание сужено или даже полностью отключено, они плохо помнят детали или вообще забывают о них, их агрессивность иногда не имеет определенного адресата и обрушивается на тех, кто просто находится рядом, а поэтому нередко страдают дети, соседи, случайные прохожие. После агрессивного взрыва, происходящего наподобие выброса огромной энергии, наступает общая расслабленность, опустошенность и в то же время удовлетворенность, возникает желание спать, постоянно пребывать в дреме. Некоторые из убийц рассказывали мне, что во время совершения преступления они переносились в какой-то иной мир, в котором чувствовали себя другим человеком, могучим и повелевающим, которому доступно все, т.е. жили наиболее полной жизнью. Именно убийство, а не, скажем, опьянение давало возможность взламывать свою привычную психологическую нишу, но не «просто» убийство, а проявляемое при этом абсолютное доминирование над жертвой, сопровождаемое истязанием, измывательством над ней, расчленением тела, нанесением бесчисленных ранений, кромсанием частей тела. Небезызвестный сексуальный убийца Чикатило, в жизни жалкий и презираемый всеми мелкий чиновник, делал все это, преодолевая собственную ничтожность и становясь грозным хозяином темного леса, при этом он впадал в экстатическое состояние.

Нельзя думать, что экстатические состояния, часто именуемые аффектами, вызываются лишь внешними причинами. Отнюдь: порой человек сам ищет и создает ситуации, в которых он мог бы, взвинтив себя, войти в экстатическое состояние и разрешиться насилием.

Но действительно ли один человек, сокрушающий другого, может обрести свободу, тем более внутреннюю? За редкими исключениями здесь должен быть дан отрицательный ответ, поскольку, действуя так, он выявляет свою жесткую зависимость не только от собственных переживаний, но и от того, что является смыслом и целью его поведения; совершенное убийство вызывает новые переживания и новые проблемы и, следовательно, закрепляет его субъективное порабощение, что почти всегда наглядно видно при анализе личности и внутреннего мира человека, совершившего ряд убийств. Поэтому закрады-

вается мысль, что на самом деле, но на бессознательном уровне, индивид стремился не к свободе, а в прямо противоположном направлении. То, что данное убийство носило характер личностного поступка, здесь ничего не меняет.

Убийство самым парадоксальным образом может сочетать в себе прямо противоположные тенденции и силы: с одной стороны, в нем часто присутствует крайняя неистовость, а с другой — полное в то же время равнодушие к жертвам. Но равнодушие не означает, что совершенно не ценимы другие жизни, напротив, убийства происходят как раз потому, что их стоимость чрезвычайно велика как в целом, абстрактно, так и применительно к отдельному индивиду. Убивающему нужно, чтобы они, эти жизни, были им отняты у других, жертвы «просто» платят ту высокую цену, которую назначил преступник. Если бы жизни не были столь ценимы обеими сторонами, то и не были бы нужны убийце.

* * *

Исследуя причины множественных убийств, необходимо понять:

1) в чем смысл такого крайне разрушающего поведения, причем этот смысл обычно носит глубинный, бессознательный характер, не открываясь разуму действующего субъекта. Его можно выявить при определенной теоретической направленности самого исследования;

2) что хотели сказать природа и общество, когда направляли крайне разрушительные действия человека. Ведь они и только они создали такого человека, хотя и нельзя утверждать, что при этом ими преследовались определенные цели.

Глава 5

САДИЗМ И НЕКРОФИЛИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ МНОЖЕСТВЕННЫХ УБИЙСТВ

5.1. Эволюция понятий «садизм» и «некрофилия»

Мы не сможем понять природу убийств в целом и множественных в особенности, если не обратимся к такому феномену, как садизм. В исследуемой разновидности убийств садизм и некрофилия играют ведущую роль.

Термин «садизм» был предложен Р. фон Крафт-Эбингом, выдающимся немецким сексопатологом, и образован по имени французского писателя маркиза де Сада. Сад в своих словообильных и, на мой взгляд, тошнотворных произведениях описал множество способов истязаний полового партнера и утверждал право человека на ничем не ограниченное сексуальное поведение. Стержнем позиции Сада было получение полового удовлетворения путем причинения страданий и унижений сексуальному партнеру. Диапазон действий садиста весьма широк: от оскорблений и брани до нанесения телесных повреждений разной степени тяжести и даже убийства. Садистами могут быть гомосексуалисты, педофилы и геронтофилы, а также склонные к зоофилии. Некоторые исследователи относят к садизму и некрофилию — половое совокупление с трупами, но с этим нельзя согласиться, поскольку никаких страданий труп невозможно причинить. Аналогом некрофилии, если понимать ее только в сексуальном аспекте, является бертранизм, названный по имени описанного Крафт-Эбингом сержанта Бертрана, который выкапывал трупы женщин и совершал с ними половые акты. Термин «некрофилия» тоже был создан Крафт-Эбингом. В настоящее время этот термин используется и для обозначения более широких социально-опасных явлений.

Появившись для обозначения сексуальных перверсий, термин «садизм», как и некрофилия, впоследствии вышел за рамки сексологической терминологии и стал обозначать более широкий спектр социальных явлений для объяснений убийств, в том числе связанных с жестокостью, прежде всего особой, с ее самыми разнообразными проявлениями.

Садизм существовал во все времена, поскольку всегда были люди, которые пытались получить удовольствие путем грубого, даже жестокого насилия; они должны были мучить других, чтобы утвердиться самим, удержать и укрепить свою власть, причем не обязательно политическую, государственную, но и власть в семье, общине или иной малой группе. Они должны были иметь власть над кем-то, лучше — над группой, чтобы обеспечить свою безопасность и создать условия для достижения стоящих перед ними целей. Поэтому думается, что садизм представляет собой способ преодоления, подавления своей глубинной бессознательной тревоги, причем прибегание к этому способу происходит тоже бессознательно. Наверное, никто не сомневается в том, что Нерон, Калигула, Тамерлан, Иван Грозный и другие кровавые тираны были садистами. Их «род» никогда не вымрет, о чем свидетельствуют Ленин, Сталин, Гитлер, Гимлер и нескончаемая череда других большевистских и нацистских палачей и мучителей помельче, нынешних террористов и убийц.

Э. Фромм связывал рост насилия с крушением надежд. Он писал, что «именно потому, что люди не могут жить без надежды, тот, чья жизнь полностью разрушена, ненавидит жизнь. Поскольку он не может сотворить жизнь, он хочет уничтожить ее, что лишь немногим менее чудесно, но что гораздо легче выполнить. Он хочет отомстить за свою несостоявшуюся жизнь и делает это, ввергая себя в тотальную деструктивность, так что не имеет особого значения, разрушает ли он других или сам подвергается разрушению»³⁹. Эти мысли Фромма важны в том отношении, что массовое крушение надежд создает особую нравственно-психологическую атмосферу в обществе, когда ослабевают или отвергаются вековые моральные нормы

³⁹ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 105.

и воцаряется вседозволенность, от которой невозможно найти защиту. Именно такая атмосфера возникла в России после Октябрьского переворота и в Германии после прихода к власти Гитлера, а в Камбодже — Пол Пота. Однако безупречным выглядит утверждение Фромма, что не имеет особого значения, разрушает ли человек других или сам подвергается разрушению. Думается, что в первом случае опасность намного выше. Но Фромм, несомненно, прав, что сами по себе экономические неурядицы — не первопричина, приводящая к ненависти и насилию, ею является безнадежность положения, повторный крах перспектив.

Большое внимание садизму как явлению уделили психоаналитики. Именно они вывели садизм за рамки сексопатологии в широкий социальный мир.

К. Хорни сосредоточивает свое внимание на садистских видах отношений, прослеживая их в лицах, которые не испытывают никаких внутренних запретов в выражении своих садистских наклонностей к другим людям независимо от того, осознают ли они эти свои наклонности или нет. Способы, с помощью которых садист удерживает партнера в порабощении, варьируются в пределах сравнительно ограниченного диапазона и зависят от структуры личности обоих членов пары.

Не всякое садистское стремление направлено на порабощение. Садист может находить удовлетворение в том, чтобы играть на чувствах другого человека.

Существенна и фиксируемая Хорни тенденция садиста унижать и третировать других людей. Садист не только направляет свой прожектор на действительные изъяны у других, которые точно улавливает, он еще склонен к экстернализации (переносу) собственных недостатков на них и, таким образом, к возведению напраслины на этих людей. Добавлю, что уничтожая людей, на которых он переносит свои недостатки (например, при терроризме), садист как бы уничтожает эти недостатки в себе, что приносит ему удовлетворение.

Многие садистские проявления сопровождаются определенным возбуждением, некоей всепоглощающей страстью. Однако нет оснований считать, полагает Хорни, что садистские аффекты, доходящие до нервной дрожи, имеют сексуальную природу; такие предположения основываются лишь на том, что всякое возбуждение само по себе является сексуальным.

Но никаких данных в пользу этой гипотезы нет. Объяснение нельзя найти и в инфантильном характере таких переживаний. Если мы рассматриваем садизм как невротический симптом, надо начинать с попытки не объяснить этот симптом, а понять ту структуру личности, в рамках которой он развивается. С таких позиций можно установить, что садистские наклонности не развиваются у тех, кому не свойственно глубокое чувство тщетности своей жизни. Если же такое чувство есть, человек оказывается во власти обиды и негодования, он чувствует себя отовсюду исключенным, отверженным, и как следствие, начинает ненавидеть жизнь и все, что в ней есть позитивного. Но он ненавидит ее, испытывая жгучую зависть человека, которому отказано в том, что ему страстно хочется.

Понимание внутренней борьбы садиста позволяет глубже понять другой, более общий фактор, внутренне присущий садистским симптомам, — мстительность, которая, подобно яду, часто проникает в каждую клеточку личности садиста. Все свое яростное презрение к себе он обращает вовне.

Делая других несчастными, садист пытается смягчить собственное несчастье. Обладать садистскими наклонностями означает жить агрессивно и по большей части деструктивно, реализуя все свои отношения через других людей. Следствием деструкции выступает тревога. Это отчасти страх возмездия: человек опасается, что другие будут относиться к нему так, как он относится к ним или как он хотел бы относиться к ним. Он поэтому должен быть бдительным, предвидеть и предупреждать любую возможную атаку. Отчасти его тревога представляет собой страх перед взрывными, деструктивными элементами, заключенными в нем самом⁴⁰.

Разумеется, садистом может быть человек, который не сам причиняет боль и страдание другим людям непосредственно, а делает это, например, через других людей, подчиненных ему. Иными словами, здесь садист руководит социальной, в том числе государственной, машиной или малой социальной группой, чтобы удовлетворить свое влечение к причинению мучений другим. И в этом случае он мстителен, но объектом его мщения становится не только конкретный человек, но и лю-

⁴⁰ Хорни К. Наши внутренние конфликты // Избранные труды К. Хорни и Э. Фромма. М., 1995. С. 142–146.

ди вообще либо какая-то их социальная группа. Так, нацисты преследовали евреев, а большевики — контрреволюционеров и антисоветчиков, бандиты — тех, кого они посчитали богаче и счастливее себя. Подобные ненавистники опаснее всех других, даже тех, которые измываются, даже очень жестоко, над одним человеком.

Фромм указывал на то, что человек садистского типа не хочет губить человека, к которому привязан, но так как он не может жить собственной жизнью, то должен использовать партнера для симбиотического существования⁴¹. Вообще, Фромм принадлежит к числу тех мыслителей, которые внесли наиболее существенный вклад в разработку теории садизма и некрофилии.

Фромм считал, что «сердцевину садизма, которая присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытывать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, — это проявление абсолютно-го господства... Тот, кто владеет каким-либо живым существом, превращает его в свою вещь, свое имущество, а сам становится его господином, повелителем, его Богом... Садизм — это злокачественное образование. Абсолютное обладание живым человеком не дает ему нормально развиваться, делает из него калеку, инвалида, душит его личность... В большинстве общественных систем представители даже самых низших ступеней социальной лестницы имеют возможность властвовать над более слабым.

У каждого в распоряжении есть дети, жены, собаки; всегда есть беззащитные существа: заключенные, бедные обитатели больниц (особенно душевнобольные), школьники и мелкие чиновники»⁴².

Кроме них существуют еще представители национальных и религиозных меньшинств, которые тоже могут стать объектом издевательств и притеснений, а иногда и убийств.

⁴¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 53.

⁴² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 251–252.

Садистическое отношение к ним имеет распространение, особенно в тех странах, в которых демократия не развита.

В любом случае садизм порицаем, а в некоторых наиболее жестоких своих проявлениях — уголовно наказуем. В обыденных своих проявлениях он создает лишь иллюзию всемогущества, но когда садист захватывает власть над малой территорией, а тем более высшую государственную власть, это уже не иллюзия, а зловещая (и преступная) реальность, здесь возможность творить зло поистине безгранична. Фромм, несомненно, прав, что все садисты — это духовные уроды. Такими были Калигула и другие фигуры из бесконечного ряда садистских личностей, такими же являются в том числе домашние и чиновные тираны, бандиты и некоторые категории убийц, получающие наслаждение от преследований и унижений других людей.

Было бы опасным упрощением, если всех людей делить только на две группы: садистские дьяволы и несадистские святые. Все дело в интенсивности садистских наклонностей, в структуре характера каждого индивида. Есть много людей, в характере которых можно найти садистские элементы, но которые в результате других жизнеутверждающих тенденций остаются уравновешенными; таких людей нельзя считать садистами. Нередко внутренний конфликт между обеими ориентациями приводит к особенно острому неприятию садизма, к формированию «аллергической» установки против любых видов унижения и насилия. Существуют и другие типы садистического характера. Например, люди, у которых садистические наклонности так или иначе уравновешиваются противоположными влечениями; они, может быть, получают определенное удовольствие от власти над слабым существом, но при этом они не станут принимать участия в настоящей пытке.

У лиц, полностью захваченных садистской агрессией, нет никакой морали, есть лишь правила жизни, обеспечивающие достижение их целей. Садист отличается полным отрицанием морали, у него есть некие побуждения, вроде бы он знает, что должен делать, но даже не подозревает, ради чего и что таким путем достигнет, к чему это приведет. Он отвечает только перед самим собой, другие для него существуют лишь постольку, поскольку они способны удовлетворить его агрессивные стремления, способствовать их реализации либо, наоборот, препят-

ствовать им. Садист издевается над ценностями других людей и вообще над моралью, являясь самым циничным и активным ее «отрицателем».

В каком состоянии находится общество для него, на первый взгляд, вроде бы безразлично, но на самом деле это далеко не так. Ему нужны хаос и беспорядок, и особенно такая атмосфера, когда, казалось бы, незывлемые всегда ценности и нормы решительно отброшены, декларируется новая нравственность. Поэтому для него так любимы революции, перевороты, катастрофы и войны, а также криминализация общества; именно тогда садист в полной мере проявляет свои агрессивность и жестокость, в застенках ли или в концлагере, в разбоях ли или в убийствах. Садизм — это особое состояние личности, управляющее ею. Для садиста все другие живые существа есть лишь вещи, находящиеся в полном его подчинении, либо такие, над которыми он хотел бы властвовать.

Для понимания садизма и всех связанных с ним других явлений нам очень важно отличать садизм от некрофилии. Садист хочет оставаться хозяином жизни и поэтому для него может быть важно, чтобы его жертва оставалась живой. Как раз это отличает его от некрофилов, которые стремятся уничтожить свою жертву, растоптать саму жизнь, садист же стремится испытать чувство своего превосходства над жизнью, которая зависит от него. Некрофилию в характерологическом смысле Фромм определял как страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения, а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому — это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей.

Некрофил ощущает в смерти, чужой и даже своей, решение актуальных для него проблем, а поэтому она становится для него лишь способом, лишаясь нравственного содержания. Некрофилия, если видеть в ней только влечение к мертвому, особый интерес к ней, вполне может быть доброкачественной. Я имею в виду патологоанатомов, служителей моргов, чья деятельность заслуживает социального одобрения.

Термин «некрофилия» в научный оборот ввел, как указывалось выше, Крафт-Эбинг. Им же приводится взятый из литературы красноречивый случай смещенной, почти символической некрофилии. Его описал Таксиль: некий прелат по временам являлся в Париж в дом терпимости и заказывал себе проститутку, которая должна была ложиться на парадную постель, изображая труп; для довершения сходства он заставлял ее сильно набелиться. Какое-то время в комнате, превращенной в покойницкую, он, облачившись в траурную одежду, совершал печальный обряд, читал отходную, затем совокуплялся с молодой женщиной, которая все это время должна была изображать усопшую.

В качестве широкого социального понятия некрофилия впервые была названа выдающимся испанским философом и писателем Мигелем де Унамуно в его выступлении против генерала Миллана Астрыя в 1936 г. Фромм окончательно закрепил его в своей «Анатомии человеческой деструктивности», особенно в блестящем анализе личности Гитлера. Вместе с тем некоторые элементы его позиции относительно некрофилии вызывают сомнение. Я имею в виду отстаиваемое им отличие садизма от некрофилии, хотя и согласен с тем, что садист заинтересован в сохранении жизни мучимого им человека, но только в некоторых случаях. Итак, садизм есть причинение страданий ради получения удовольствия. При совершении корыстных преступлений также могут причиняться страдания, выступая в качестве способа достижения желаемого результата, но обязательно должен быть умысел относительно страдания. Если умысла нет, то садизм исключается.

Таким образом, садизм имеет большое значение для уголовного закона и его применения. Уголовный кодекс России в качестве квалифицирующего обстоятельства предусматривает совершение убийства, умышленного причинения тяжкого и среднего вреда здоровью с особой жестокостью. Особая жестокость, по мнению отечественных исследователей, представляет собой причинение чрезмерных страданий потерпевшему. Садизм может иметь место при истязаниях и нанесении побоев, клевете и оскорблениях, публичном надругательстве над телами умерших и местами их захоронения, жестоким обращении с животными. Не исключен садизм при совершении краж, гра-

бежей и разбоев, если при этом намеренно похищаются предметы, имеющие особое значение для потерпевшего как память об усопшем близком или значимой дате в его жизни.

Садизм и некрофилия неискоренимы. Они были и будут всегда, но их масштабы, пораженность им общества всегда будет меньше, даже значительно меньше при демократическом строе, безусловном уважении прав, свобод, чести и достоинства личности, взаимном доверии между людьми, высоком уровне культуры, уверенности в том, что они непременно будут защищены законом, государством, общественными организациями и всегда смогут найти правду в суде.

Садизм и некрофилия имеют криминологическое значение и должны использоваться для объяснения причин насильственных преступлений. В свою очередь и садизм, и некрофилия нуждаются в объяснении, поскольку начинают проявляться в поведении человека отнюдь не случайно. Важно отметить, что эти личностные особенности выходят на передний план при соответствующих социальных условиях: и как массовое явление, и как отдельные проявления в жизни человека, который таким образом реагирует на свои провалы и неудачи либо пытается утвердиться, в том числе в своих собственных глазах. Множественные убийства чаще совершают садонекрофилы.

Можно говорить о некросадизме, когда некрофил не только убивает, решая с помощью этого свои проблемы (любого уровня), но и получает удовлетворение от убийства. Для этого совсем необязательно пытаться жертву, можно вообще не видеть ее гибель, но само знание того, что некто погиб по твоему указанию или по твоей просьбе, в результате твоих интриг и т.д., приносит удовлетворение. Сталин и Гитлер не видели, как убивают людей по их указаниям, но тем не менее испытывали удовлетворение от того, что так происходит.

Известно, что Сталин иногда сам давал указания, какой вид пыток применять. Его личным оружием был, главным образом, психологический садизм: он уверял жертву, что ей ничто не грозит, а затем через один-два дня приказывал этого человека арестовать. Сталин получал садистское удовольствие от того, что когда он заверял свою жертву в своей благосклонности, он уже совершенно точно знал, какие муки ей уготова-

ны. Особенно изощренная форма садизма состояла в том, что у Сталина была привычка арестовывать жен, а иногда и детей, высших советских и партийных работников и затем отсылать их в трудовые лагеря, мужья в это же время продолжали ходить на работу и раболепствовать перед ним.

Э. Крепелин к числу некрофильских проявлений относит такой, например, случай, когда мужчина при половом акте стремился вырвать у девушки зубами кусок мяса — потом он это осуществил на самом деле. Другой приведенный им случай такой: мужчина выкапывал мертвецов, целовал гениталии женских трупов и даже унес один труп к себе, чтобы осквернить его, так как живые не желали иметь с ним дело⁴³.

Все некрофильские проявления можно четко разделить на две группы: вступление в сексуальные контакты с уже мертвым человеком (чаще — с женщиной) и убийство в этих же целях либо получение сексуального удовлетворения в процессе самого убийства, агонии жертвы, расчленения трупа, вырезания внутренностей, съедения отдельных кусков тела и т.д. Во втором случае потерпевшими выступают не только женщины, но и мужчины — несовершеннолетние обоего пола.

Вслед за Крафт-Эбингом некрофилией вначале называли сексуальные посягательства на тех, кто умер не от рук некрофилов, большинство из которых — психически больные люди. Данную парафилию (извращение) можно назвать сексуальной некрофилией, другой же ее вид отличается от нее, иногда резко. Его можно назвать социальной некрофилией.

Нет нужды доказывать, что некрофилы, даже если они невменяемы, представляют собой исключительную опасность. Она определяется главным образом тем, что совершаются ужаснейшие, выходящие за пределы всего мыслимого, злодеяния, и как правило с особой жестокостью. Если же брать все такие парафильные сексуальные деяния, то они еще и грубо подрывают наши представления о живых и мертвых, об отношении к усопшим, к вечному таинству смерти и, разумеется, о контактах между полами. В сексуальной некрофилии наиболее очевидно и ярко проявляются некрофильские тенденции —

⁴³ Крепелин Э. Учебник психиатрии для врачей и студентов. Мюнхен, 1909. С. 277–278.

влечение к трупам, к разлагающемуся, к тому, что противоположно жизни, что вызывает страх и трепет у большинства людей, при некрофильском убийстве — разрушение живого.

Сексопатологи обычно исходят из того, что главную роль в формировании «истинной» некрофилии играет психопатологическая почва, именно она способствует закреплению в личности патологического влечения и его реализации. Названный вид некрофилии чаще встречается у психически больных с выраженным слабоумием или эндогенным процессом, а также в рамках «ядерной» психопатии. Отмечается также, что у больных эпилепсией при грубом интеллектуальном снижении встречаются случаи некрофилии, которые обычно становятся объектом психиатрической экспертизы. Возможно, что в формировании этого извращения некоторое значение имеет и садизм, что дает возможность достичь абсолютного господства над трупом и осуществить любые манипуляции с ним, в том числе унижающие, как если бы это был живой человек. В ряде случаев в половые сношения с трупами вступают люди, у которых крайне затруднены обычные контакты с женщинами и которые много раз терпели поражения в своих попытках добиться у них взаимности. Но даже тогда некрофилия обычно развивается на фоне того или иного расстройства психической деятельности. Вообще, эта парафилия, как и многие другие личностные свойства и тенденции (например, агрессивность), носит нейтральный характер и может реализовываться как в уголовно наказуемых, так и в социально полезных формах. Вполне допустимо предположить, что некрофильские влечения могут быть у некоторых патологоанатомов и служителей моргов, но они остаются лишь на психологическом уровне, никогда не выражаются в поведении и носят полностью бессознательный характер. Нет нужды доказывать, что такие лица заняты общественно полезной деятельностью.

Конечно, в совершении некрофильских сексуальных актов большое значение имеет то, что возможность удовлетворения сексуальной потребности индивида заблокирована и что он страдает расстройствами психической деятельности. Тем не менее если ограничиваться учетом только этих обстоятельств, то остаются все-таки не до конца ясными причины таких действий, т.е. приведенные соображения не представляются исчерпывающими в качестве причин сексуальной некрофилии.

Во-первых, сами по себе психические аномалии и психические болезни полностью не объясняют любое поведение. Во-вторых, почему и каким образом без остатка преодолеваются естественная неприязнь, даже отвращение и страх перед мертвым телом, которое, напротив, становится объектом любовных ласк и вызывает сильное сексуальное возбуждение. Осуждение окружающих и угроза уголовного наказания за подобные поступки по сравнению с указанными психологическими барьерами, которые легко преодолеваются, выглядят несущественными. В-третьих, почему невозможность удовлетворения актуальной физиологической сексуальной потребности приводит к некрофильским посягательствам, а не к какому-либо иному поведению, например к мастурбации или совершению изнасилования. Даже такое тяжкое преступление, как изнасилование, по сравнению с сексуальной некрофилией представляется несравненно человеческим и понятным.

Ответы на поставленные вопросы можно найти только в том случае, если опираться на тот несомненный факт, что лица с анализируемой сексуальной парафилией являются некрофильскими личностями. Их влечет сама смерть, они не ощущают в ней ничего страшного, она им эмоционально близка и понятна. Именно этот фундаментальный фактор определяет их отношение к себе, к окружающим, ко всему миру, поэтому даже сексуальная потребность, реализация которой является главным источником жизни, удовлетворяется на мертвых. Иными словами, это люди смерти, а не жизни, и по этой причине мертвое женское тело для них столь же желанно, как для нормального человека – живое.

Как бы ни были опасны случаи сексуальной некрофилии, даже те, когда совершается убийство для получения полового удовлетворения, какой бы гнев они ни вызывали, все-таки подобных фактов мало. В этом смысле (только в этом) сексуальная некрофилия не идет ни в какое сравнение с асексуальной, социальной, масштабы которой неизмеримо шире. На все жизненные проблемы некрофил всегда, в принципе, отвечает разрушением и никогда не действует созидательно, осторожно, бережно. В общении он обычно проявляет холодность, чопорность, отчужденность, реальным для него является прошлое, а не настоящее. У такого человека специфическое вы-

ражение лица — неподвижное, маловыразительное, каменное, он обычно не способен смеяться. Наиболее употребимыми в некрофильском лексиконе являются слова, имеющие отношение к разрушению или же к испражнениям и нечистотам. Некрофильские личности преклоняются перед техникой, перед всем механическим, предпочитая живой природе и живым людям их изображения, отрицая все натуральное⁴⁴.

Как мы видели, Фромм имеет в виду не только и даже не столько некрофильские поступки, сколько некрофильский характер, соответствующую личность, которая может реализовать в поведении заложенные в ней тенденции. Наверное, не у каждого человека, склонного к разрушению и ко всему мертвому, имеется полный набор перечисленных качеств, достаточно, чтобы в нем присутствовали наиболее важные из них. Точно так же далеко не каждый душегуб всегда движим ненавистью к своим жертвам. Фромм в этой связи приводит более чем красноречивый пример с фашистским преступником Эйхманом. Он пишет, что Эйхман был очарован бюрократическим порядком и всем мертвым. Его высшими ценностями были повиновение и упорядоченное функционирование организации. Он транспортировал евреев так же, как транспортировал уголь, и едва ли воспринимал, что речь в данном случае идет о живых существах. Поэтому вопрос, ненавидел ли он свои жертвы, не имеет значения. Такими же убийцами без страсти были и многие начальники фашистских и большевистских концлагерей, которые делали то, что «поручала им партия». Конечно, среди подобных «служителей смерти» были и есть садисты, которые наслаждаются мучениями жертв и относятся к тому же племени некрофилов.

5.2. Несексуальный садизм и некрофилия

Фромм на примере Гитлера блестяще доказал наличие некрофильских личностей и некрофильского характера. Совершенно очевидно, что такой личностью может быть не только убийца,

⁴⁴ Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992. С. 10–36.

стреляющий по толпе, но многие преступные правители, которые организуют разрушения и уничтожение людей. Подобно Гитлеру, некрофилом был и Сталин. Он неизменно тяготел к смерти, ко всему гибнущему, разлагающемуся, активнейшим образом разрушал и уничтожал, отчего испытывал величайшее удовлетворение.

Однако вернемся на другой уровень — «обыкновенных» убийц, насильников, поджигателей, террористов, киллеров. Конечно, далеко не каждый убийца или поджигатель может быть отнесен к некрофильским личностям. Среди убийц немало тех, кто совершил преступление в состоянии сильного переживания, из мести или ненависти к другому человеку, под давлением соучастников или иных сложных обстоятельств своей жизни и при этом горько сожалел о случившемся. Некрофил же — это человек, который все проблемы склонен решать только путем насилия и разрушения, которому доставляет наслаждение мучить и заставлять страдать, — одним словом, тот, кто не может существовать, не превращая живое в неживое.

Я думаю, что среди насильственных преступников достаточно много некрофилов и к их числу в первую очередь надо отнести тех, кто не видит никакого иного выхода из своей жизненной ситуации, кроме убийства и разрушения, кто постоянно прибегает к ним, даже невзирая на то, что уже наказывался за это, кто убивает многих людей. Конечно, убийца детей является некрофилом — это преступление против самой жизни, а тот, кто его совершает, недостоен жить. Я имею в виду и тех мерзавцев, которые зарезали детей в станице Кушевская Краснодарского края.

Специальный рецидив насильственных преступлений весьма показателен, особенно если в их цепи присутствует убийство. Если же говорить об уровнях некрофильности, то наивысший из них будет представлен теми, кто убивает детей или совершенно незнакомых людей, с которыми не сводят личных счетов и к которым не могут испытывать ненависти или вражды (например, стреляя по толпе или убивая при разбое случайного прохожего), наемными убийцами, которым все равно, кого убивать, лишь бы за это платили и была удовлетворена их жажда разрушения, наемниками-авантюристами в войнах и межнациональных конфликтах, политическими и религиозными

террористами, среди которых много фанатиков. Разумеется, это не полный перечень некрофилов-убийц.

При определении некрофилии не имеет значения из-за чего совершается убийство: для удовлетворения половой страсти или ради иных целей. Главное в том, что субъект прибегает к причинению смерти для решения своих внутренних проблем. В определенном смысле даже самоубийцу можно считать некрофилом, если он только в лишении себя жизни видит выход из сложившейся ситуации. В принципе, для определения наличия некрофилии неважно, одно ли совершено убийство или несколько, главное в том, что именно в лишении жизни другого преступник видит единственный путь. Основные формы некрофилии – сексуальную и социальную – можно обнаружить в действиях одного человека, но такое бывает сравнительно редко. Разумеется, эти формы смешивать нельзя, тем более что они разительно отличаются друг от друга, так же как и личности их носителей.

Я буду руководствоваться мыслью, что некрофильской может быть не только отдельная личность, но и группа людей, даже отдельные регионы страны, где процветает насилие, и отдельные эпохи в жизни того или иного общества, т.е. буду исходить из значительно более широкого понимания некрофилии, чем это делалось до сих пор. Некрофильской эпохой я признаю ту, где смерть (и угроза ее применения) становится основным регулятором отношений людей и управляет жизнью страны, когда смерть выступает в качестве основного способа реализации идей и решения возникающих проблем. Некрофильскими эпохами в первую очередь являются германский нацизм и советский большевизм. Следовательно, в понятие некрофилии я намерен ввести весьма обширный социальный компонент, хотя и разделяю мнение К.Г. Юнга о том, что причиной кровавого тоталитаризма, понимаемого мною и как вид некрофилии, выступают факторы психического порядка, точнее – социально-психологического.

Не у всех народов некрофильская эпоха связана с тоталитаризмом, а часто с высоким уровнем их духовных исканий, как, например, у древних египтян. Они, по мнению Г. Лебона, презирали жизнь и лелеяли мысль о смерти. Более всего их занимала неподвижная мумия, которая своими покрытыми эмалью

глазами, в золотой маске, в глубине своего темного жилища вечно созерцает таинственные иероглифы. Не опасаясь никакой профанации в своем гробовом доме, огромном, как дворец, среди расписанных и покрытых изваяниями стен бесконечных коридоров, эти мумии находили здесь все, что прельщало человека в течение его короткого земного существования. Для них копались подземелья, воздвигались обелиски, пилоны, пирамиды, для них обтесывались задумчивые колоссы, сидящие с выражением спокойствия и величия на своих каменных тронах⁴⁵.

Опираясь на фрейдовскую теорию Эроса и Танатоса, французский философ и психолог Ж. Дёлез приходит к мысли, что ни тот ни другой не могут быть даны или пережиты. В опыте представлены лишь те или иные сочетания этих двух начал, и роль Эроса в данном случае в том, чтобы связывать энергию Танатоса и подчинять эти сочетания принципу удовольствия. Вот почему, несмотря на то что Эрос представлен не в большей степени, чем Танатос, он, по крайней мере, дает себя услышать, и он действует. А Танатос по сути своей безмолвен и тем более страшен⁴⁶. Танатос, конечно, страшен, но, по-моему, небезмолвен — он властно заявляет о себе во всех сферах бытия, мы же не всегда способны услышать его шепот и прочесть его письма. Эрос связывает энергию Танатоса в той же мере, в какой Танатос связывает энергию Эроса, т.е. они находятся в равновесии, однако судьба человека не состоит в лихорадочном метании между ними и, конечно, не в рабстве у Танатоса. Современные поклонники де Сада (а их сейчас очень много, Дёлез в том числе), видимо, получают интеллектуальное удовольствие от похвалы в адрес своего кумира и эпатирования общества, не отдавая себе отчета в том, что такое их поведение есть не что иное, как поклонение Танатосу.

Множественные некрофильские убийцы психологически принадлежат разным мирам, т.е. жизни и небытию; вхождение в последнее ими предощущается, но относительно редко становится предметом осознанного эмоционального пережи-

⁴⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 89–90.

⁴⁶ Дёлез Ж. Представление Захер-Мазоха // Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. М., 1992. С. 195–200.

вания или рассуждения. Поскольку такие люди одновременно пребывают в различных мирах, они любого человека могут переправить (передать, направить, перенести) в небытие, как в ту сферу, которая ему тоже психологически близка, причем несравненно ближе, чем другим индивидам. Поэтому убийство не вызывает у некрофила того комплекса негативных чувств и эмоций, которые при таких же обстоятельствах немедленно и неизменно появляются у обычных, т.е. нормальных людей, а также у убийц-некрофилов. Отсюда практически абсолютное отсутствие раскаяния и покаяния у таких преступников, искреннее непонимание ими того, что они в чем-то виноваты. Однако нельзя отрицать, что определенную сумму социальных норм они усвоили и поэтому понимают, что за убийства будут преследоваться, в силу чего предпринимают необходимые, по их мнению, меры, чтобы избежать ответственности. Это обеспечивает им безнаказанность и возможность убивать еще очень долго, иногда годы.

Если сексуальным преступникам убийство приносит сексуальное удовлетворение и торжество над их извечным врагом – женщиной, то разбойники и бандиты часто убивают не только для завладения ценностями, но и для самоутверждения и получения полной власти над жертвой, а некрофилы убивают только ради самого убийства. Иными словами, внутри самой группы некрофильских убийц можно обнаружить такое различие. Для представителей второй подгруппы лишение жизни есть смысл и цель их жизни; у представителей первой данный мотив переплетается с сексуальными, корыстными и иными стимулами. Мне приходилось наблюдать, как привлеченных к уголовной ответственности за многие убийства некрофилов охватывало полное безразличие, апатия, они теряли интерес даже к самим себе и своей жизни и пассивно ожидали свершения своей судьбы. Это совсем нехарактерно для ненекрофильских убийц, которые обычно весьма активны в своей защите. Создается впечатление, что некрофил выполнил свое предназначение на земле и жизнь теряет для него всякий смысл.

Сказанное не означает, что после взятия под стражу такие некрофильские убийцы больше не представляют общественной опасности. Цикл апатии у многих из них

может смениться периодом преступной некрофильской активности — в исправительном учреждении или после отбытия наказания.

После того как некрофильский человек начинает убивать, появляются новые, но подготовленные всем предыдущим развитием образы себя. На пороге перед первым убийством, он, возможно, очень нуждался в приятии и понимании, но остался в одиночестве. Как можно было наблюдать в жизни практически всех лиц, совершивших несколько убийств не одновременно, а «растянуто» по времени (с интервалом от нескольких недель до многих месяцев), и тех убийц, которые вообще часто прибегали к насилию, у них происходило постепенное переключение внимания от общественной реальности к гораздо более напряженной реальности их внутренней жизни. Последняя становилась не только исключительно напряженной, но все более изолированной. В этой внутренней жизни весьма активными оказались переживания смерти и рождения — именно так следует трактовать упоминаемые в рассказах многих обследованных темы, связанные с матерью, рождением, даже внутриутробным существованием, т.е. темы Начала. Случайность здесь исключена, в поисках Начала можно видеть абсолютно бессознательную потребность всеобъемлющего обновления в силу полного и травмирующего неудовлетворения своим состоянием. В этих поисках следует различать и более крупные измерения — к прошлому Вселенной и первозданному хаосу, который предшествовал созданию мира. В последнем варианте прослеживается выход или, точнее, попытка выхода за пределы своей личности.

Сами убийства, совершаемые с легкостью и без сожаления, можно расценить как насаждение хаоса и попытку возврата в первоначальное — в неживое. Возможно и иное толкование: убийства как приведение явлений и процессов в упорядоченное состояние, разложение наиболее важных вещей по своим местам, установление справедливости и обеспечение более разумного устройства общественной жизни, взятие на себя мессианских функций, реформа религии и т.д. Но можно предположить, что все это только первый уровень бессознательной активности, а еще глубже — возвращение по архитипическим механизмам к первозданному хаосу.

Некрофил практически не умеет смеяться, считал Фромм, его лицо как маска. Ему недоступен нормальный, свободный, облегчающий душу смех, его улыбка вымучена, безжизненна, она похожа скорее на брезгливую гримасу. Я не сомневаюсь, что такой вывод опирается на какие-то наблюдения. Однако согласиться с ним не могу: есть множество свидетельств того, что Гитлер и Сталин, когда хотели, могли смеяться и улыбаться; некрофилы, с которыми я общался, тоже не были лишены этого дара.

В целом я полагаю, что предложенные Фроммом отличительные признаки некрофильского характера (некрофильской личности) не относятся к числу обязательных, т.е. они могут быть, а могут не быть у определенного лица. Я считаю, что главным и обязательным признаком несексуальной некрофилии является стремление к уничтожению людей, реализуемая в поведении тенденция решать свои проблемы путем уничтожения другого. Это некрофилия в узком и негативном смысле, в широком — вообще влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, причем в последнем случае подобное влечение вполне может быть доброкачественным и похвальным, если, например, человек работает в морге. Можно предположить, что у некоторых людей, склонных к попаданию в жесткую зависимость от ситуации и собственных переживаний, доброкачественная некрофилия может перейти в злокачественную.

Кровь как представитель и символ смерти постоянно востребуется некрофильскими людьми. Она проливается из мести, ревности, зависти, для наказания, для завладения материальными и духовными благами, захвата, укрепления и скрепления власти или организации, ради жертвоприношения в надежде получить особые блага. Она символизирует власть и право сильного, она должна укреплять власть, даже на символическом уровне (так, африканские царьки хоронили своих врагов вблизи трона или прямо под ним) и т.д. Как будет показано в настоящей книге, кровь нужна и для поддержания постоянной связи с иным миром, небытием — и в этом может быть скрытый смысл некоторой категории убийств — некрофильских. Остановимся на том, что кровью, смертью скрепляют организацию, общину, этническую группу.

Э. Канетти приводит весьма впечатляющий пример.

Самый воинственный народ во всей Южной Америке — живарос из Эквадора. Для них не существует естественной смерти: если человек умирает, значит, враг заколдовал его издали. Тогда на долю близких родственников выпадает задача выяснить, кто ответствен за смерть, и отомстить колдуну. Каждая смерть является, следовательно, убийством, а за убийство можно мстить только другим убийством. Но поскольку смертоносное колдовство производилось на большом расстоянии, кровная месть, обязательная для родственников, возможна лишь в том случае, если они сумеют отыскать врага. Поэтому живарос ищут друг друга, чтобы мстить, и поэтому кровную месть можно считать формой социальной связи.

Некрофильские периоды заметны в истории разных стран, например СССР периода Ленина—Сталина, Китай при Мао Цзе Дуне, Кампучии Пол Пота.

Можно ли считать некрофилом лицо, причинившее тяжкий или иной вред здоровью? Я думаю, что о таком преступнике, как некрофил, можно говорить в том случае, если доказано наличие некрофилии у данного человека. Некрофилия может означать влечение не только к смерти, но и к нанесению увечий, опасных для жизни. Однако не все так просто и однозначно: некрофил может совершать не некрофильские действия — преступные и не преступные; некрофилия как особенность человека способна порождать не только убийства, но и другие, не столь однозначные формы поведения, в том числе правопослушание. Однако и они при внимательном и глубоком анализе окажутся отмеченными каиновой печатью влечения к смерти.

Сказанное не означает, что убийца отличается какими-то особыми врожденными качествами, в том смысле, что он самой природой запрограммирован на насильственное лишение жизни другого, что человек с садистскими чертами характера обязательно совершит садистское же преступление.

Краткое эссе Ф. Ницше «Жестокие люди как отсталые» — не только беллетристика, свободные упражнения ума, но в нем есть и наука, тонкие наблюдения, имеющие криминологическое значение. Ницше пишет, что люди, которые теперь жестоки, должны рассматриваться как сохранившиеся ступени прежних культур; горный хребет человечества обнаруживает здесь более глубокие наслоения, которые в других случаях остаются

скрытыми. У остальных людей мозг, благодаря всевозможным случайностям в ходе наследования, не получил, считал Ницше, достаточно тонкого и многостороннего развития. Они показывают нам, чем мы все были, и пугают нас; но сами они столь же малоответственные, как кусок гранита за то, что он гранит. В нашем мозге должны находиться рубцы и извилины, которые соответствуют такому душевному складу — подобно тому, как в форме отдельных человеческих органов, говорят, содержатся следы, напоминающие условия жизни рыб.

Я далек от мысли, что только садизмом и некрофилией можно объяснить множественные убийства, да и убийства в целом. Например, глубоко оскорбленный человек в состоянии аффекта способен убить своих обидчиков, о чем может потом искренне сожалеть. Это заставляет в каждом конкретном случае искать мотивы поведения.

Для иллюстрации особенностей некрофильской личности приведу следующие примеры.

Пример 1. Лепнев, восемнадцати лет, ранее не привлекался к уголовной ответственности, обвинялся в том, что 9 марта 1997 г., закончив дежурство по Высшему военному училищу в г. Камышине, расстрелял там из автомата командира взвода и пятерых слушателей, еще одному слушателю причинил тяжелый вред здоровью. После этого со своим приятелем, тоже слушателем, скрылся с оружием в лесу, из которого они в тот же день вышли, вернулись в город и пришли в дом к своей знакомой, где через несколько часов были задержаны. Доказывание вины Лепнева не представляло сложности, сам он неизменно признавал себя виновным. Значительно труднее было установить мотивы преступных действий убийцы и наличие у него расстройств психической деятельности.

На мой взгляд, Лепнев является некрофильской личностью, и убийство шести человек совершено им в силу влечения к смерти. К этому выводу меня приводят следующие соображения.

Во-первых, Лепнев постоянно стремился куда-то уйти, выйти из систематически переживаемых психотравмирующих ситуаций, каковыми становились практически все обстоятельства его жизни. Не было ни одной их совокупности, которые не вызывали бы у него тяжкие переживания.

► Как только возникали трудности в родительской семье, он тут же уходил из дома. Правда, сам Лепнев описывает отношения в ней в сугубо идиллических тонах, т.е. как отношения любви, понимания и поддержки между родителями, его старшим братом и им, там не было никаких ссор и конфликтов... Между тем эти пасторали вызывают серьезные сомнения и доказывают стремление Лепнева жить не в реальном, а в вымышленном мире: 1) в беседе он проговорился, что друзей у него было мало, но и тем, кто был, он никогда не доверял то, что происходило у него в семье, так как «нельзя выносить сор из избы»; 2) на мою просьбу рассказать о самых значительных событиях детства перечислил следующие: «однажды соседка принесла клубнику, и я побежал к ней через кровать», «в детском саду была стычка с одним мальчиком, который украл у меня фантастические рисунки», «мне было 7 лет, когда я разбил голову о батарею», «помню первый звонок в школе», «помню прием в пионеры», «помню первую девушку, которая мне понравилась». Несмотря на настойчивые расспросы, испытуемый больше ничего из своего детства вспомнить не мог. Таким образом, из его рассказов родители исключены полностью, что не может быть случайностью и свидетельствует о каких-то глубоко скрытых конфликтах в семье. Они произвели на него сильное впечатление, но в силу своего травматического характера не рефлексированы.

► После окончания восьми классов Лепнев ушел в профессиональное училище, но там якобы оказалось «много пьяниц и наркоманов» и он вернулся в школу. Закончив ее, поступил в военное училище, но там тоже было плохо, и уже через полгода он стал тщательно продумывать план ухода из этого училища. Предлогом послужили якобы придирки со стороны командира взвода, которого он впоследствии убил. На самом деле никаких придирок не было – Лепневу каждый месяц объявлялась благодарность, что, конечно, невозможно без учета мнения командира взвода. Конфликт с ним лишь плод воображения убийцы, и если он хотел мстить лишь командиру, то непонятно, почему он стрелял еще в шестерых других, с которыми у него, по его же словам, были нормальные отношения.

Необходимо отметить, что Лепнев подготовил письменный план расправы и взрыва в караульном помещении, предусмотрев в нем запас продуктов для более или менее длительного пребывания в лесу, но и из леса он вскоре ушел и вернулся в Камышин. Таким образом, из училища — уход в лес, из леса — в город. Наличие же письменного плана нападения с уничтожением многих людей само по себе исключает аффект — преступление психически было тщательно подготовлено. Командир взвода был бессознательно избран в качестве предлога для уничтожения людей. Если даже допустить, что он каким-то образом преследовал Лепнева, все-таки это не дает ответ на коренной вопрос: почему для решения конфликтной проблемы было избрано убийство, да еще не одного только командира, а не какой-либо иной выход из ситуации. Ответ на данный вопрос содержит в себе разгадку очень сложной мотивации поведения Лепнева.

► После приема спиртных напитков Лепнев обычно стремился куда-то уйти, куда — объяснить не мог. Он рассказал: «Вообще мне не нравится веселье, общество. Нравится природа. Люблю к ней ходить один, без людей. Могу один просидеть час, два, три, чувствуя каждый миллиметр природы. Больше люблю уединение».

► Постоянные попытки ухода имели место не только на физическом уровне (из семьи, школы, училища, леса), но и на психологическом: 1) он с детства увлекался фантастикой (вспомним конфликт в детском саду с мальчиком, который украл у него фантастический рисунок), предпочитал другим литературным жанрам фантастику, приключения и историю, писал фантастические рассказы, некоторые из которых были опубликованы; 2) приобретал литературу по магии и мистике, увлекался колдовством и магией, сам ставил магические опыты, в том числе с пятью свечами, одна из которых олицетворяла его самого; 3) очень часто бегал во сне. Он рассказал: «Плывешь, бежишь, хочешь добежать до чего-то или убежать от чего-то, постоянно лезу на дом или в горы, на какую-то высоту. Падаешь, но умешь зацепиться. Иногда бывал очень яркий сон, краски, полдня ходишь под его влиянием. Убегаешь, но не можешь убежать, потому что двигаешься медленно. Иногда чудовище гонится за мной».

Итак, Лепнев постоянно стремился куда-то уйти, выйти из психотравмирующих ситуаций, которыми становились все обстоятельства его жизни. Преследующее его во сне чудовище можно интерпретировать и как жизнь, которая его преследует. Практически не было обстоятельств, которые не вызывали бы его фрустрацию. Так, когда девушка не захотела продолжать отношения с ним, он расценил это как катастрофу. Юношам, как известно, свойствен максимализм, и они весьма чувствительны в сфере контактов с девушками, однако Лепнев отнюдь не считал себя обойденным женским вниманием и пользовался неизменной симпатией со стороны своих подруг (сверстниц).

Во-вторых, Лепнев испытывал постоянную близость к смерти, образно говоря, одной ногой жил в ней. Отношение у него к смерти амбивалентное — страх и влечение одновременно.

► Часто думал о ней, о том, что такое загробная жизнь: «там нет ничего, нет загробной жизни, но и нет, чтобы все закончилось. Уходим в космос, на другую планету. Происходит перерождение, толчок в новое разумное существо. Если бы был шанс вернуться обратно, я бы ушел в смерть, чтобы узнать, что там». Увлечение колдовством и магией объясняется именно тем, что он хотел узнать, что такое смерть. С помощью колдовских (магических) опытов пытался «переступить грань между жизнью и смертью, чтобы потом вернуться. Главное — узнать, что за этой гранью, есть ли рай, ад и все остальное. Оккультные науки отделяли от смерти на полшага. Когда я освоил теорию оккультизма и магии, я почувствовал, что меня тянет в неизвестное — это и не смерть, а среднее между жизнью и смертью». Если буквально следовать последним словам, то его тянуло к тому, что уже не относится к жизни. О том, что тянуло в смерть, он говорит совершенно ясно («ушел бы в смерть, чтобы узнать, что там»).

► Думая о смерти, Лепнев пытался проникнуть в нее с помощью не только магии, но и самоубийства. Об этом он прямо сказал в беседе: «Думая о самоубийстве, я хотел узнать, что будет со мной после смерти». Мысли об этом у него не расходились с делом: он пять раз пытался наложить на себя руки, два из них были особенно серьезны. Первая состоялась, когда ему было 12 или 13 лет: он с помощью химических препаратов приготовил отравляющий газ, которого, по его словам, хватило

бы на «всю нашу квартиру, а не только на комнату, где я в то время был. Но в последний момент раздумал и выбросил смесь в окно». Вторая – примерно через год после первой, когда он накачал в шприц нитроглицерин, впрыснул его в конфету, а ее положил среди других конфет. Потом, как бы играя с судьбой, выбрал одну, которая оказалась как раз с нитроглицерином, и съел ее. Пошла кровь из ушей и из носа, вызвали «скорую помощь».

Последняя суицидальная попытка имела место уже после ареста и носила скорее демонстративный характер – он желал показать меру своего раскаяния.

► Связь с «потусторонним миром» Лепнев осуществлял и путем вызывания духов во время оккультного сеанса: «мне было интересно, смогу ли я вызвать духов, которые должны подчиняться мне, но я и сейчас не уверен, что это можно сделать». При проведении одного такого сеанса свеча, которая олицетворяла его самого, потухла, в то время как остальные продолжали гореть. Этот эпизод он интерпретировал как неизбежность своей скорой смерти.

► Связь его с «потусторонним миром» происходила и через некие таинственные силы. Речь идет о следующем: еще в почти детские годы, в пятом – шестом классах, примерно 5–6 раз в неделю Лепнев стал ощущать затылком чей-то взгляд. Когда он оборачивался, то иногда обнаруживал сзади знакомого, в других случаях знакомых не видел. Поясняет: «Не знаю, хотел ли что-нибудь смотрящий мне в затылок от меня или нет». Обращает на себя внимание, что ощущение, что кто-то смотрит ему в затылок, появилось в 12–13 лет, т.е. тогда же, когда предпринимались первые суицидальные действия. Вряд ли можно здесь говорить о простом совпадении, скорее, как я полагаю, это разные формы влечения и интереса к загробной жизни.

► Лепнев рассказывал, что иногда во сне видел червей, причем черви были большие, «с меня ростом, я с ними боролся». Черви, согласно Х.Э. Керлоту и К.Г. Юнгу, символизируют смерть и гниение.

► Он ощущал себя сопричастным смерти и в том смысле, что мог способствовать ее наступлению. Так, он считал, что содействовал смерти своей бабушки: в день ее кончины родители уехали на дачу, оставив на его попечение тяжелобольную ста-

рую женщину. Подойдя к ее кровати, чтобы поправить постель, он подумал: «Если может быть без мучений, пусть живет, если нет, то пусть умрет». Затем он ушел на кухню и вскоре перестал слышать стоны. Забеспокоившись (она до этого все время стонала) вернулся в комнату и обнаружил, что бабушка мертва.

Этот печальный эпизод Лепнев интерпретировал так, что его мысли вызвали ее смерть, т.е. приписал себе некоторый особый дар, умение вступать в контакт со смертью. Он вообще приписывал себе сверхъестественные способности, о чем говорил своим знакомым. Например, считал, что сможет добиться изменения поведения своих знакомых, если этого очень захочет.

► Рассказ Лепнева об убийствах, совершенных в караульном помещении училища, весьма информативен для понимания некрофильской природы этого человека. Он сначала выстрелил в командира взвода, а затем стал стрелять во все, что двигалось или шевелилось: «Я людей этих не видел, руки автоматически направлялись туда, где было движение. Так, я пошел в курилку и стал стрелять там, поскольку увидел движение двери и понял, что кто-то вошел туда». Я обращаю на этот момент особое внимание, поскольку движение есть сама жизнь, в равной мере, как и шевеление, ибо шевелиться может только живое. Он даже не знал, в кого стреляет. Он убивал жизнь.

► Лепнев писал фантастические повести и рассказы, одна повесть была даже напечатана в «Пионерской правде». В своих произведениях он описывал и убийства, которые, конечно, совершали фантастические существа и в благих целях.

Все сказанное выше позволяет мне утверждать, что мотивом убийства шестерых человек и причинение тяжкого вреда здоровью еще одного мотивировалось потребностью в причинении смерти. Этому способствовали некоторые его личностные черты. Так, психологическое изучение Лепнева показало, что ему присущи женственность, незащищенность, незрелость и инфантильность, инфантильная агрессивность, протест против женственности, связанный с чувством мужской неполноценности и попыткой компенсировать ее: он ориентирован на себя и постоянно нуждается в защите, в нем проглядывают некоторые шизоидные черты. В то же время заметны демонстративные особенности, желание быть на виду, показать себя, быть лидером.

Пример 2. Кулаков, двадцати семи лет, имеет высшее военное образование, ранее к уголовной ответственности не привлекался, был обвинен и осужден за совершение семи убийств при следующих обстоятельствах.

Он жил и работал в г. Магнитогорске, сожительствовал с Бейлиной, которая со своим сыном и матерью собиралась уехать на постоянное жительство в Израиль. Кулаков тоже намеревался уехать туда, но не получил разрешения, поскольку не являлся евреем и не был женат на еврейке (Бейлина отказалась выйти за него замуж). Вообще отношения между ними были напряженными, а в последнее время остроконфликтными из-за ее отказа связать с ним свою жизнь. Во время конфликта Кулаков схватил ее за шею и сдавил, но ей удалось вырваться и позвать родных. Родственники Бейлиной вообще боялись его. В октябре 1996 г. он приехал в г. Магнитогорск из Екатеринбурга, где в последнее время проживал с родителями, и пришел в дом родственников Бейлиной, откуда она на следующее утро должна была уехать в Израиль с сыном трех лет и матерью. С собой он принес два ножа и две газовые гранаты. После короткого разговора с Бейлиной нанес смертельные ножевые ранения ей, ее сыну и матери, двум родственницам — хозяйкам квартиры. Затем ему показалось, что в эту квартиру заглянул кто-то из соседней (данный факт не исключался, но установить точно невозможно), поэтому он вошел туда и ударами ножа или ножей убил хозяйку квартиры и ее гостя. Всего убийца нанес 118 ударов ножом (ножами) примерно за 10–15 минут. Он буквально сокрушил все живое вокруг и после убийства скрылся.

Действия Кулакова были квалифицированы как месть Бейлиной за то, что он не смог с ее помощью уехать в Израиль. Я попытаюсь доказать, что это не является действительным мотивом убийств, а ее отказ вступить с ним в брак есть не что иное, как только предлог для совершения семи убийств. Кулаков принадлежит к числу некрофильских убийц, мотивом преступлений которых выступает причинение смерти. Предлог (или повод) играет роль последней капли, мгновенно запускающей механизм тотального уничтожения всего живого. Такие, как Кулаков, совершают преступления не против личности, а против жизни. Им, собственно, все равно, что за человек ста-

новится их жертвой, главное, что он носитель жизни и уже по такой причине подлежит смерти. Именно поэтому Кулаков обладает типичными чертами некрофильских убийц: переживает особое состояние во время совершения преступления; не испытывает никакого раскаяния и жалости к своим жертвам ни во время убийств, ни после; его не мучают угрызения совести — сами убийства совершаются быстро и легко; у него есть некие таинственные спутники.

Во-первых, если бы поведение Кулакова мотивировалось лишь мстью Бейлиной, то он убил бы только ее, а не всех вокруг, в том числе трехлетнего ребенка. Времени для расправы с Бейлиной было достаточно, поскольку она отказалась выйти за него замуж накануне отъезда в Израиль.

Во-вторых, о том, что Кулаков приехал в дом, где остановилась с семьей Бейлина, только убивать, свидетельствует то, что он взял с собой два ножа и две ручные гранаты. Его объяснение, что нож он привез в подарок сыну Бейлиной, звучит смешотворно, поскольку он не мог не понимать, что трехлетнему ребенку никак не нужен нож. Но если даже допустить, что один нож предназначался мальчику, то остается непонятным, зачем нужен был второй нож и гранаты, если не для убийств.

В-третьих, обращает на себя внимание сам характер действий Кулакова: он сокрушает все живое вокруг, почти сразу же начинает убивать лишь после короткого разговора со своими будущими жертвами в квартире родственников Бейлиной. Их соседей он убивает тоже сразу, не попытавшись предварительно выяснить, действительно ли им что-то стало известно о совершенных им пяти убийствах.

Во время первых допросов убийца пояснил, что плохо помнит, как убивал, но хорошо помнит, что этому предшествовало и было потом. Подобное объяснение походило на правду, поскольку и многие другие некрофильские убийцы таким же образом описывают свои состояния — похоже, что он находился в экстазе. Экстатическое состояние предполагает временное отключение от реальности и трансперсональность — выход за пределы своей личности, смутные, размытые впечатления от пережитого; поступки совершаются как бы по некоторой заранее заложенной программе, не охватываемой сознанием или осознаваемой лишь частично.

В-четвертых, Кулаков не испытывает и не испытывал никаких угрызений совести, даже по поводу убитого им ребенка, причем и тогда, когда давал признательные показания. О том, что он и не помышляет о раскаянии, свидетельствуют еще несколько обстоятельств: после первых допросов он стал отрицать свою вину, причем защищался весьма активно и изворотливо: симулировал душевное заболевание, что также красноречиво говорит об абсолютном нежелании раскаяться в содеянном. Такое поведение есть убедительное доказательство его эмоциональной холодности и неумения идентифицироваться с другими людьми, следовательно, высокой степени его психологического отчуждения.

В-пятых, Кулаков, как показало его психологическое изучение, представляет собой весьма агрессивную личность, агрессивность которой тесно переплетается с ее высокой тревожностью, при этом последняя развивается больше под воздействием субъективных, чем внешних факторов, что в свою очередь во многом определяет его интравертированность. Агрессивность его натуры проявилась не только во множестве совершенных им убийств, но и в постоянной тяге к оружию: у него, кроме ножей и газовых гранат, были изъяты газовый пистолет, патроны, кастет. Он очень интересовался единоборствами и, по его же словам, мастерски владел ножом; перенес три травмы головы, полученные в разных конфликтных ситуациях; проявлял агрессию к Бейлиной, что и послужило одной из причин ее отказа выйти за него замуж. Все это в совокупности говорит о его постоянном ощущении опасности и готовности противостоять ей, защищая себя.

Кулаков весьма фригиден, мнимые и действительные обиды и поражения надолго застревали в его психике и детерминировали его поведение. Данное обстоятельство определило то, что в качестве повода для убийства стал отказ Бейлиной вступить с ним в брак. Это была тяжкая рана, нанесенная его высокой самооценке. Вместе с тем он достаточно инфантилен, его попытки выглядеть значительной и сильной личностью, сама манера держаться напоминают неуклюжие попытки ребенка выглядеть взрослым. Симулируя душевную болезнь, он в беседе обронил, что не может отвечать на вопросы без разрешения родителей: эта оговорка весьма показательна и демонстриру-

ет меру его психологической зависимости от отца и матери. Со своей стороны, родители сразу же взяли сына под самую активную защиту, на протяжении всего следствия и суда оказывали ему всемерную материальную и психологическую поддержку, принимали все меры, чтобы выгородить его и даже отвести от него угрозу уголовного наказания. Сам же Кулаков, человек дезадаптированный и одинокий, находил признание в основном в родительской семье, мог опираться на нее во всех своих жизненных катастрофах, более того, что очень важно, найти оправдание в ее глазах.

Дезадаптация и аутичность — характерные черты личности этого убийцы, что в сочетании с его агрессивностью, жестокостью, ригидностью, эмоциональной холодностью и отсутствием идентификации, высокой тревожностью, доходящей до страха смерти, делают его чрезвычайно опасным.

В-шестых, как и у других некрофильских преступников, у Кулакова были некие так сказать таинственные спутники, которые во многом направляли его поведение, в том числе, по его же словам, в негативную сторону.

Он рассказал: «Я встречался с мертвецами, с людьми из прошлого и будущего одновременно. Они в этом и в том мире, больше в том, но легко переходят туда-сюда. У них есть сила, но они не всегда ее проявляют. Они отводили меня от неприятностей, помогали, но и сбивали с курса, которым я шел. Мой курс был правильный. Где-то была их вина тоже. Они меня снабжали информацией, кем я окажусь: не каждый знает, кто он такой...

Мертвецы появлялись вокруг меня... они делали мне какие-то условные знаки, которые я понял позже. Знаки указывали, как вести себя. Мертвецы знали, что произойдет, что я убил. Я считаю себя человеком из другого существования... Кто-то меня постоянно сопровождает, может быть, оборотни, а также мертвецы. Мертвецы были вехами на том пути, по которому я шел. Я видел мертвецов, но есть невидимые, которые потом входят в живых».

Однако нельзя забывать, что Кулаков признан симулянтом и все его рассказы о мертвецах могут быть частью симулятивной продукции. Но и тогда ее ни в коем случае нельзя игнорировать, точнее — ее содержание. Иными словами, он не ощу-

шал рядом с собой никаких мертвецов, а попросту придумал их. Даже если его рассказы представляют собой часть симуляции, то возникает вопрос, почему в целях обмана он стал рассказывать о мертвецах, а, скажем, не о танцующих парах или мудрых старцах. Значит, в любом случае выбор именно мертвецов говорит об исключительной близости Кулакова к миру смерти, и сам он (с учетом перечисленных выше психологических особенностей и специфики поведения) может быть назван некрофильской личностью. Мотив его поведения – причинение смерти и таким способом максимальное приближение к ней, образно говоря, вхождение в нее. Действительно ли ощущал Кулаков присутствие мертвецов в качестве своих спутников или пытался лишь симулировать на эту же тему, они, естественно, остаются самым полным, наглядным и ясным символом гниения и смерти.

Пример 3. Типичным сеятелем смерти был некий Фирсов, двадцати трех лет, ранее не привлекавшийся к уголовной ответственности. Это своеобразный «рекордсмен»: в течение примерно 30 минут он одним ножом убил восьмерых, в том числе троих детей. В тот день около 24 часов он пришел к своему знакомому П. требовать возвращения долга в сумме пяти тысяч рублей. П. деньги не отдал и пытался выгнать Фирсова из своей квартиры, а поскольку последний сопротивлялся, ударил его ножом в бедро. Взбешенный Фирсов побегал к себе домой (жил он недалеко), схватил там нож и вернулся в дом П., где перерезал всю его семью и соседей. Он действовал как одержимый, на одном дыхании, не в состоянии остановиться. Он нанес П. 30 ударов, его дочери – 20, жене – 10.

Проанализируем личность и мир Фирсова. У него особое отношение к крови, она его пьянит, зачаровывает, властно влечет к себе.

► Жена Фирсова показала, что если он «случайно порежется, то любил внимательно рассматривать появившуюся кровь, становился возбужденным: часто повторял: "кровь, кровь..."», а если был в нетрезвом состоянии, то сразу менялся в лице, становился озлобленным».

► Дважды резал себе руки, после ареста много раз, даже не помнит, сколько. В беседе пояснил: «Вид крови возбуждает, появляется ненависть, агрессия, хочется большего чего-то.

В детстве видел, как резали свиней, потом помогал резать, была дрожь, чтобы быстрее резали, подставлял кружку под кровь и пил ее. Кровь пил всегда: чувствовал прилив сил, энергию, наслаждение. Часто ел сырое мясо — баранину и свинину; сырое, если поперчить, подсолить, — вкусно. Когда вспарываешь животное, очень заводит исходящий от него запах, я его вдыхал, нравились испарения. Когда уже туша разделена, то настроение портилось, потому что запаха уже не было».

► «Вид крови животных меня всегда возбуждал. Я обижался, если не мог кого-то резать и кровь теряется для меня или мне мало нальют».

► «Я часто дрался. Когда у избиваемых жертв шла кровь, я старался еще сильнее бить, от их крови у меня появлялось еще больше силы. Когда на тренировках по боксу бил грушу, то бил неистово, однажды порвал грушу и посыпались опилки. Когда бью человека, меня трудно остановить, иду до конца, пока не увижу, что он не шевелится. Иногда текли слезы, но не от боли, а от желания отомстить. Дрался два раза в неделю. Дрался и в армии — каждую неделю».

Как мы видим, для этого исключительно жестокого человека кровь — своя, недругов (избиваемых), животных — имеет особое значение. Ее роль нужно оценивать не в гастрономическом аспекте, как нечто доставляющее физиологическое наслаждение, а больше в символическом (учитывая его личность и поступки, в том числе убийства), тоже способном приводить к приливу энергии. Можно думать, что кровь для него символизирует смерть и в этом качестве завораживает его. Конечно, кровь может символизировать и жизнь, но в данном конкретном случае у этого конкретного человека — жестокого, агрессивного, всегда бьющего до крови — она олицетворяет прямо противоположное, страстно притягивая его к себе. То, что это так, говорит и тот факт, что он не только пил кровь животных, но и себе резал руки, и бил своих противников, пока те не переставали шевелиться, а вид их крови заставлял бить еще сильнее.

Любовь Фирсова к сырому мясу, в котором тоже есть кровь, носит, по-видимому, атавистический характер, заставляя предположить, что по механизмам коллективного бессознатель-

ного к нему возвратился древнейший опыт предков. Фирсова весьма привлекает агональный период убиваемых животных: «Когда вспарываешь животное, очень заводит исходящий от него запах... нравились испарения». Иными словами, он бессознательно ощущает исключительную значимость грани между жизнью и смертью, и эта грань неодолимо привлекает его к себе.

Внешне Фирсов практически полностью соответствует тому описанию некрофильского человека, которое приводит Фромм: маловыразительное лицо, спокойное, неулыбчивое. Он вязок, замкнут, но склонен к рассуждательству. О себе в беседе сказал: «Смеялся я редко, редко улыбался. Раньше, еще до ареста, хорошее настроение у меня было редко. Шутить часто не люблю». Как пояснил мне в беседе Фирсов, у него был какой-то неведомый ему непонятный спутник, которого он называл: «кто-то». Последний появился, когда Фирсову было 14 лет, и стал особенно часто навещать его, когда он оставался один. «Кто-то», как рассказал Фирсов, не был человеком, это был некий объем, состоящий не из единого целого, а из кружков, кружков в кружке; иногда он полностью обволакивал его, в других случаях — входил в него. «Поэтому я чувствовал себя в броне, не боялся даже пули. Мне было приятно, была легкая тяжесть. Я был защищен со всех сторон». «Время от времени снилось, что я убиваю. Злиться было не на что, но шел на улицу со злобой, старался не думать об убийстве, но все равно думал. "Кто-то" заставлял меня убивать».

Как мы видим, Фирсов (он признан вменяемым) склонен думать, что им управляла какая-то сила, толкавшая его на убийства. Необходимо отметить, что Фирсов совсем не отрицал своей вины и охотно, даже деловито давал пояснения практически по всем вопросам, в том числе интимным, сексуальным.

Таким образом, все, о ком говорилось выше, не испытывали ни психологического дискомфорта, ни моральных угрызений по поводу того, что ими убито много людей. В беседах с ними невольно возникало переходящее в убеждение чувство, что они все находятся по ту сторону нравственности и о моральных аспектах содеянного просто не думают и не думали никогда.

5.3. Генрих Гиммлер — классический пример некросадизма

Прежде чем изложить свои соображения относительно Гиммлера как некрофила, я должен сделать несколько предварительных замечаний.

В первую очередь отмечу, что Гиммлер является не множественным, а массовым убийцей, на нем лежит печать проклятия за убийства миллионов людей, умерщвленных с его участием и по его приказу с момента захвата власти нацистами в Германии и особенно в годы Второй мировой войны. Недаром на Западе его называли «кровавым псом Европы». Тем не менее мне трудно было устоять перед искушением исследовать некрофилию на примере столь заметной исторической фигуры. Тут же возникли сложности, обусловленные тем, что о нем можно судить лишь по некоторым воспоминаниям и книгам, в которых рассмотрены его личностные особенности и действия как человека, политического деятеля и главы всего репрессивного аппарата фашистской Германии.

Но вначале некоторые биографические сведения о Гиммлере. Он родился в 1900 г. в Мюнхене в семье профессора Гебхарда Гиммлера и был назван Генрихом в честь баварского принца Генриха Виттельсбаха, который милостиво согласился выступить в роли крестного отца. Семья будущего «пса» была типично бюргерской, патриархальной, со строгим распорядком жизни и весьма средним достатком. Внимание к ней принца Генриха объясняется тем, что Гебхард Гиммлер после окончания Мюнхенского университета был назначен наставником к принцу. Генрих Гиммлер постоянно вел дневник, в который записывал даже самые незначительные события своей жизни. Судя по дневникам, у него были частые простуды и расстройства желудка, вообще он был слаб здоровьем. Есть запись о том, что он желал пойти на фронт, но фактически был зачислен в высшее учебное заведение, где приступил к изучению сельского хозяйства. Не став сразу офицером, начал работать на ферме, хотя его привлекала военная деятельность, скорее всего потому, чтобы восполнить недостаток своей маскулинности, который им переживался всю жизнь, по большей части бессознательно, но мотивируя его поведение, в том числе преступное.

Его не приняли не только в офицеры, ему отказывают даже в приеме в качестве полноправного члена студенческой организации. Однако он очень тесно был связан с полуполюгальными военизированными организациями, участвовал в праворадикальных движениях, начал выступать с политическими статьями в газетах, пробовал себя как оратор. Очень увлекался антисемитской литературой, сам писал антисемитские статьи, но особенно важно отметить его увлечение реинкарнацией, астрологией, гипнозом, телепатией, в которых он пытается найти «рациональное зерно», связь с потусторонним миром. Его очень увлекали работы, посвященные доказательствам жизни после смерти, иначе говоря, сама проблема смерти, что полностью выдает его некрофильскую натуру, которая перешла от «теории» к ужасающей практике.

Фермерская деятельность Гиммлера продолжалась недолго из-за болезни. Он вел уединенную жизнь, вращаясь лишь в узком кругу друзей, но без искренней привязанности, стремился к дружбе с девушками, но без пылкости, а движущей силой для него являлось чувство долга. Впрочем, пылкость в нем все-таки была – в национализме и антисемитизме. У него были и терзания – на религиозной почве, но еще больше в связи с сексом: до 26 лет он, по-видимому, был девственником, что не могло не сформировать в глубинах его психики высокой тревожности по поводу своей мужской идентичности. Это он преодолевал, но без успеха, всю жизнь. Другой бедой Гиммлера тогда был недостаток денег.

С начала 20-х годов XX в. он начал интересоваться политикой; сначала сблизился с Ремом, затем с Гитлером и Герингом, в незначительной роли участвовал в мюнхенском путче 1923 г., после этого перестал работать и полностью окунулся в политику. В 1928 г. вступил в СС, был заместителем командира небольшого (около 200 человек) эсесовского отряда. В 1928 г. женился на женщине старше его на 7 лет, польского происхождения. 6 января 1929 г. Гитлер подписал приказ о назначении Гиммлера рейхфюрером СС, но расцвет этих войск начался позже, в 1931 г., когда к ним присоединились тысячи новых людей. В СС были

установлены особые правила поведения не только для эсэсовцев, но даже для их невест. В 1932 г. численность СС выросла до 30 тыс. человек. В 1934 г. Гиммлер организовал «свой» концентрационный лагерь в Дахау, а для его охраны создал отряд под названием «Мертвая голова» (особые знаки различия – череп и перекрещенные кости). В том же году он возглавил гестапо, был активнейшим участником «Ночи длинных ножей» – кровавой расправы над Ремом и его сторонниками. Теперь он стал антикатоликом и антихристианином, скорее всего подражая Гитлеру. Тем не менее Гиммлер никогда не входил в ближайший круг людей Гитлера.

Как отмечалось всеми, Гиммлер был слаб здоровьем и весьма тщедушен, хотя и истязал себя бегом, прыжками и другими физическими упражнениями даже в зените своей власти. Его желудочные хронические заболевания, вероятнее всего, были нервного происхождения и свидетельствовали о его высокой тревожности.

Гиммлер стал одним из главных, если не главным убийцей III рейха; постоянно расширял сеть концлагерей, превратил их в источники дохода; постепенно сосредоточил в своих руках всю репрессивную систему гитлеровской империи, стал палачом миллионов евреев, славян, цыган, военнопленных, противников режима и т.д. Командовал так называемой Резервной армией, но в качестве полководца потерпел полный провал. В мае 1945 г. попал в плен к американцам, где был, несмотря на небольшой маскарад, опознан и покончил жизнь самоубийством. Интересно, что несмотря на то что весь мир знал его как гнусного и злобного убийцу, «кровавый пес» надеялся, что западные державы будут вести с ним переговоры и он станет главой Германии и главнокомандующим немецкой армией. О большом уме палача это вовсе не свидетельствует. Фромм прав, когда говорит, что это свидетельствует не только о заурядном интеллекте и недостаточной способности к политическому мышлению, но также о феноменальном нарциссизме и самомнении, которые давали ему ощущение своей значительности даже в побежденной Германии.

Фромм считал его классическим случаем анально-накопительного садизма. Я же попытаюсь доказать, что этот обер-палач прежде всего был некрофилом, поскольку все свои служебные и политические проблемы, а поэтому и личные, решал с помощью массовых убийств. При этом был достаточно беспристрастен, холоден и психологически как бы отстранен от своих сверхкровавых деяний, впрочем, как и от иных своих поступков. Это очень ярко характеризует его как личность неэмоциональную, причем такая черта сочетается у него с крайним фанатизмом. Можно предположить, что его сверхжестокость существовала вне его эмоциональной жизни, миллионы его жертв ни в коем случае не становились объектом его переживаний. Он был мрачен и совсем не склонен даже к единичным проявлениям веселья, а то, что он иногда проявлял заботу о других – лишь внешняя сторона его поведения, скорее всего определяемая социальным статусом. При этом нужно отметить его полную преданность Гитлеру, подобоострашие перед ним, готовность исполнять любые его приказы. Образ «кровавого пса» будет неполным, если не отметить его чрезвычайную аккуратность и педантизм.

Я не подвергаю сомнению то, что Гиммлер был еще и садистом, но полагаю, что не садизм, а именно некрофилия является ведущей чертой его личности. Все сведения о нем, его переживаниях и поступках не могут расцениваться в качестве основы для объяснения некрофилии, а они нужны для того, чтобы понимать, почему именно гиммлеровская некрофилия приняла столь разрушительную и гнусную форму.

О садизме Фромм писал следующее: он «определяется как страсть к абсолютной и неограниченной власти над другим человеческим существом. Причинение физической боли – только одно из проявлений этой жажды абсолютной власти»⁴⁷. Представляется, однако, что это не очень точное определение садизма применительно к Гиммлеру, хотя оно приводится как раз в том разделе, в котором анализируются его анально-накопительный садизм.

⁴⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 272.

В замечательной монографии Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» содержится прямое утверждение, что именно садизм является ведущей чертой его личности, и, несомненно, эта черта у него была. Но в первую очередь Гиммлер был некрофилом, т.е. человеком, которому очень близка смерть, и с ее помощью он решает свои проблемы. В качестве доказательства можно привести текст одной из его речей 1943 г. по поводу нравственных принципов «Черного ордена». Гиммлер сказал: «Для представителя службы СС абсолютен принцип: быть честным, порядочным, верным, но все это — только в отношении чистокровных германцев. Как живут русские — мне это совершенно безразлично. Мы используем все хорошее, что есть у других народов, мы заберем, если нужно, их детей и воспитаем их так, как нужно. Живут ли другие народы в благополучии или подымают от голода — это интересует нас лишь в той мере, в какой нас интересуют рабы, работающие на благо нашей культуры. Сколько русских баб погибнет при постройке противотанковых окопов — тысяча или десять тысяч — волнует меня лишь в том смысле, что я хочу знать, когда будет готов этот противотанковый рубеж для обороны Германии. И мы никогда не проявим грубости или бессердечия, если в этом не будет необходимости».

Он и раньше поклонялся смерти и открыто говорил об этом. Так, во время встречи по поводу очередной годовщины «пивного путча» он заявил 8 ноября 1938 г. группенфюрерам СС: «Я сказал командиру штандарта "Дойчланд", что полагаю правильным, если не будет ни одного пленного эсэсовца. Он должен будет покончить с собой. Мы тоже никого не будем брать в плен. Война будущего — это не перестрелка, а столкновение народов, не на жизнь, а на смерть... Если речь идет о жизни нашего народа, мы должны быть лишены всякого сострадания. Нам должно быть безразлично, если в городе погибнут тысячи людей. Но мы должны быть готовы к тому, что погибнем сами. Если потребуется, я сделаю это сам и ожидаю от вас такого же поступка».

Это типичные речи некрофила, особенно в той части, в которой он говорит о русских женщинах, которые могут погибнуть при постройке противотанковых окопов для Германии. Но он, как садист, рационализировал свои указания, объясняя, что все это нужно для процветания Германии.

То, что Гиммлер был в первую очередь некрофил, свидетельствует и такой эпизод, если так его можно назвать. Поздним летом 1941 г. Гиммлер присутствовал при массовом расстреле в Минске и был изрядно потрясен. Он сказал: «Я считаю все-таки, что мы правильно сделали, посмотрев на это. Кто властен над жизнью и смертью, должен знать, как выглядит смерть. И в чем состоит работа тех, кто выполняет приказ о расстреле». Мы видим, что он не торжествовал по поводу массового расстрела. Но при этом (опять-таки как садист) не мог не рационализировать увиденное. Вообще садизм, на мой взгляд, намного более осознанная потребность, чем некрофилия как влечение к смерти. Об этом ни в коем случае не следует забывать и применительно к отдельным людям.

Некрофилом Гиммлером в его гигантской империи уничтожения убиваемые бессознательно воспринимались именно как люди, «передаваемые» его идолу – смерти, которой он так преданно служил. О нем много раз говорилось, что он преданный слуга Гитлера, но он в конечном счете изменил ему, пытаясь тайно договориться с западными державами, а не другому своему пастырю – смерти. Пока она сливалась воедино с Гитлером, «кровавый пес» был верен обоим, но как только Гитлер стал терять власть, ушел от него, поскольку тот уже не мог утолить его ненасытную некрофильную жажду.

Если во время массового расстрела в Минске в 1941 г. «пес» был потрясен, то в дальнейшем все творимые по его приказу зверства уже воспринимались им спокойно. Летом 1942 г. во время посещения им Аушвица (Освенцима) «он пронаблюдал весь процесс уничтожения только что прибывшего транспорта с евреями. Также он провел некоторое время, наблюдая за отбором работоспособных евреев, не делая при этом никаких замечаний. Ничего не сказал он также и о процессе уничтоже-

ния, сохраняя полное молчание. Во время процесса Гиммлер ненавязчиво наблюдал за участвующими в нем офицерами и младшими офицерами... Затем он отправился взглянуть на фабрику синтетической резины»⁴⁸.

Вечером того же дня Гиммлер на вечеринке у местного гауляйтера был дружелюбен и разговорчив, особенно по отношению к дамам. На следующий день он наблюдал порку узниц в женском лагере: пороли по обнаженным ягодицам, для чего их привязывали к деревянным помостам. Ранее он приказывал сильнее бить недисциплинированных осужденных⁴⁹. В обоих этих последних случаях проявляется садизм, во втором случае — с сексуальным подтекстом. И это же было его символической мстью всем женщинам, которые отвергали его, с которыми в юности он был неловок и неуклюж. После наблюдения за всем «процессом уничтожения только что прибывшего транспорта с евреями» он вечером был дружелюбен и разговорчив, что явно свидетельствует о хорошем настроении. В Минске Гиммлер, очевидно, еще не был готов к таким кровавым зрелищам, но потом, конечно, как и следует истинному арийцу, взял себя в руки и проявил свою холодность; здесь имело место и обретение чувства уверенности в себе.

Благодаря педантичности и любви к порядку у него появилось чувство уверенности. Авторитет отца и желание быть на него похожим привели к формированию его стремления к неограниченной власти над другими людьми. Он завидовал прежде всего тем, кто от рождения был наделен и силой, и волей, и уверенностью в себе. Его «витальная импотенция» и породила ненависть к таким людям, желание унижать и уничтожать их (это относиться и к евреям). Он был необычайно расчетлив и холоден, у него словно не было сердца, это пугало даже его самого, усиливая чувство изолированности⁵⁰. Очевидно, тот случай, когда он полностью наблюдал весь процесс убийства евреев, прибывших с новым транспортом, не испугал его,

⁴⁸ *Мэнвел Р., Франкель Г.* Генрих Гиммлер. Ростов н/Д., 2000. С. 205.

⁴⁹ Там же. С. 205.

⁵⁰ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. С. 272.

и поэтому в тот же вечер он был разборчив и любезен с дамами. Даже самые мелкие добродетели ему недоступны, он бесчестен, лжив и неверен, он вечно лгал, в том числе самому себе. Все это вызывало в нем потребность садистских компенсаций. Его спокойствие при лицезрении убийств ни в чем неповинных людей и хорошее после этого настроение не должно вызывать удивления – он ведь был некрофил, он ведь отправлял в смерть, психологически понятную, доступную, близкую.

Рейхсфюрер («кровавый пес») был садистом и некрофилом еще до того, как он занял столь высокий пост в государстве, которое в свою очередь иначе как некрофильским нельзя назвать, поскольку оно основывалось на ненависти, крови, предательстве и смерти. Оно само по себе предназначалось для убийств, а поэтому Гиммлер и подобные ему были очень нужны такому государству. Власть, которую он получил от подобного режима, позволяла ему действовать, т.е. творить смерть в неограниченных масштабах, особенно после начала Второй мировой войны. Если бы этот человек родился и жил в другое время, в ином политическом режиме, то он с его низким интеллектуальным уровнем и высокой степенью аккуратности и исполнительности, вероятнее всего, стал бы мелким или средней руки чиновником. Но остался бы садистом и некрофилом: некрофильские тенденции проявлял бы иным способом и в иных формах (например, все время бы хвалил смерть, коллекционировал ее символы и т.д.), а садистские наклонности вполне мог бы удовлетворить в отношениях с членами своей семьи или подчиненных по службе.

Среди нас, как отмечал Фромм, живут тысячи гиммлеров. При ненадлежащей социализации они, по-моему, могут приносить немалый вред, особенно своему ближайшему окружению, но очень опасны при возникновении тоталитарного режима. Они будут наносить увечья, калечить и убивать прежде всего тех, кого они фанатично ненавидят, например, как Гиммлер евреев. Их он считал раковой опухолью, опутавшей своей паразитической сетью всю национальную экономику. Этой концепцией злобного Еврея, высасывающего жизнен-

ные соки из немецкой нации, был одержим не только Гиммлер, но и очень многие другие фанатичные нацисты. Он не мог смириться с проникновением евреев в немецкую экономику и культуру со своими расовыми и политическими целями: эти две расы, два мира никогда не должны смешиваться, их нужно разделить насильно, пока не обнаружались непоправимые последствия. Именно эта одержимость в сочетании с его академическим стремлением к точности, но в гораздо большей степени некрофилия убедили Гиммлера в правильности решения другого некрофила — Гитлера — не изгнать евреев с территории Германии, что тоже было бы выходом для них, а именно уничтожить.

Керстен, личный врач Гиммлера и в последние годы очень близкий ему человек, считал, что Гиммлер был жесток не по натуре, а по убеждению. Он был якобы против охоты и называл ее просто убийством. К уничтожению людей его, по Керстену, толкнули насильно, и он взялся за эту страшную работу, поскольку считал ее единственным и к тому же окончательным решением проблемы расовой чистоты Германии, которая всегда оставалась его глубоко укоренившимся идеалом. В условиях тотальной войны Гиммлер принял геноцид как единственное решение. Мэнвэлл и Франкель, из книги которого я взял эти суждения о Гиммлере Керстена, не вступают в полемику с последним, хотя обширная литература об этом губителе Европы говорит прямо противоположное: Гиммлер был одним из самых страшных убийц в истории человечества. Он убивал не потому, что его заставляли, а потому что он хотел этого сам.

Науке неизвестно откуда и почему возникают садизм и некрофилия. Можно предположить (только предположить!), что садизм является реакцией на какие-то тяжкие душевные раны в детстве и способом защиты себя в настоящем. Некрофилия, возможно, есть не что иное, как поведение еще психологически не родившегося, еще не вошедшего в жизнь человека, оставшегося еще там, в непознанной и никому неизвестной вечности. Некрофил уже здесь, в жизни, но еще и там, в вечности, именуемой смертью. И садист, и некрофил весьма

тревожны, поскольку не адаптированы к жизни. По мнению тех же Мэнвэлла и Франкеля, Гиммлер, больше которого в Германии боялись лишь Гитлера, сам был жертвой хронических страхов.

Некрофилов и садистов в гитлеровской империи было много, но Гиммлер идеально подходил для роли главного палача. Именно в том, что он взял на себя эту роль, в первую очередь проявляется его некрофильская сущность. Он пробовал немало сфер деятельности, даже пытался стать полководцем, но либо отказывался сам, либо терпел полный крах. Наконец, Гиммлер создал гигантскую фабрику террора и уничтожения людей, постоянно контролировал и направлял ее, постоянно искал и находил новые поводы для новых казней.

В Гиммлере продолжал жить юноша, который переживал по поводу того, что так и не стал офицером и вообще по причине постоянно переживаемой недостаточности мужественности. Так, в 1929 г. А. Кребс, гамбургский национал-социалист, провел с Гиммлером во время железнодорожной поездки более шести часов. Гиммлер произвел на него впечатление, вспоминал Кребс, человека, который пытался своим поведением компенсировать некие внешние недостатки. «Он вел себя подчеркнуто браво, буквально бахвалился манерами ландскнехта и своим презрением к буржуазной морали, хотя, наверное, хотел посредством этого скрыть свою собственную слабость». Кребс подчеркивал, что для него была просто невыносима «глупая и беспредметная болтовня» Гиммлера, которую тот вел. Речи рейхсфюрера СС были «странной смесью из воинственного хвастовства, мелкобуржуазных разглагольствований и усердного фанатизма сектантского проповедника⁵¹.

«Кровавый пес» обладал неброской, как бы смазанной наружностью со слабо выраженным подбородком и совсем не походил на театрального или кинозлодея. Впрочем, такой внешностью отличались и многие другие обер-палачи, например «наши» Ягода, Ежов, Берия, причем последний, кстати,

⁵¹ *Васильченко А.* Гиммлер. Инквизитор в пенсне. М., С. 123.

тоже носил пенсне. Гимmlера не следует представлять себе ни мелким бюрократом во главе колоссальной машины массового уничтожения людей, ни полным ничтожеством. Он был поразительно изворотливым, умелым и хитрым интриганом, двуличным и в то же время убежденным нацистом и антисемитом; он знал, когда нужно предать, а когда проявлять верность; он был садистом и некрофилом в самом худшем смысле, и именно это определяло его жизнь.

Глава 6

ОСОБЫЕ СОСТОЯНИЯ МНОЖЕСТВЕННЫХ НЕКРОФИЛЬСКИХ УБИЙЦ И ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

6.1. Особые состояния множественных некрофильских убийц в свете виртуалистики и учения об аффектах

Излагаемые ниже исследовательские материалы об особых состояниях множественных некрофильских убийц получены мною в результате клинических бесед с ними. Эти материалы не поддаются какому-либо статистическому осмыслению, во всяком случае в настоящее время. Аналогичной информации у других криминологов я не находил.

Особые состояния множественных некрофильских убийц, отличающие их, можно назвать виртуальными. Я хочу сказать, что некоторые такие преступники в период, непосредственно предшествующий преступлению, во время его совершения и сразу после него находятся в особом психологическом состоянии. Эта особенность заключается в том, что в указанные отрезки времени человек выходит из данной реальности, по крайней мере частично, и оказывается в новом для себя измерении – виртуальном. При этом ни выход из настоящей действительности, тем более частичный, ни переход в новое качество чаще всего не осознаются им – я не имею в виду здесь случаи сильного алкогольного опьянения или явно болезненного расстройства, когда появляются сомнения в невменяемости субъекта. В ряде случаев субъект, преследуя разные цели, не обязательно преступные, может намеренно привести себя в такое состояние путем алкогольного или наркотического опьянения, вдыхания паров бензина, длительных очень быстрых движений и т.д.

Виртуальные явления существуют с момента появления на свет человека как одно из порождений его психики и одна из форм реализации ее глубочайшей потребности: выхода за

пределы данной ему реальности. Однако объектом самостоятельного научного психологического исследования они стали сравнительно недавно, в отличие, например, от античной и средневековой философий, для которых виртуальность была одной из центральных проблем в первую очередь потому, что в те эпохи философия была тесно переплетена с религией. Собственно говоря, богословская философия есть не что иное, как постоянное утверждение бога и других сверхъестественных персонажей в качестве виртуальной реальности. Особенно красноречивы в этом отношении мистики — чей мистический интерес основывается не на суеверии и тяге к оккультизму, а на восприятии всего сущего как чуда, дающего возможность постичь сокровенные тайны, причем это постижение не имеет границ, создавая особый мир.

Виртуальная реальность, в которой живут и действуют сверхъестественные божественные существа, обычно воплощается в мифах, в том числе религиозных. Миф раскрывает творческую активность сверхъестественных существ и обнаруживает сакральность их деяний. Благодаря этим существам человек стал таким, какой он есть: смертным, разделенным на два пола, обладающим культурой.

Опыт нашего времени показывает, что чем активнее тоталитарное мифотворчество и соответствующая ему символизация, чем упорнее прославление с помощью мифов грубой силы, тем выше некрофилизация общества. Под некрофилизацией понимают не только призывы к смерти и ее прославление, но и сеяние ее, т.е. уничтожение людей. Толкование некоторых мифов очень помогает этому, поскольку внедряет в сознание, что с помощью героев, в первую очередь вождей — этих сверхъестественных могучих существ, создан окружающий (в тоталитарном мифотворчестве — социальный) мир и его отдельные фрагменты, а человек таков, каков он есть, благодаря их сверхъестественным усилиям. Поэтому им надо подчиняться и убивать, если они потребуют. Так и происходило в годы владычества нацистов Германии и большевиков в СССР. Вожди тех и других, по ощущениям людей, которые верили в них, жили и действовали в виртуальном священном мире, а не в профанном, обыденном. Иначе бы им никто не поверил.

Имеются различные понимания виртуального. В.С. Бабенко считает, что термин «виртуальный» используется тогда, когда хотят сказать, что нечто имеет все характеристики конкретной вещи, хотя формально оно не может быть определено как эта вещь. Предполагается наличие некоторого специфического отношения типа «прообраз – образ», обозначающего порожденность одного объекта (явления) другим, обычно иной природы. Термин «виртуальный» обладает смысловой широтой – он может применяться к объектам любой субстанции. Обычно он употребляется в сочетании с другим – «реальность», который тоже достаточно широк в смысловом отношении, так как означает все существующее, охватывая как физический (объективная реальность), так и духовный (субъективная реальность) миры. Виртуальная реальность – отличный от реального мир, созданный человеком, в который можно проникнуть и существовать в нем, испытывая весь спектр ощущений, знакомых или малознакомых нам в мире настоящем.

В определениях Бабенко для нас особое значение приобретает психологическое понимание виртуальной деятельности: оно соответствует субъективистскому представлению, согласно которому виртуальная реальность – это психологический феномен образования в сознании человека некоторых пространственно-временных образов, вне зависимости от причин, их вызвавших. Тогда в круг явлений, охватываемых понятием «виртуальная реальность», входит все, связанное с психической деятельностью человека, включая такие явления, как галлюцинации, сновидения, сомнамбулизм и др., а также нормальное, образное восприятие (представления, воспоминания и т.д.)⁵².

Н.А. Носов, ведущий российский исследователь виртуализации, верно указывает на то, что современная культура сейчас вступила в очередной виток повышенного интереса к необычным явлениям человеческой психики. Этот интерес находит свое выражение в самых разных формах: от изучения и практикования различных эзотерических систем до увлече-

⁵² Бабенко В.С. Размышления о виртуальной реальности // Технология виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития. М., 1996. С. 108–110.

ния трансперсональной психологией, мистикой, астрологией и т.д., а также широкого употребления наркотиков. Наличие этого интереса, собственно, есть проявление определенной потребности.

По мнению Носова, с точки зрения виртуальной психологии смысл и суть воздействия на человека заключаются в активизации самообраза. т.е. ощущений, порождаемых психическим образом. В этом плане несущественно, каким способом человеку предлагается образ: с помощью традиционных видов искусства или экранных технологий. Важно не то, каким способом человек получил тот или иной образ, а то, как этот образ начинает функционировать в психике и какие ощущения порождать в самообразе. Самообраз, считает Носов, — это своего рода психическое табло, на котором отражаются психические события, а не те события, которые происходят вне практики человека. Если образ не порождает никаких ощущений в самообразе, то и тот объект, который породил этот образ, никак человеком не переживается. Так мы воспринимаем обыденную обстановку вокруг нас (улицы, дома и т.д.). Но иногда образ порождает ощущения в самообразе: бывает, что вдруг видишь неземную красоту обыкновенного цветка или заходящего солнца, или картины на выставке, или проходящего мимо человека. Это означает, что в самообразе возникли ощущения от образа, и эти ощущения называются виртуальными⁵³.

Нельзя не согласиться с Носовым, что в современной психологической науке произошел качественный скачок: от идеи моноонтологичности (унификации типов знаний) она перешла к признанию идеи полионтологичности (множественности и разнородности знаний). Идея полионтологичности, по Носову, исходит из того, что существует много несводимых друг к другу, т.е. онтологически самостоятельных, реальностей, например бодрствование и сон. Такой подход совершенно необходим для объяснения особых состояний некрофильских убийц и наличия сопровождающих эти состояния иных явлений. Используя некоторые категории виртуалистики, я буду

⁵³ Носов Н.А. Введение: перспективы виртуальной цивилизации // Технология виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития. М., 1996. С. 8, 11–12.

ориентироваться, в частности, на то, что: а) виртуальная реальность – это психологический феномен образования в психике человека некоторых пространственно-временных образов вне зависимости от породивших их причин; б) виртуальные ощущения есть самообраз, возникший от образа; в) связи внешнего мира и виртуальной реальности весьма сложны и многократно опосредованы. Как будет видно из дальнейшего анализа, понимание особых состояний некрофильских множественных убийц невозможно без опоры на приведенные положения.

Кроме того, необходимо учитывать следующие свойства виртуальной реальности, выделенные Носовым:

- *продолжительность* – виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней. В этом смысле ее называют искусственной, сотворенной, порожденной. Психологические виртуальные реальности порождаются психикой человека;

- *актуальность* – виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность;

- *автономность* – в виртуальной реальности свои время, пространство и законы существования. В виртуальной реальности для человека, в ней находящегося, нет внеположного прошлого и будущего;

- *интерактивность* – виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них.

Порождающая реальность называется константной; виртуальная реальность может породить виртуальную реальность следующего уровня, став относительно нее константной реальностью, и так, в принципе, до бесконечности⁵⁴.

Примерно также понимают и оценивают виртуальную реальность и другие исследователи. Например, как отмечал Л.П. Гримак, «виртуальный мир всегда является определенной частью естественно воспринимаемой психической реальности. Обычным и привычным для человека миром виртуальной реальности были иллюзорные образы, возникающие в снови-

⁵⁴ Носов Н.А. Виртуальный человек. Очерки по виртуальной психологии детства. М., 1997. С. 13.

дениях, призванные продуцировать полезный психофизиологический эффект — настраивать функциональные системы организма после пробуждения»⁵⁵.

Хотелось бы отметить, что методологию и категории виртуальности можно использовать не только для объяснения множественных убийств, но и других преступлений, требующих сильного эмоционального напряжения, при совершении которых можно наблюдать особые состояния виновных.

Я полагаю, что виртуальные состояния преступников не тождественны дереализации, которая возникает иногда при депрессиях, характеризуется тягостным переживанием утраты реальности, связи с окружающим миром и часто сочетается с деперсонализацией (деперсонализационно-дереализационный синдром). У субъекта, переходящего в другое измерение (или другое состояние), обычно не бывает никаких тягостных переживаний, поскольку, как следует из моих конкретных наблюдений, у него нет таких переживаний. Во многих случаях без усилий с его стороны он переносится в другую плоскость и не всегда способен вразумительно объяснить, благодаря чему произошел подобный переход и каковы были его переживания в момент перехода и после. Более того, что очень важно заметить, человек иногда вообще не осознает, что был выход, казалось бы, из навечно заданной сферы бытия. Это может свидетельствовать о том, что он не привык к виртуальному состоянию, очень слабо или вообще не распознает его, не ощущает изменений своего личностного статуса. Тем не менее, как я пытался показать выше, некоторые пояснения относительно своего состояния и связанных с ним переживаний отдельные лица все-таки смогли дать.

Как показали результаты обследования некрофильских множественных убийц, их виртуальные состояния (они были не у каждого преступника) заключались не просто и не только в уходе от актуальной реальности, но и в перемещении в иную плоскость. В последней они ощущали себя иначе, чем обычно, но как именно, не могли пояснить. Жертвы тоже принимали иной облик, чем были в действительности или какими они

⁵⁵ *Грибак Л.П.* Супергипноз виртуальной реальности // *Виртуальная реальность. Философские и психологические проблемы.* М., 1997. С. 109.

представали до конфликта; нередко им приписывались качества, которыми обладал сам преступник, но ощущал их неприемлемыми для себя, а поэтому переносил на других.

Более ярко создание виртуальной реальности наблюдается среди лиц с пограничными психическими расстройствами и особенно у душевно больных. Так, Джумагалиев, признанный невменяемым, убивал женщин и частично съедал их. Женщин выбирал произвольно, но всех считал развратными; после ряда совершенных им убийств почувствовал, что мир изменился к лучшему, очистился и к нему, Джумагалиеву, люди стали испытывать благодарность. Все это обоснованно можно представить себе в качестве бреда психически больного – это так и есть, но ведь и бред представляет собой частный случай производства виртуальной продукции. Бред-виртуал имеет стимулирующее значение: тот же Джумагалиев, для того чтобы мир стал еще лучше, продолжал убивать.

Принадлежат ли психические состояния некрофильских убийц к числу известных, но необычных состояний сознания, например среди шаманов? О последних С. Гроф пишет, что карьера многих шаманов начиналась с драматических эпизодов измененного состояния сознания, которые традиционная западная психиатрия считает проявлением серьезных психических заболеваний. К таким эпизодам относятся видения, путешествия в потусторонний мир, нападения демонов, нечеловеческие мучения и тяжелые испытания, за этим последовательно наступает умирание и вторичное рождение, причем все события происходят на небесах. В таком состоянии будущий шаман может испытывать широкий спектр экстремальных эмоций и вести себя самым странным образом⁵⁶. Некоторые из подобных переживаний некрофильские убийцы испытывают: путешествия в потусторонний мир, нападения демонов (которых они называют «Сатаной», «Оно» и др.), тяжелые мучения, как, впрочем, и многие из тех, у кого имеются расстройства психической деятельности.

Однако интересующие нас лица не переживают умирания, напротив, они заставляют умирать других, причем в силу полного отсутствия эмпатии совсем не сопереживают убиваемому

⁵⁶ Гроф С. Духовный кризис. М., 1995. С. 90.

или убиваемым. Но нельзя забывать, что многие такие убийцы во время совершения самого преступления часто впадают в экстатическое состояние, сродни шаманскому, а вслед за этим испытывают приятное расслабление и разрядку, что, тем не менее, нельзя полностью отождествлять с новым рождением, хотя нечто неуловимо общее здесь можно констатировать. Так, в качестве очень осторожной гипотезы можно допустить, что, наблюдая смерть другого, некрофильский убийца психологически умирает сам, а потом воскрешает. Особенно это заметно в случае экстатического убийства: проявление экстаза вызывает не только мощное спонтанное освобождение физической энергии в теле, как полагает Дж. Корнфильд, но и очень большое расходование физических и психических сил, что вызывает значительное и резкое ослабление всего организма убийцы. Именно поэтому они после такого поступка обычно подолгу спят.

Экстатическое состояние представляет собой нечто среднее между бодрствованием и сном с явным помрачением сознания и потерей четкости ощущения реальности. Вывод о таком состоянии я сделал, выслушав и оценив подробный рассказ о содеянном Фукалова. Во время совершения убийств он был практически трезв, однако не смог вспомнить некоторые из очень важных обстоятельств, отдельные из совершенных им убийств. Он никак не смог объяснить, почему он убил столько людей, не имевших никакого отношения к конфликту.

До экстатического состояния можно довести себя разными путями, например длительным постом, однако в моей практике не было ни одного случая, чтобы некрофильский преступник вызвал в себе экстаз специально для того, чтобы совершить убийство. Это, конечно, не исключает того, что подобное возможно в качестве психологической предпосылки некрофильского убийства. Вероятно, уход в экстатическое измерение является одним из субактивных бессознательных смыслов совершения некрофильских убийств. Наличие экстатических состояний вовсе не означает отрицания того, что особые состояния некрофильских убийц представляют собой виртуальные реальности с их порожденностью, актуальностью, автономностью и интерактивностью. В этой связи интересно отметить, что экстатические состояния могут быть различного

уровня, каждый из которых способен порождать виртуальную реальность, выступая в этом случае в качестве константы.

Экстатические состояния неоднократно привлекали к себе внимание юристов, криминологов и психологов, причем такие состояния иногда описывались как аффективные. Чаше всего аффектами называли особые эмоциональные переживания, внезапно возникшее сильное душевное волнение. Известный правовед Т.Г. Шавгулидзе писал, что они возникают при наличии особо интенсивного чувства и являются критической точкой переживания. Д.Н. Узнадзе отмечал, что сильное впечатление вызывает бурную реакцию, которая благодаря высокой интенсивности овладевает всей душевной жизнью индивида. Актуальное содержание сознательности почти исчезает, иногда субъект даже теряет сознание и появляется какая-то пустота. Вслед за этим вскоре следует бурное течение представлений, которые всецело соответствуют содержанию аффекта: то, что несовместимо с ним, изгоняется из сознания. Пока аффект существует, на течении всех представлений лежит его печать, он господствует над ними⁵⁷. Сходные мысли об аффекте высказывал С.Л. Рубинштейн: «Аффективное состояние выражается в заторможенности сознательной деятельности. В состоянии аффекта человек «теряет голову». Поэтому в аффективном действии в той или иной мере может быть нарушен сознательный контроль в выборе действия. Действие в состоянии аффекта вырывается у человека, а не вполне регулируется им... Аффективный характер приобретают по преимуществу эмоциональные процессы, имеющие максимально личностный, минимально опредмеченный характер»⁵⁸.

Последнее утверждение — по поводу минимального опредмеченного характера влечений — вызывает серьезное возражение: практически во всех случаях проанализированных мною аффективных состояний предмет соответствующих переживаний был ярко, иногда даже слишком ярко выражен.

Аффекты принято делить на интенсивные и сверхинтенсивные. Первые называются также физиологическими, вторые — патологическими. Под патологическим аффектом понимается

⁵⁷ Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 150.

⁵⁸ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 495.

кратковременное, сверхинтенсивное переживание, достигающее степени психологического состояния, при котором наступают полное помрачение сознания и парализация воли. При патологическом аффекте лицо, совершившее общественно опасное деяние, признается невменяемым. В юридической практике аффективные состояния чаще сводятся к аффекту гнева, который обычно вызывается сверхсильными конфликтными ситуациями, когда объектом гнева в основном выступает человек, «виновный» в создании конфликта. По мнению Т.Г. Шавгулидзе, при аффекте гнева поведение протекает под влиянием актуальной потребности мести и его отдельные этапы (подготовительный, взрыв, заключительный) протекают как будто сами собой. Преступное поведение при аффекте гнева направляется установкой, соответствующей актуальной ситуации. Именно эта установка направляет хотя и неосознанное, но целесообразное поведение субъекта⁵⁹.

По мнению Ф.С. Сафуанова, на сегодняшний день в судебной психологии выявлены и описаны следующие эмоциональные состояния:

1. Классический физиологический аффект. Это стремительно и бурно протекающая эмоциональная реакция взрывного характера, сопровождающаяся резкими, но не психотически (как при патологическом аффекте) изменениями психической деятельности.

2. Кумулятивный аффект. Основное отличие от классического физиологического аффекта состоит в том, что первая фаза обычно растянута по времени (от нескольких дней до месяцев и даже лет), в течение которого развивается более или менее длительная психотравмирующая ситуация, протрагированная психогения, обуславливающая кумуляцию, накопление эмоционального напряжения у обвиняемого. Кумуляции эмоционального напряжения в значительной мере способствуют индивидуально-психологические особенности: чаще всего такие аффекты возникают у возбудимых личностей с компенсаторным высоким самоконтролем и у тормозимых с доминированием «отказных» реакций. Аффективный взрыв может

⁵⁹ Шавгулидзе Т.Г. Аффект и уголовная ответственность. Тбилиси, 1973. С. 54.

наступить и по незначительному (реальному или условному) поводу, по типу последней капли.

3. Аффект на фоне алкогольного опьянения. В настоящее время практически не дискутируется вопрос о правомерности диагностики аффекта у лиц, находящихся в легкой степени алкогольного опьянения, но одни авторы считают его физиологическим, другие – аномальным.

4. Эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение. Здесь наблюдается известная вариативность возникновения и развития эмоциональной реакции, но, как правило, на первой стадии происходит кумуляция эмоционального напряжения, которая в силу взаимодействия определенных личностных особенностей и ситуативных воздействий не находит отреагирования. Среди таких индивидуально-психологических особенностей можно назвать исходный низкий уровень гетероагрессивности и эмоциональной устойчивости, пониженный порог фрустрации, нетипичность внешне обвиняющих форм реагирования в конфликтных ситуациях, высокий уровень опосредованности поведения, робость, нерешительность, сензитивность, склонность выражать агрессию (когда это необходимо) в социально допустимой форме.

5. Эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение. Первая стадия протекает аналогично первой фазе эмоционального возбуждения – происходит кумуляция эмоциональной напряженности. Однако эмоциональное напряжение после каждого очередного фрустрирующего воздействия не сбрасывается (по В. Вундту, спад эмоционального напряжения сопровождается резким ростом эмоционального возбуждения), а все более нарастает и переходит во вторую фазу, которая не носит взрывного характера, а представляет собой как бы «плато» интенсивного эмоционального напряжения.

По аналогии с моделью стресса по Г. Селье можно сказать, что стадия сопротивления организма сменяется стадией истощения адаптационных возможностей или описанной в физиологии фазой «отрицательной эмоции», которая может сопровождаться угнетением интеллектуальных функций при сохранении или даже повышении энергетических ресурсов.

Обычно эти состояния характеризуются меньшей интенсивностью и силой переживаний, чем эмоциональное возбуждение, но при определенной констелляции личностных и ситуационных факторов, исчерпывании ресурсов совпадающего поведения и попыток субъекта адаптироваться к конфликтной стрессовой ситуации, эмоциональное напряжение может достигать такого уровня, когда нарушается процесс выбора цели действия, высвобождаются стереотипные автоматизированные движения, происходят ошибки в восприятии окружающей действительности⁶⁰.

Виртуальные состояния преступников чаще всего удается наблюдать криминологам и криминалистам, имеющим некоторую клиническую практику и изучающим не только уголовные дела. Все случаи указанных состояний я грубо и условно мог бы разделить на две группы: 1) те, которые не ожидалось и о которых до определенного времени человек даже не подозревал; 2) те, которые уже переживались и зафиксированы в психике в качестве весьма желаемого явления. Хотя привычка к ним и не наступает, но сохраняется стремление к повторению приятных ощущений. Надо сказать, что и те, и другие состояния наблюдаются не только при совершении корыстных, но и насильственных преступлений, не только при совершении единственного преступления, но и ряда однотипных, многоэпизодных, множественных преступлений.

С первым вариантом виртуальных состояний я неоднократно сталкивался при психологическом обследовании лиц, совершивших убийства членов семьи и родственников, причем жертвами бывали несколько человек, в том числе дети. Даже не находясь в состоянии сильного или среднего опьянения, убийцы могли лишь в самых общих чертах рассказать о том, что произошло. Примечательно, что это часто были рассказы человека как бы со стороны, не очень причастного к событию, не включенного во все его обстоятельства. Сами события, их последовательность, время и особенности протекания излага-

⁶⁰ Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 53–55.

лись в самом общем виде, виденные как бы сквозь туман, очень часто со слов очевидцев, сотрудников милиции или следователей. Иногда выпускались очень важные детали, и вообще многое зависело от формы и последовательности постановки вопросов допрашиваемому. Важно отметить, что обвиняемых (осужденных) в довольно редких случаях можно было заподозрить во лжи и желании уйти от ответственности: они обычно признавались в содеянном, не отрицали свою вину.

Главное — они не понимали (разумеется, далеко не все), что и как произошло, но при этом осознавали и описывали все факты длительного семейно-бытового конфликта, правильно оценивали криминогенное значение этих фактов.

Поскольку обвиняемые (осужденные) не понимают, как все случилось, они иногда пытаются сослаться на потусторонние силы — домовых, ведьм, злобных старух и т.д. Киселев, который обвинялся в убийстве из охотничьего ружья жены и семилетнего сына, объяснял, что он пытался защитить их от полчищ демонов и злых чертей, а когда это не удалось, застрелил их, чтобы они не попали к «врагу». Врагов он во множестве ощущал в своем доме и вблизи него. Рассказ убийцы (он был признан вменяемым) подтверждался достоверными данными, в частности обилием следов пуль и стреляных гильз, когда он почти всю ночь отстреливался от «врагов».

Из числа тех, кто уже испытал виртуальные состояния, я бы особо выделил карманных воров, сексуальных убийц и убийц из бандитских групп.

Первые из них составляют особую категорию людей, ведущей чертой личности которых является компульсивное влечение к острым, эмоционально насыщенным ситуациям, участие в захватывающей игре, каковой является карманная кража. Мотив обогащения у них тоже есть, но, во-первых, он нередко оттесняется на второй план; во-вторых, он усиливает мотив игры. Я много раз беседовал с карманниками, которые не могли никак объяснить, какая неведомая, но мощная сила толкает их на совершение карманных краж, но они весьма красноречиво описывали те исключительные, поистине блаженные состояния, которые они испытывали, полностью окунаясь в атмосферу кражи. Это воры-игроки, их можно встретить и среди квартирных воров, и среди постоянно крадущих расхитителей и взяточников. Некоторые из взяточников и расхитителей уча-

ствуют в совершении преступлений не потому, что нуждаются материально, не потому, что связаны общей поручкой с такими же, как они, а потому, что их неодолимо влечет сама игра. Подлинные мотивы им не открыты.

Вообще для всех корыстных преступников характерен обший высокий уровень тревожности, носящий ровный, а не скачкообразный характер, что позволяет им чувствовать опасность и дает возможность избежать ее. Карманные же воры, попав в «любимую» ситуацию, часто становятся глухи к опасности. Оберегающий их механизм отключается.

Особенно значимы в виртуальных состояниях преступников личностные изменения. Ничтожный клерк, сексуальный неудачник и импотент Чикатило, который постоянно подвергался насмешкам и насилию, даже на работе, даже в семье, во время убийств превращался в могущественного царя леса, хозяина жизни. Он часами ходил по лесу с отрезанными им частями тела, которые физически подтверждали его силу и власть. Сексуальный неудачник и девственник Головкин, одинцовский вампир, ощущал себя в специально вырытом бункере подлинным властителем жизни трепещущих от страха мальчишек, которых он ради своего торжества подвергал нечеловеческим пыткам.

Виртуальные исследования в криминологии могут иметь огромное научное значение в плане объяснения преступного поведения, квалификации преступлений и исправления виновных.

Между тем далеко не каждое некрофильское убийство происходит в состоянии аффекта, напротив, оно совершается часто в результате холодного и рационального расчета, при условии высокопрофессиональной подготовки. Именно это мы можем встретить у тоталитарных правителей (Сталин никогда не переживал никаких аффектов, Гиммлер и Эйхман были спокойными и рассудительными людьми), террористов, наемных убийц, даже у тех, кого называют сексуальными маньяками. Насколько я мог наблюдать, аффективные состояния (состояния одержимости, как их можно еще назвать) были втайне страстно желаемыми, к ним бессознательно и мощно влекло некрофильских убийц как к возможности дать выход интенсивнейшей разрушительной энергии, раздирающей индивида. Это для него чрезвычайно актуально и жизненно важно, по-

скольку, если такое не произойдет, он может, образно говоря, взорваться сам. Поэтому подобный некрофил убивает, чтобы жить. Если повода для внешнего взрыва нет, некрофильский человек активно ищет его или попросту сам изобретает. Для этого годится любой факт.

Сказанное позволяет не согласиться с тем, что насильственное аффективное поведение протекает под влиянием актуальной потребности мести. Утверждать такое можно лишь при условии незнания того, что существует некрофильская агрессия. При последней имеет место не только аффект мести, но и некрофильская потребность в уничтожении — в первую очередь людей, но объектом насилия могут быть и животные, а также строения и другие продукты созидательной деятельности, любые вещи. В некоторых случаях объектом вандалической агрессии, а в сущности против человека выступают какие-то предметы, так или иначе связанные с ним, и здесь, по-видимому, можно говорить о косвенном, смещенном насилии в отношении его же. Конечно, у некрофилов вполне может быть аффект мести, при этом часто уничтожаются не только те, которые, по представлению убийцы, вызвали конфликт, но и совсем непричастные к нему люди. Например, во время семейного скандала преступник убивает не только жену и выступивших на ее стороне родителей, но и соседей, которые пытались разрешить конфликт.

Вернемся к одержимости. Выше я назвал ее синонимом аффективных состояний, но, вероятно, был не прав. Аффект — это сильная эмоциональная вспышка, как правило, кратковременная. Состояния одержимости более длительны, они могут продолжаться даже годы и представляют собой слепую, нерассуждающую, фанатическую преданность каким-то своим, обычно бессознательным или лишь смутно понимаемым влечениям, идеям, субъективным состояниям и переживаниям. Одержимость не всегда порицаема, ибо это может быть и одержимость трудом, но человек может стать рабом своей одержимости, отдав ей всю свою жизнь без остатка. Одержимые, маниакально заряженные люди, если они обретают хоть какую-то власть, могут быть и чаще всего становятся смертельно опасными. К сожалению, отечественная история представляет нам множество «красочных» иллюстраций сказанного.

6.2. Особые состояния множественных некрофильских убийц и отчуждение личности

В понятие «отчуждение» вкладывается самое разное содержание. Оно применяется философами, психологами и социологами в отношении необычайно широкого разнообразия психосоциальных расстройств, включая утрату себя, состояние страха, отчаяние, дезориентацию, ненадежность, социальную дезорганизацию, одиночество, автоматизацию, бессилие, бессмысленность, изоляцию, пессимизм и утрату веры или ценностей.

Исключительное внимание уделяли отчуждению экзистенциалисты М. Хайдеггер, К. Ясперс, А. Камю, Ж.-П. Сартр. У Хайдеггера категория «отчуждение» выступает в виде понятия «нигилизм», означающего всеобщую опустошенность сознания и утрату ценностных характеристик бытия. Высшая стадия нигилизма означает полное и притом совершенно добровольное самоотчуждение человека, опустошенность духа, но уже с полным осознанием корней абсурдности бытия и глубинных причин страха. Такую опустошенность некоторые экзистенциалисты, особенно А. Камю, толкуют как своего рода победу человека, поправшего свои иллюзии и решившего смело посмотреть в глаза трагической правде, отказаться от рутины повседневности с ее кажущимся преодолением кардинальных вопросов жизни и смерти. Но это не победа, а лишь примирение с состоянием отчаяния. Оно ранее не осознавалось, а только переживалось как непонятный разрыв сознания. Теперь оно осознается в своем экзистенциальном значении, но это осознание ведет к еще более мучительной безысходности. Саму эту безысходность иногда пытаются осмыслить как выход из положения: пассивную правду отчаяния предлагается превратить в активную работу по углублению экзистенциального отчаяния.

Особые психические состояния некрофильских убийц с несомненностью коррелируют с высоким уровнем их дезадаптации. Последний способствует тому, что в их внутреннем мире имеет место активная автокоммуникация, т.е. интенсивное общение с самим собой. Их автособеседник играет очень важную роль, поскольку, во-первых, препятствует проникнове-

нию в данную субъективную сферу других людей, во-вторых, укрепляет убежденность человека в своей правоте. В то же время, как можно было заметить при изучении таких людей, они способны быть как бы свидетелями своей личности и своей жизни. Им доступно достаточно спокойно наблюдать свое поведение, свои эмоции, влечения, реакции, страхи. Получается, что такие лица живут как бы на двух уровнях: на уровне собственных желаний, эмоций и т.д. и уровне, где эти же индивиды выступают в качестве свидетелей. Можно полагать, что как раз последнее обстоятельство обеспечивает им определенную отстраненность от себя и возможность рефлексии. В этом свете не случайно, что все интересующие нас преступники охотно и обстоятельно рассказывали о себе, своих переживаниях и поступках, пытаясь даже дать им объяснение. Повествуя о себе, они больше выступали в качестве свидетелей самих себя.

Это явление Т. Шибутани называл деперсонализацией. Он писал: индивид чувствует, что он не является самим собой, есть ощущение отчужденности — будто он скорее наблюдатель, чем участник того, что делает его тело. Слабые деперсонализации происходят в какое-то время у большинства людей, когда они испытывают необычные или травматические переживания. Человек, подвергающийся ограблению, на мгновение задумывается: «действительно ли это происходит со мной?». В других случаях человек может испытывать зрительную галлюцинацию, как если бы он глядел на своего двойника в зеркало. В отличие от других галлюцинаций он чувствует себя связанным с образом, поскольку последний говорит, думает и действует во многом так же, как он сам.

Рассказывая о своих переживаниях при отравлении мескалином, Хаксли описывает подобное отделение своего тела от собственного представления о самом себе. Руки и ноги он воспринимал как существующие «снаружи». Во время еды он наблюдал, что некто прожорливо ел, тогда как сам он смотрел на него со стороны без большого интереса. Эти примеры показывают, что в различных обстоятельствах человек может отделять себя от «Я-концепции».

Хроническая деперсонализация, или амнезия, представляет особый интерес. Бек сообщает случай, когда пациент постепенно восстановил все свои воспоминания, кроме одного, ка-

савшегося, как оказалось, периода жизни, которого он больше всего стыдился. Абельс и Шилдер также утверждают, что большинство случаев амнезии вызвано травмирующими переживаниями, какими-то жестокими конфликтами в прошлом и связано с глубоким чувством вины⁶¹.

Людей с такими особенностями К. Хорни относит к отстраненному типу. Она отмечает, что объединяет всех людей отстраненного типа их способность смотреть на себя с неким объективным интересом, как если бы человек смотрел на какое-либо произведение искусства. Возможно, лучше всего описать его, сказав, что по отношению к себе он занимает ту же самую позицию «зрителя», которую занял по отношению к жизни в целом. Поэтому часто он может быть превосходным наблюдателем в отношении процессов, которые происходят внутри него. Блестящим примером этого является то сверхъестественное проникновение в символику сновидений, которое он часто демонстрирует.

Ключевым моментом здесь является его внутренняя потребность устанавливать эмоциональную дистанцию от других людей. Точнее, это его сознательная и бессознательная решимость никоим образом не допустить эмоциональной вовлеченности в дела других людей, касается ли это любви, борьбы, сотрудничества или соревнования с ними. Он проводит вокруг себя своего рода магический круг, внутрь которого никто не может проникнуть. И вот почему внешне он может «ладить» с людьми. Навязчивый характер этой потребности проявляется в его реакциях тревоги, когда внешний мир вторгается в его жизнь.

«Все те потребности и качества, которые такие люди приобретают, поставлены на службу этой главной потребности — избежать вовлеченности» — пишет далее Хорни. Одной из наиболее поразительных из них является потребность в самодостаточности. Ее наиболее позитивным выражением является изобретательность. Агрессивный тип также имеет тенденцию к изобретательности, но смысл ее иной; для него это предположение, необходимая, чтобы проложить свой путь во враждебном мире и в столкновении с другими победить их⁶².

⁶¹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 372.

⁶² Хорни К. Наши внутренние конфликты. М., 2000. С. 76.

Когда некрофильский человек начинает убивать, он как бы отправляется в путь, который обеспечивает ему невиданные приключения и необычные переживания, ранее не посещавшие его, перенесение сознания в качественно новые измерения. Зов в дорогу может исходить из внешнего мира как приглашение или это может быть внутренний голос, внутренний толчок. Иногда у путника появляются помощники, которых он называет «Сатана», «Зло», «Оно» и т.д. Чем дальше он движется, т.е. чем длиннее серия совершенных им убийств, тем больше нарастает его аутизация и углубляется дезадаптация, слабеют и утрачиваются связи со средой. Чем слабее внешние связи, тем мощнее проявляются внутренние силы.

Изучение личности множественных некрофильских убийц показывает, что они находятся в отчуждении от любой среды — и с негативными ориентациями, и положительно характеризующимися группами. В силу переживаемых особых состояний и отчуждения эти люди живут и действуют как уникальные, неповторимые личности. При этом они отчуждены от других не только и даже не столько своими особыми состояниями, сколько своей жизненной позицией и установками в целом. О них нельзя сказать, что это унифицированные, тождественные другим, безличные частицы какого-то целого. У таких людей индивидуальная личностная идентичность явно превалирует над социальной, активно формируя интеллектуальные и нравственные черты, самоощущение и отношение к миру, в целом «Я-концепцию».

Но все это относится лишь к части множественных некрофильских убийц, а не к тем, кто действовал в составе или от имени организованной преступной группы, в том числе и тогда, когда выполнял ее задание или заказ. Некрофильские убийцы — члены групп — стремятся к сохранению или повышению своего статуса в ней, т.е. к положительному образу себя. Но в то же время, совершая множество убийств, они удовлетворяют свою особую, индивидуальную потребность в уничтожении жизни, причем об этой потребности другие члены группы могли и не знать, а чаще — не оценивать ее в нравственных и тем более психологических категориях. Во всех таких жизненных ситуациях дезадаптация убийц имеет место не по отношению, конечно, к преступным группам, а к иным позитивным соци-

альным образованиям и соответствующим ценностям. Сама группа преступника может хорошо знать, что он агрессивен, злобен, не испытывает чувства вины и готов на любую жестокость. Поэтому его могут бояться даже другие члены собственной банды. Человек, склонный к садизму, может быть приведен в бешенство им же созданной ситуацией, участникам которой он сам приписал злобные намерения. Можно сделать очень важный вывод, что отдельные множественные некрофильские убийцы отчуждены и от тех организованных преступных групп, членами которых они себя позиционируют.

Некрофильские убийцы – одинокие люди, одиночество есть неотъемлемый компонент их критических состояний. Оно может переживаться в широком диапазоне – от смутного и неопределенного чувства отдаленности от других людей (что обычно не приносит тяжелых ощущений) до глубокого и полного погружения в свое экзистенциальное отчуждение. Вообще, как показало изучение убийц с помощью Методики многостороннего исследования личности, для них типичны отчуждение и аутизация, у некрофильских же убийц они выражены еще сильнее. У последних внутренняя изолированность связана также с тем, что они сталкиваются с собственными необычными состояниями сознания и влечениями, которые существенно отличаются от переживаний аналогичных психологических явлений их знакомых. Некрофильские преступники, как правило, и не слышали о том, чтобы кто-то другой имел бы такие потребности и желания, как у них. Трудно дать исчерпывающий ответ о том, ощущают ли такие лица свое экзистенциальное одиночество как только навязанное извне, хотя, как отмечалось выше, у большинства были некие таинственные спутники, которые направляли их поступки. Между тем сами рассказы убийц не позволяют сделать однозначный вывод о том, что и переживаемые состояния также созданы якобы лишь руками названных персонажей.

Круг значимых отношений с другими людьми у изучаемых личностей существенно сужен, если, конечно, они не являются постоянными членами организованных преступных групп. Естественна поэтому недостаточность обычного человеческого тепла в отношениях с окружающими, отсутствие способности к идентификации с ними и сопереживанию. Они смутно ощу-

щают, что их состояние специфично, что, скорее всего, никто не может их понять. Все психологическое пространство вокруг представляется безжизненным, а поэтому самые жестокие поступки не выглядят чем-то особенным, выходящим из будничного ряда. Безжизненность означает разрыв связей с видимым миром и усиление тяготения к смерти, что, в частности, находит выражение в самоубийствах, характерных для некрофильских убийц. Как уже отмечалось в разделе об убийцах, которые предположительно являются некрофильскими личностями, среди них почти вдвое больше лиц, которые предпринимали суицидальные попытки.

Переживают ли необычные чувства некрофильские личности из-за своих весьма специфических влечений и желаний, в связи с ощущением или даже пониманием своих отличий от других людей? Как представляется, этого чаще всего не происходит, поскольку некрофильские особенности появляются у них не одномоментно, не вдруг, а развиваются вместе с ними с детских лет, с формированием их личности – спонтанно, имманентно, неразрывно. Однако их чувства и переживания необычны в том смысле, что не похожи на чувства и переживания окружающих. Такая необычность может приводить к тому, что другие не хотят с ними общаться, особенно если указанные внутренние процессы находят свое поведенческое выражение, обычно в агрессии. А неприятие другими людьми способствует усугублению отчуждения и одиночества, а в конечном счете способствует совершению насильственных преступлений.

У многих агрессивных личностей в периоды наибольшей агрессивности здравый смысл резко сужается, рациональность отсутствует, человек оказывается в зажатом состоянии и становится неспособным к изменениям. Мышление приобретает непосредственный характер, ощущаются странные и беспокоящие эмоции, обостряются беспредметные страхи, однако он редко признается себе и другим, что, возможно, находится на грани безумия. Напротив, большинству некрофилов все это представляется естественным, быть может потому, что подобные переживания и раньше посещали их и не всегда беспокоили. В таких состояниях таинственные спутники («Оно», «Объем» и др.) часто диктуют ход событий, заменяя привычный порядок вещей, причем только у отдельных некрофилов это вызывает протест,

впрочем, в целом вялый, но никогда – ни отвращения, ни ужаса. Поэтому создается впечатление, что некрофильские личности были внутренне готовы к их появлению и даже ждали их. Я думаю, что подобное ожидание, как и поиск ситуаций для разрядки разрушительных влечений, относится к числу признаков, которые отличают некрофильских убийц.

У некоторых некрофильских преступников во время нарастания потребности в убийстве начинаются переживания высокой тревожности. Они испытывают болезненные состояния, неспособность заниматься повседневными делами, даже теми, к которым привязаны. Процесс отрешения от привязанностей сам по себе – социальная форма смерти, смерти привязанностей. В некоторых людях этот импульс к отрешенности весьма силен, они начинают бояться, что таким образом они действительно готовятся к нависшей над ними смерти.

Таким образом, можно констатировать дезадаптацию переживающих подобный духовный кризис. Но если отбрасывание ненужных привязанностей, смерть старых и мешающих структур личности, малоэффективных способов бытия в мире освобождают других людей и способствуют более успешному их функционированию, то у названных преступников уход от привязанностей и связей приводит к еще большему отрыву от людей и их ценностей. Я хочу также обратить внимание на то, что освобождение их личности от каких-то структур не приводит к улучшению их бытия. Этого не происходит даже тогда, когда они продолжают убивать, т.е. удовлетворяют свою потребность в причинении смерти. Конечно, сразу после очередного убийства происходит как бы насыщение, снятие внутреннего напряжения, но это лишь временно, поскольку вскоре названная потребность захочет новых жертв. Тогда вновь возникает высокая тревожность, которую, кстати, можно снизить не только совершением очередного преступления, но и взятием под стражу, когда переживания неопределенности всего жизненного статуса, что характерно для большинства убийц вообще, сменяется жестким регламентом мест лишения свободы. Не случайно некоторые из некрофильских убийц сравнивают тюремную камеру с материнской утробой, с ее защищенностью и обеспечением основных физиологических потребностей.

Психологическое отчуждение личности некрофильских убийц бывает столь велико, что некоторые из них теряют чувство реальности и пускаются в неистовое фантазирование. Так, некий Мурылев, обвиняемый в совершении семи убийств с целью завладения квартирами потерпевших, влюбился во врача-эксперта во время проведения судебно-психиатрической экспертизы. Он постоянно писал ей страстные записки с предложением руки и сердца и немедленного заключения брака. Он заверял, что только с ней может быть счастлив, полностью забывал, что за совершенные преступления может быть лишен свободы пожизненно. О самих преступлениях никогда не говорил, зато много рассказывал о том, как работал военным корреспондентом, участвовал в войне в Приднестровье, водил самолеты, морские корабли и т.д., одним словом, был неистов на выдумку, уходя таким способом от действительности и пытаясь оказать ошеломляющее впечатление на окружающих, в том числе и на предмет своего обожания. У него все время было приподнятое, оптимистическое настроение, ходил только в белых носках, строил планы один грандиознее другого, полностью вытеснив и преступления, и грозящее за них весьма суровое наказание. Мурылев является типичным некрофильским убийцей, убивавшим без сожаления и с легкостью.

Переживания, которые непосредственно предшествуют некрофильским убийствам или сопровождают их, играя роль пускового механизма, можно назвать пиковыми по аналогии с теми, которые описаны в исследованиях А. Маслоу. Он обнаружил, что подобное часто происходит у совершенно нормальных людей, позволяя достигнуть более эффективного функционирования в мире, более полно раскрывать свой творческий потенциал. Но Маслоу, конечно, имел в виду не тех, кто лишает других жизни, а людей, которые переживают позитивные эмоции и столь же позитивные последствия последних, чувство единства внутреннего и внешнего, священность (нуминозность — по К.Г. Юнгу) переживаний. Все это не найти в пиковых состояниях некрофильских убийц, но тем не менее они являются пиковыми, поскольку непосредственно перед убийствами или в процессе их совершения достигают наивысшей остроты. Эмоции, которые их обуревают, никак нельзя назвать позитивными, напротив, они часто наполнены гневом, враж-

дебностью, ненавистью, бурно возникающей потребностью в уничтожении и разрушении. Однако такие эмоции не всегда находят свое выражение в мимике и пантомимике, в вербальной агрессии. Некрофильский человек (наемный убийца, террорист, например) внешне может быть вполне спокоен.

Естественно, состояния некрофильских преступников никак не могут быть названы священными, тем более что они контактируют не со священными персонажами, а с их противоположностью – Сатаной, Злом и т.д. Однако названные личности, как и переживающие духовный кризис в исследованиях А. Маслоу, способны выходить за пределы времени и пространства, но их переживания бывают порой трудновыразимыми, они обычно с трудом описывают их. В состояниях пика критических эмоций такие люди иногда преодолевают обычное разделение тела и ума, сливая их воедино. В момент реализации агрессии при экстаических переживаниях они могут выходить за пределы своей личности, и можно полагать, что именно это является одной из причин размытости переживаний и трудностей в реконструкции событий и собственных действий.

Поскольку сознание некрофильского множественного убийцы часто находится в особом мире, особом измерении, недоступном простым смертным, он мыслит иными символами, образами, знаками, ценностями и т.д., т.е. говорит на другом языке. Поэтому его чаще всего трудно понять, найти с ним общий язык, уяснить его бессознательные мотивы и тайные влечения. Поэтому выражения «моральная чудовищность», «садистская жестокость», «садизм», «безумие» и подобные им в применении и к тоталитарным, и к обыденным некрофильским убийцам не имеют смысла и не объясняют ничего.

Когда в Нюрнберге зашла речь о чудовищных преступлениях над людьми Аненербе, институте СС, его генеральный директор генерал СС Зиверс явно не испытывал чувств, которые можно было бы назвать нормальными и человеческими. Чуждый всему происходящему в суде, он был где-то в другом месте и слушал иные голоса. Точно так же реагировал он, когда расследовалось массовое убийство 200 тысяч цыган – Сиверс просто не понимал, в чем его обвиняют: ведь это было жертвоприношение, чтобы умилостивить Высших Властителей, а он был не палачом, а Верховным жрецом. Зверские опыты над

людьми, узниками концлагеря Дахау и других мест, осуществлялись отнюдь не для того, чтобы пытать их и принести им невероятные страдания. Его действия были лишь частью программы, призванной с несомненностью доказать, что Черный орден мог и должен был победить цивилизацию лицемерных и вялых эгоистов, цивилизацию, павшую до уровня пошлых, плотских вожделений, прикрытых для приличия и обмана жалким листиком ханжеской морали. Принадлежа другому миру, на Нюрнбергском процессе Сиверс ограничился формальной и чисто рациональной защитой, как будто бы понимая, что здесь он не встретит никакого понимания. Перед самой казнью он попросил разрешения в последний раз отправить свой культ и вознести тайные молитвы. После этого он бесстрастно сунул голову в петлю.

Я думаю, что некрофильские убийцы из числа тех, с кем я общался, не очень хорошо понимали меня. Они и я находились в разных мирах и разных состояниях, поэтому вряд ли даже многочасовые беседы помогали понимать друг друга. Но они, некрофилы, обладали по сравнению со мной определенным преимуществом, которое заключалось в том, что с таким, как я, обыкновенным человеком, они общались многократно, практически всю свою жизнь. Мое же знание некрофильских личностей было, естественно, весьма ограниченным. Большинство исследованных мною некрофильских убийц могут производить впечатление серьезных, вдумчивых, даже умудренных жизнью и своими страданиями; они пытаются анализировать и обобщать явления, особенно связанные с ними самими и их поведением, не случайны афористичные высказывания некоторых из них. Однако ни один из них (ни один!) не был очищен и тем более возвышен своими страданиями. Вообще, когда изучаешь материалы уголовных дел на таких лиц или слушаешь их рассказы, в первую очередь те, которые посвящены убийствам, невольно начинаешь чувствовать себя в «театре ужаса и абсурда». Оказывается, что вполне можно неразрывно связать эти два жанра, хотя последний на реальных подмостках может быть вполне безобидным.

Кто сочиняет эти страшные пьесы и ставит их? Несомненно, во всем этом должен быть скрыт какой-нибудь важный смысл. Найти его — цель этой книги.

Быть может, в тот момент, когда некрофильский убийца совершает преступление, особенно не в первый раз, перед ним внезапно обнаруживаются глубины бытия и то, что за ним; там холодно и мрачно, там скованная вечным сном равнодушная ледяная пустыня или долгий и тяжкий путь, охваченный огнем. Сколь жалкими и ничтожными могли казаться ему все человеческие заботы и стремления! Каким убогим и суетным выглядело все то, с чем он сталкивался каждый день, тем более, если в этот момент он переставал чувствовать свое тело! Возможно, что у кого-то из них в такие мгновения появлялось «шестое чувство», которое, возможно, роднит человека с глубинами вечности, связывает настоящее с непреходящим, бездушный прах с нетленным духом, смерть с обновлением. Но вряд ли он поймет, что еще не перерезана пуповина между ним и творцом всего сущего, кто бы ни выступал в роли такого творца, что от него притекает к нам животворная сила, от вечного источника жизни, который можно назвать отцом нашего милосердия.

Было бы более чем странным предположить, что такие люди не могут спокойно собирать цветочки на краю пропасти, не сознавая той демонической силы, которую таит в себе бездна. Но они все время действуют, находясь на краю пропасти, которая манит их к себе своей черной бездонностью. То, что они сталкивают туда людей и есть та разрушительная миссия, которую они реализуют в жизни. Собственно, они все время ощущают себя живущими на краю, часто — над бездной. Этот край создается слабостью их социальных контактов, фактической исключенностью из нормальных связей и отношений и, самое главное, тем, что они сами не стремятся к людям, а скорее напротив — всеми силами от них. Они родились такими, их такими сделали отец и мать, лишая эмоционального тепла, их закрепили в этом последующие неудачи и катастрофы, гнетущий страх быть отвергнутым, раздавленным, уничтоженным, причем неизвестно кем и неизвестно за что.

Нам предстоит выяснить, можно ли признать психические состояния некрофильских убийц (до, во время и после совершения преступлений) духовным кризисом, как его понимают С. и К. Гроф. Они считают, что многие различные эпизоды неординарных состояний сознания (такие состоя-

ния переживают практически все некрофильские убийцы) могут рассматриваться как кризисы, связанные с духовной трансформацией и духовным раскрытием. Переживания такого типа – духовные кризисы – периодически описывались в литературе священных традиций всех эпох как бурные формы прохождения по мистическому пути. Духовные кризисы С. и К. Гроф определяют как критические и связанные с затруднительными переживаниями стадии глубокой психологической трансформации, которая вовлекает в себя все существо индивида. Духовные кризисы могут принимать форму неординарных состояний сознания и вызывать интенсивные эмоции, видения и другие изменения сенсорного восприятия, а также необычные мысли и всевозможные экстрасенсорные проявления. Эти эпизоды часто связаны с духовной тематикой и могут включать в себя последовательные переживания смерти и возрождения, переживания, напоминающие воспоминания прошлых жизней, чувство единства с Вселенной, встречи с различными мифологическими существами и другие подобные мотивы.

Авторы называют ситуации, которые могут породить духовный кризис: болезнь, катастрофа, операция, экстремальная физическая нагрузка или долгое время, проведенное без сна; околосмертные переживания, связанные с сильным биологическим кризисом; у женщин – сочетание физических и эмоциональных стрессов во время рождения ребенка, а также в случаях выкидыша или аборта; эмоционально насыщенный и интенсивный любовный акт; конец значимых любовных отношений, развод, смерть близких родственников и т.д. С. и К. Гроф называют еще ряд ситуаций, могущих спровоцировать духовный кризис. Так, были случаи, когда подобный кризис начинался в кресле дантиста при удалении зуба под действием закиси азота, который является психоделическим препаратом. Исследователи делают очень важное, на мой взгляд, замечание по поводу того, что широкий диапазон явлений, которые могут стать факторами, запускающими духовный кризис, заставляет предположить, что эти факторы связаны с готовностью индивида к внутренней трансформации, которая оказывается в эти моменты более важной, чем внешние стимулы. Динамика

бессознательного усиливается настолько, что заслоняет собой обычное, ординарное осознание⁶³.

На мой взгляд, некрофильские убийцы не переживают духовного кризиса, как его понимают С. и К. Гроф, хотя и могут находиться (и находятся, но не все) в критическом состоянии. Эти состояния в некоторой своей части схожи с теми, которые переживают испытывающие духовный кризис (по С. и К. Гроф), но в главном — это принципиально иные состояния.

Как и лица, испытывающие духовный кризис, некрофильским убийцам свойственны неординарные состояния сознания, у них бессознательное, особенно в своей мотивационной части, заслоняет, даже подавляет собой обычное, ординарное сознание. Именно по этой причине их поведение так часто носит компульсивный характер и они влекомы страстями, смысл, цель и назначение которых им неведомы. Переживания преступных некрофилов действительно критичны и связаны с затруднительными переживаниями глубокой психологической трансформации, которые вовлекают в себя все их существо. Таких лиц посещают необычные мысли, и они испытывают экстраординарные влечения, удовлетворение которых дает столь искомое наслаждение. Некрофильские убийцы сосредоточены на своем внутреннем пространстве, и чрезвычайно важно отметить, что и они в своих критических состояниях настойчиво и неистово ищут себя, пытаются определить свое место в видимом и невидимом мирах, выйти за пределы «Я» и при этом нащупать свои внутренние условия, при которых они примут себя. Не исключено, что сам кризис у них наступает вследствие всех этих поисков.

Однако у преступных некрофилов нет видений, есть довольно размытые, но для них реальные предощущения неведомых и невидимых сил («Оно», «Сатана» и т.д.), ведущих их за собой и толкающих на определенные поступки. Но ни переживания, ни ощущения таких лиц не связаны с духовной тематикой и духовным возрождением, которые в качестве условий подразумевают бескорыстие, очищение, альтруистические эмоции. С. и К. Гроф считают, что «духовное самопроявление

⁶³ Гроф С. и К. Неистовый поиск себя. М., 1996. С. 45–48.

можно определить как движение индивида к более расширенному, более совершенному способу бытия, включающему в себя повышение уровня эмоционального и психосоматического здоровья, увеличение степени свободы выбора и чувства более глубокой связи с другими людьми, природой и всем Космосом. Важной частью этого развития является возрастание осознания духовного измерения как в своей собственной жизни, так и в той вселенской схеме, в которую включены все вещи⁶⁴. Разумеется, ни о каком повышении уровня здоровья, свободы выбора, укреплении связи с другими людьми и т.д. применительно к некрофильским убийцам говорить не приходится.

Сущность и глубина духовного кризиса (по С. и К. Гроф) могут быть поняты в контексте «духовного самораскрытия», но даже если предположить наличие такого «самораскрытия» при совершении некрофильских (причем чаще серийных) убийств, то оно абсолютно неприемлемо по этическим соображениям. Впрочем, об этих соображениях можно было бы и не упоминать, поскольку ни духовного возрождения, ни решения внутренних проблем, ни «духовного самораскрытия» такие преступники не достигают, оставаясь в запутанном клубке субъективных противоречий. Однако это не исключает некоторого бессознательного психологического удовлетворения от того, что удалось реализовать свое предназначение. Как и люди, испытывающие духовный кризис, некрофильские убийцы переживают смерть, бессознательно и чужую, но в ее лице собственную, что выступает для них платой за свою жизнь, как я уже отмечал в начале данной книги. Таким образом, лишение жизни другого (других) и все связанные с этим субъективные состояния никак не могут быть отнесены к духовным кризисам.

Внутренние проявления состояний некрофильских убийц, как показывают мои наблюдения, носят текучий, вязкий, ригидный характер. Они происходят без внезапных и быстрых сдвигов в восприятии себя и мира; напротив, восприятия, ощущения и оценки меняются медленно, даже очень медленно, если, конечно, они вообще имеют место. Чаще же, начавшись с детства и проходя различные этапы развития, они, в сущности, остаются неизменными. Человек, конечно, может со-

⁶⁴ Там же. С. 49.

противляться нежелательным для него внутренним влечениям и призывам, спонтанно проявляя к ним недоверие и антипатию, но в конце концов принимает их, что и приводит к убийствам. Если с кем-либо он и обсуждает свои проблемы, то, как правило, до начала совершения преступлений, причины которых, как и переживаемые при этом состояния, не охватываются его сознанием.

Глава 7

УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ МНОЖЕСТВЕННЫМ УБИЙСТВАМ

7.1. Общие сведения

Прежде чем перейти к научному анализу собственно условий, способствующих совершению множественных убийств, позволю отдельно рассмотреть, что представляют собой условия вообще.

По общему правилу условиями называют те факты (явления, обстоятельства), которые не порождают иные факты, поскольку не обладают генетическими способностями, а лишь создают благоприятную среду для действия причин. Поэтому роль условий в объяснении преступности и преступного поведения очень велика, так как причина может объективно существовать, но не сможет реализоваться из-за отсутствия необходимых условий. Криминологи еще справедливо утверждают, что некоторые обстоятельства могут выступать в роли причин, но в иных ситуациях – условий.

Мне хотелось бы обратить внимание на то, что некоторые условия действуют на уровне общего, а иные – единичного. Иными словами, есть факторы (явления, обстоятельства), которые (применительно к объекту нашего исследования) в целом порождают множественные и массовые убийства, например войны и революции, давая выход самым разрушительным и отвратительным инстинктам и влечениям. Наряду с ними есть такие, которые функционируют лишь на уровне индивидуального поведения, например состояние опьянения. Причиной убийства нетрезвое состояние не может быть, им или ими выступают другие личностные особенности, о некоторых из них говорилось уже выше. Опьянение делает возможным крайне агрессивное поведение.

Предметом профилактического воздействия должны быть и причины, и условия. Здесь исследованы не все условия, а только те, которые, по моему мнению, являются главными.

7.2. Алкоголизм и наркомания, алкогольное и наркотическое опьянение

Я не буду здесь писать о распространенности алкоголизма — всем известно, что это одна из сложнейших и болезненных проблем России. Масштабы наркомании немного уже.

Об алкоголизме, его социальном и медицинских аспектах написаны тысячи книг; нельзя назвать безуспешными и лечение алкоголизма. Однако явление остается, поскольку остается порождающая его причина — это в первую очередь социальная среда, влияние социальных условий жизни. Об этом говорят результаты исследований многих авторов, в том числе наркологов.

Известный русский психиатр С.С. Корсаков, длительное время изучавший проблемы алкоголизма, также высказал идею о том, что влечение к алкоголю у людей находится в прямой зависимости от того, в какой мере условия их жизни обеспечивают положительную социальную стимуляцию. При отсутствии такой стимуляции неизбежно возникает потребность в алкоголе, в наркотиках. Поэтому эффективная борьба с алкоголизмом невозможна без обеспечения людям таких условий жизни, которые положительно стимулировали бы их нервную систему.

Общественные опросы, проведенные под руководством Г.Г. Заиграева среди нескольких тысяч рабочих на более чем двух десятках промышленных предприятий, показали: у лиц, занятых на работах с тяжелыми и вредными условиями труда, интенсивность алкогольного потребления и проявлений пьянства в 2,5 раза превышает средние показатели, при этом наиболее частым мотивом потребления выступает снятие физической усталости. Среди рабочих, не удовлетворенных условиями трудовой деятельности (содержанием и организацией труда, размерами заработной платы), в том числе и морально-психологической обстановкой в коллективе, частота потреб-

ления спиртных напитков и проявлений пьянства в среднем в 1,3–1,5 раза выше, чем у других рабочих. В ходе этих исследований было установлено, что в условиях современного производства, интенсивной урбанизации, огромной концентрации людей, быстрого роста темпов и напряженности жизни, изменений привычных стереотипов и ценностных ориентаций резко возрастает нагрузка на психику человека, увеличиваются затраты его физической и умственной энергии. Все это создает объективные предпосылки для обращения к алкоголю как к средству разрешения возникающих проблем.

Неумение адаптироваться к постоянно меняющимся экономическим и социальным условиям жизни в ряде случаев также приводит к увлечению алкоголем. При этом источником психологического дискомфорта может быть не только действие разнообразных неблагоприятных факторов, но и слишком бедная стимулами, скучная, однообразная среда⁶⁵.

Однако если допустить, что в некоей стране будут созданы идеальные социальные условия для жизни, будет ли это гарантией полного искоренения алкоголизма и наркомании? Думается, что даже при такой нереальной социальной ситуации названные явления все-таки останутся, хотя и не в столь широких, как сейчас, социальных масштабах. Дело в том, что всегда и везде будут люди и группы людей, неудовлетворенные своим социальным положением, а поэтому готовые реагировать на него опьянением с помощью спиртных напитков и наркотиков.

Уже давно известен эйфорический эффект потребления спиртного или наркотиков — уход от действительности, снятие барьеров отчужденности, раскованность, веселье и возможность повторения всего этого по собственному желанию. Но наряду с этим алкогольное или наркотическое опьянение снимает нравственные запреты, вызывает злобу, стремление покарать реального, а чаще мнимого обидчика, актуализирует застаревшие переживания, аффекты и обиды, которые вновь очень бурно переживаются; в состоянии опьянения, алкогольного или наркотического, весь мир, а не только один человек, может восприниматься в качестве враждебного и поэтому под-

⁶⁵ Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. М., 1992. С. 90–91.

лежащего уничтожению или сопротивлению ему путем активной защиты, т.е. агрессии.

Человек прибегает к наркотикам, алкоголю или иному одурманивающему средству не только тогда, когда испытывает потребность уйти от психотравмирующих ситуаций и страдает от собственной психологической неуравновешенности, но и когда он тяготится слишком длительным ровным и монотонным течением своей жизни. В этом случае он тогда испытывает неудовлетворенность теми однообразными впечатлениями и переживаниями, которые ему изо дня в день предоставляет будничная действительность и которые не дают пищи его природным запросам, возможностям и силам. Вследствие этого человек нуждается в том, что чтобы время от времени поднять себя над обычным уровнем, получить смену психических состояний и обеспечить себе требуемый жизненный ритм.

Общесоциальных и индивидуальных причин алкоголизма достаточно много. А.В. Немцов к числу вторых относит: непереносимость житейских затруднений, провоцирующих раздражительность или пониженное настроение; чувство неполноценности, неуверенность в себе, незрелость личности, проявляющуюся в эгоцентризме, потребности внешнего поощрения, в нереалистичности планов; примитивность, обусловленная исходно интеллектуальной недостаточностью или пороками воспитания и образования. Все это может вызывать затруднения социализации и, как следствие, потребность в алкоголе как в способе адаптации, хотя и очень несовершенной. Говоря о психологической типологии пьяниц, нельзя забывать про социальные факторы, которые могут влиять на проявление и реализацию психологических свойств⁶⁶.

Немцов правильно отмечает, что у постсоветского общества есть свой специфический вклад в потребность спиртного: развал СССР, перестройка и рыночные реформы разрушили привычное мировоззрение, лишили большую часть людей последних социальных иллюзий. Вместе с тем скоротечность перемен мешает сложиться новому мировоззрению, которое само по себе очень консервативно. К этому прибавились дина-

⁶⁶ Немцов А.В. Алкогольная история России. Новейший период. М., 2008. С. 153–153.

мизм социально-политических условий, нестабильность и непривычная бедность бытовой жизни многих миллионов людей рядом с вызывающим раздражение скороспелым богатством немногих⁶⁷.

Многие люди, оставаясь такими же бедными, как и при советской власти, лишились могучего Отца – советского государства, которое решало большинство их проблем от рождения до смерти. Они утратили привычный распорядок жизни, а немалая часть вместе с ним и работу, которая хотя и давала лишь минимальный достаток, создавала иллюзию причастности к жизни. Практически полное непонимание причин собственного жизненного неблагополучия – отсюда озлобленность, иногда крайняя, бессознательное стремление видеть причины в непосредственно воспринимаемых объектах, в людях своего микроокружения. Озлобленность порождает уход от психотравмирующей жизни, в том числе путем пьянства или приема наркотиков, в вербальную и физическую агрессию в отношении «виновников» своих неудач и провалов. Агрессор не отдает себе отчет в том, что «виновный» тоже представляет собой такую, как и он, жертву. Здесь для действующего субъекта главное – выпустить злобу, которая накапливалась у него много лет, возможно, даже с детства. Я заметил, что даже при разбойных нападениях, которые заканчивались убийством жертвы (или жертв), насилие очень часто было избыточным, оно не встречало сопротивления.

Исследуя роль алкоголизма, наркомании, наркотического и алкогольного опьянения как условий, способствующих совершению множественных убийств, необходимо сказать о психоаналитическом толковании алкоголизма и наркомании как бессознательном саморазрушении и стремлении к смерти, как хроническом самоубийстве, орудием которого выбран алкоголь или наркотики. Это отношение к своей смерти нередко проявляется и без психоанализа в виде прямых высказываний алкоголиков и наркоманов об их равнодушии к собственной судьбе и досрочной гибели. К тому же нередко алкоголики и наркоманы кончают жизнь самоубийством. Однажды я в исправительной колонии беседовал с осужденным за убийство

⁶⁷ Там же. С. 150.

любовницы к длительному сроку лишения свободы. В прошлом он был алкоголиком, но в колонии в результате лечения, а еще больше невозможности получить доступ к спиртному, вылечился, во всяком случае так диагностировали врачи, хотя и условно. Он сказал мне, что благодарен судьбе за то, что оказался в колонии, а то его давно бы уже не было в живых.

Если алкоголик или наркоман, желая того или нет, приближается к смерти, она, бесспорно, становится ему близкой, а очень часто еще и желанной. Такое отношение к ней значительно облегчает совершение убийств: если собственная жизнь обесценена, то обесценивается жизнь и других людей. Разумеется, это не универсальное правило, а то, что встречается достаточно часто.

Роль алкоголизма в совершении убийств вообще и множественных в частности заключается в том, что их совершению способствует алкогольное опьянение. Убийства совершаются, конечно, и в наркотическом опьянении, но необходимо иметь в виду не только наркоманию, но и наркотизм, т.е. незаконный оборот наркотиков, психотропных веществ либо их частей. Наркотизм уже давно представляет собой развитую преступную индустрию с огромными доходами и острой конкуренцией между различными бандами, участвующими в этом бизнесе. Вот эта конкуренция толкает их на уничтожение противников, равно как и тех, кто может помешать их криминальному бизнесу. Это, собственно, и есть организованная преступная деятельность, ее прямым следствием является увеличение наркотизации населения, ее доходы служат почвой для развития и постоянного воспроизводства организованной преступности.

7.3. Недостатки и упущения в деятельности по борьбе с организованной преступностью

Как я пытался показать выше, организованная преступность представляет собой весьма сложное явление и несет в себе прямую угрозу безопасности и ценностям общества. Повторю, что организованные преступные сообщества могут совершать множественные убийства чаще всего в следующих случаях:

- когда их члены совершают разбойные нападения, превращаясь, по существу, в банду;
- когда такие преступные образования расправляются со своими соперниками (конкурентами) или теми, кто отказывается им подчиняться, как это было в ноябре 2010 г. в станице Кушевской Краснодарского края. В этом случае превращение в банду вполне закономерно.

Между тем в деятельности по борьбе с организованной преступностью в нашей стране имеются серьезные недостатки и упущения. Прежде всего они имеются в самой организации этой деятельности: я имею в виду отсутствие в структуре органов внутренних дел соответствующей службы, которая занималась бы только работой по предупреждению преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами, по раскрытию и расследованию таких преступлений, изобличению виновных. Это весьма своеобразная деятельность, поскольку своеобразной и специфической является сама организованная преступная активность. Поэтому должностные лица правоохранительных органов, занятые в соответствующей сфере, должны обладать особыми навыками, знаниями и умениями. Однако их этому никто не обучает, обязанности по борьбе с организованной преступностью сейчас возложены на аппараты уголовного розыска.

Поэтому получается, что борьба с карманными кражами или уличными бандами приравнивается к работе по разоблачению преступных групп, действующих заодно и в одной связке с продажными чиновниками и политиками. Но ведь организованная преступность представляет собой характеристику особого качественного состояния и преступности, и общества в целом. Организованная преступность определенным образом сцепляет отдельные преступления, давая новые качественные образования, новую целостность по сравнению с другими видами преступности. Это не просто групповая преступность, это групповая преступность с обязательными признаками организованности, даже высокой организованности. Организованная преступность не сводима только к общеуголовной преступности или только к беловоротничковой — это сплав данных видов преступности плюс преступности политической и бизнес-элиты.

К сказанному следует добавить, что число зарегистрированных преступлений, совершенных организованными преступными формированиями, ежегодно составляет 42–45 тыс. При этом надо учитывать их очень высокий уровень латентности. По подсчетам специалистов, в России сейчас не менее 100 тыс. организованных преступников, из которых около 25 тыс. находятся в местах лишения свободы, и около 60 тыс. организованных преступных групп, из которых крупных – от 100 до 120.

Другая очень болезненная проблема – уязвимость со стороны гангстеров свидетелей и потерпевших, а также судей, следователей, экспертов, оперативных работников, иных сотрудников правоохранительных органов. Под уязвимостью я понимаю угрозы, исходящие от мафиозных групп, и угрозы, приведенные в исполнение. От этого напрямую зависят успехи в разоблачении конкретных преступных сообществ и противодействие организованной преступности в целом.

Таким образом, обеспечение безопасности участников уголовного правосудия является одним из важнейших условий эффективности борьбы с преступностью организованных сообществ. Нужно отметить, что такие же проблемы возникают и в других странах, где актуальна борьба с мафией. В Италии, например, погибло немало сотрудников правоохранительных органов, прежде чем удалось достичь первых успехов в преодолении организованной преступности.

В целом с сожалением можно констатировать, что в России еще не сложилась надежная система обеспечения безопасности участников уголовного правосудия. Впрочем, далеко не всегда нужно угрожать участникам правосудия или даже убивать их: очень часто гораздо проще их купить. Сращивание правоохранительных органов с преступниками – широко известный факт, и сращивание, конечно, происходит на базе коррупции, подкупа сотрудников этих органов. Последние могут брать взятки у любых преступников, но самые большие возможности у организованных сообществ, поскольку они самые богатые.

Многие исследователи склонны считать, что коррупция в правоохранительных органах является одной из главных причин неэффективности их деятельности. С этим мнением следует согласиться, уточнив, что наиболее опасны коррупционные связи с организованной преступностью, поскольку

они угрожают самим основам общества и государства. Если же в число преступных сообществ включать и террористические формирования с их возможностями захвата средств массового уничтожения, то при наличии их коррумпированных связей в политических сферах и правоохранительных органах они представляют прямую угрозу цивилизации в целом независимо от государственных границ.

7.4. Ненадлежащее реагирование на конфликты в семейно-бытовой сфере со стороны правоохранительных органов и общественных организаций

Здесь надо иметь в виду конфликты трех основных видов, которые возникают в указанной сфере и могут заканчиваться множественными убийствами:

- 1) между членами семьи;
- 2) между соседями;
- 3) между знакомыми, которые не являются ни членами семьи, ни соседями, но распивают вместе спиртные напитки.

Разумеется, конфликты могут быть смешанными, когда, например, в них вовлечены и члены семьи, и соседи, и посторонние.

Преступное насилие в семье и быту и его наиболее крайняя форма – убийство – распространены во всех слоях общества неравномерно. Они получают значительное распространение в отдельных регионах, где складывается тяжелая экономическая и нравственная ситуация, социальный разлад, где высока миграция населения, а также в тех слоях общества, которые отличаются низким уровнем культуры и материального достатка, где хамство, грубость и насилие носят повседневный характер, где культивируется пьянство и употребление спиртных напитков начинается с 12–13 лет, с этого же возраста вступают в сексуальные контакты и т.д., одним словом, в тех слоях, которые «поставляют» наибольшее количество преступников, проституток, бродяг и попрошайек, других маргинальных личностей.

Грубое насилие в семье обычно длится годами, о нем знают очень многие – соседи, знакомые, родственники, сотрудники правоохранительных органов, представители общественных организаций и т.д. Но тем не менее далеко не всегда можно избежать убийств одного или нескольких человек. Для этого есть ряд причин:

- полиция, прокуратура и суд часто достаточно активны в выявлении и пресечении конфликтов, а иногда просто не принимают никаких мер;
- конфликтующие стороны невозможно развести территориально (например, нельзя предоставить другое жилье мужу или жене);
- не выявляются, даже при участии профессиональных психологов (психотерапевтов), подлинные причины конфликтов между соседями или в семье, между супругами или между супругами и детьми;
- не принимаются действенные меры в отношении тех конфликтов, причины которых стали известны;
- отсутствует специальный нормативный акт, который регламентировал бы вопросы борьбы с насилием, в первую очередь с убийствами, в семье – в частности, предусматривал бы порядок выявления и постановки на учет лиц, систематически нарушающих общепринятые правила поведения в семье, а также потенциальных жертв, которые своими действиями, часто аморальными и даже противоправными, способствуют созданию криминогенных ситуаций.

Такой акт также должен предусматривать планирование и осуществление профилактических мероприятий, контроль за их исполнением, а также участие различных служб и общественных организаций в профилактической деятельности.

В сравнительно небольшом количестве городов и иных населенных пунктах имеются специальные службы помощи семье. Эти службы должны состоять из психологов, врачей, психотерапевтов, юристов, социальных работников и организовываться в каждом или почти каждом городе, районе города или на селе.

Отсутствует общая тактика и методика проведения основной профилактической меры – беседы, а также иных предупредительных мероприятий, не предусмотрены варианты использо-

вания возможностей трудовых коллективов и иных общественных формирований на данном участке деятельности, а также церкви. Вопросы профилактики указанной группы преступлений далеко не всегда включаются в программу обучения сотрудников органов внутренних дел. Не организовано обучение и представителей общественных организаций с учетом их возможностей и квалификации. Разумеется, это особенно актуально в отношении тех, кто участвует в профилактике правонарушений в быту.

7.5. Недостаточная психиатрическая помощь лицам, которые могут совершить множественные убийства

Выше уже упоминалось о том, что среди виновных в множественных убийствах немало тех, у кого имеются психические расстройства в рамках вменяемости, — таких лиц свыше 70%.

Правовое регулирование психиатрической помощи населению оставляет желать лучшего. Необходимо прежде всего более четко определить основания и пределы психиатрического вмешательства со стороны правоохранительных органов и медицинских учреждений, их взаимодействие. Например, психиатрическое освидетельствование возможно при наличии подозрения на острое психическое расстройство или при необходимости активного лечения у врача-психиатра. Однако в некоторых случаях такая необходимость возникает, когда психическое нарушение не требует активного лечения (например, при олигофрении), но имеются проявления антиобщественного характера. Существенная проблема возникает и с психиатрическим наблюдением за несовершеннолетними вследствие неприятия мер родителями.

Я полагаю, что если существует реальная угроза совершения противоправных действий со стороны одного из членов семьи, имеющего психические расстройства, аномалии или патологию влечения (парафилии), то он может быть подвергнут принудительному лечению. Если человек не хочет лечиться от гриппа — это его дело, но если он, имея патологию психики, отказывается принимать медицинскую по-

мощь, хотя склонен к социально опасному поведению, то думается, было бы оправданно принятие принудительных медицинских превентивных мер. Такие принудительные меры должны быть осуществлены и в отношении лиц, которые отбывают наказание за насильственные преступления, при наличии психических расстройств либо парафилий, которые уже сыграли криминогенную роль в их преступном поведении. Необходимо думать о правах не только преступников и опасных для людей психически больных, но и тех, кто может стать их жертвами.

Указанные проблемы еще не нашли детального отражения в соответствующем законе, регулирующем оказание психиатрической помощи. Кроме того, в данном законе, на мой взгляд, нужно шире регламентировать механизм взаимодействия медицинских учреждений и правоохранительных органов, особенно органов внутренних дел. С целью предотвращения нарушений прав человека с чьей бы то ни было стороны данный закон должен четко обозначить субъектов этих отношений и соответственно регламентировать их права и обязанности.

Наличие психических аномалий является одним из важных криминогенных факторов. Разумеется, сами психические аномалии непосредственно не определяют совершение убийств членов семьи и не могут выступать в качестве мотивов преступлений. Между тем они способствуют нарушению регуляции поведения личности, затрудняют ее ориентировку в субъективно сложной ситуации, в которой трудно разобраться даже относительно здоровому человеку. У лиц с психическими аномалиями выражены эмоциональная неустойчивость, неуравновешенность, существенно снижены возможности самоконтроля и социальной адаптации.

В этой связи наличие психических аномалий существенно затрудняет усвоение субъектом нравственных и правовых норм, препятствует адекватному восприятию и оценке складывающихся жизненных ситуаций, отражаясь на способах их разрешения, и в конечном счете оказывает значительное влияние на формирование мотивов и само преступное поведение. В местах лишения свободы психические аномалии препятствуют

эффективному воспитательному воздействию на осужденных. Преступники, у которых имеются расстройства психической деятельности, представляют собой особый тип личности с характерными для него поведением и образом жизни. Поэтому есть основания утверждать, что к специальным мерам предупреждения рассматриваемых преступлений вполне может быть отнесена целенаправленная работа с контингентом лиц, имеющих психические аномалии.

Еще не выработан эффективный механизм взаимодействия органов здравоохранения и органов внутренних дел, который может быть представлен в виде организации согласованных учетов лиц, имеющих психические аномалии, взаимообмена информацией по ним, согласованных совместных мероприятий, соответствующих профилю деятельности каждого органа, направленных на индивидуальное воздействие на конкретную личность, регулярного подведения итогов такого взаимодействия в рабочих контактах.

Недооценивается крайне необходимое участие в индивидуально-профилактической работе с осужденными в местах лишения свободы врачей-психиатров. Особенно это касается несовершеннолетних в местах лишения свободы и осужденных в исправительных учреждениях строгого и особого режимов, где доля аномальных личностей особенно велика.

Трудности, возникающие в индивидуальной профилактике, имеют объективную основу. Прежде всего это объясняется тем, что в органах внутренних дел крайне недостаточно специалистов, которые на высоком профессиональном уровне, с использованием психологических знаний и методов могли бы осуществить индивидуально-профилактическое воздействие. В этой связи целесообразно ввести их в штаты врачей-психиатров и психологов, которые могли бы заниматься не только освидетельствованием лиц, представляющих интерес для органов внутренних дел, но и наблюдением за ними, динамикой их поведения и, в случае необходимости, его коррегированием. Более того, такие специалисты могли бы оказать действенную помощь и в раскрытии преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема настоящей книги – величайшее зло, природу и причины которого надо не только познать, но и эффективно предупредить. В первую очередь необходимо гуманизировать нравы, сделать жизнь человеческой, по возможности ослабить ее злокачественные потенциалы, преодолеть огрубление нравов во многих социальных слоях и группах. Высокий уровень зла, когда убивают даже детей, говорит о болезненных процессах, затронувших различные сферы нашей жизни, о великом множестве конфликтов, больших и малых, которые разрешаются столь варварскими способами, о душевных недугах, поразивших стольких людей, об их чудовищном бессердечии, о грубейших просчетах в этическом воспитании, а во многих случаях попросту и об отсутствии такого воспитания.

В сочетании с экономическим кризисом и социальной напряженностью это порождает у человека ощущение незащищенности, хрупкости существования, он постоянно испытывает страхи, беспокойство и неуверенность, окружающий мир внушает тревогу, и от него ожидается нападение. Отсюда и проистекает агрессия как форма защиты от реальной или надуманной угрозы, причем эта защита становится постоянной позицией личности.

В этой связи я хотел бы еще раз обратить внимание на следующее исключительное, на мой взгляд, обстоятельство: насилие всегда мотивируется потребностью защиты от сознательно или бессознательно ощущаемой угрозы своей безопасности, социальному или биологическому статусу, своей «Я-концепции», самопрियाтию. Так, по-моему, происходит всегда и во всех странах, однако в годы острых социальных кризисов субъективно ощущаемая опасность резко возрастает, она начинает плотно окружать человека и теснить его. Именно таков механизм перехода объективного в субъективное, общественных невзгод и потрясений в сугубо личностное. Для каждого конкретного факта насилия, в том числе криминального, не имеет значения,

действительно ли угрожающий фактор имел место в среде — главное, чтобы он ощущался таковым самой личностью. Он для нее несомненная реальность, с чем надо считаться и нам, имея в виду уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, розыскные, пенитенциарные и профилактические задачи. Почти во всех случаях опасность ощущается со стороны социального окружения, как его порождение, и в очень редких случаях как продукт собственных действий или переживаний.

Высокий уровень насилия в настоящее время есть следствие переходного периода, глубокого и всестороннего кризиса бывшего советского общества, распада, ликвидации или значительного ослабления традиционных социальных институтов и ценностей.

Высокая тревожность людей порождена не только недостижимостью многих материальных и иных благ, за которые так часто нужно яростно бороться, в том числе жестокими методами, но и недостатком обыкновенной порядочности, высоким напряжением в отношениях между людьми, их измотанностью, что опять-таки связано с этой борьбой. Конечно, жизненные блага для многих наших граждан недостижимы и потому, что они попросту не умеют работать. Поэтому пытаются захватить их путем насилия.

Человек, который постоянно ощущает угрозу своему существованию и держит круговую оборону, обычно становится безжалостным к другим. В этом тоже можно видеть причину поразительной жестокости преступников, что проявляется и в действиях мафиозных групп, и в убийствах близких родственников и членов семьи, и в нападениях на случайных прохожих. Причем между всеми этими сферами насилия имеется несомненная связь, в первую очередь социально-психологическая и этическая, поскольку они активно питают друг друга. Те, например, которые пополняют ряды организованных преступников, в детские и юношеские годы часто бывали объектом родительской агрессии, в том числе скрытой, осознать которую они обычно были не в состоянии, но она навсегда впечаталась в их психику.

Другое тревожное обстоятельство — растущее и отнюдь не бесосновательное неверие представителей некоторых социальных групп (например, из числа низших социальных слоев,

вынужденных мигрантов) в возможность изменения жизни к лучшему, апатия, пессимизм, утрата привычных моральных и идеологических ориентиров, особенно среди молодежи. Сейчас стало мерилом житейской мудрости совершенно безосновательное утверждение, что все люди только гонятся за материальными благами и поэтому применение насилия в этих делах вполне оправданно.

Утрата некоторыми лицами надежды на возможность изменения жизни к лучшему одним из своих последствий имеет мракобесие, религиозный фанатизм, уход в мистику и магию, возвращение примитивных верований, с которыми человечество, казалось бы, давно рассталось. Агрессивная природа многих из названных явлений давно известна, особенно когда они переплетаются с межнациональными конфликтами. Множится число религиозных сект, они набирают силу, их опасность ни в коем случае нельзя преуменьшать. В одном ряду с этими явлениями стоит исламский традиционализм с его нетерпимостью и готовностью к насилию, что обуславливает не только подавление личности в семейно-бытовой сфере, но и межнациональные конфликты и террористические акты.

Нынешняя общесоциальная ситуация в посткоммунистическом обществе дала выход дремлющей в глубинах человеческой психики и сдерживаемой цивилизацией потребности в разрушении. Поэтому сейчас стали чаще убивать ради самого убийства, а не только и не столько из корыстных соображений. Наемные убийства на глубинном бессознательном уровне мотивируются не только абсолютным отчуждением личности убийц, но и глобальной тенденцией к деструктивности. Получение денег за убийство, террористический акт или наемничество для участия в локальной войне лишь внешняя, рационально объяснимая сторона кровавой агрессии, за которой прячется указанная тенденция. Некрофильские натуры только в уничтожении другого находят решение своих сугубо личностных и обычно травматичных для себя проблем, среди которых ведущее место занимает потребность в самоутверждении, самопрियाтии, обретении своей целостности и значимости. Это то, что вызывает у них неведомое остальным тайное

наслаждение, сладостный и вожделенный трепет, и в момент убийства они живут наиболее полной жизнью. Такое состояние во многих случаях представляет собой экстаз, в основном не охватываемый сознанием.

Кроме названных, эту мощную и страшную группу насильственных преступников-некрофилов составляют сексуальные убийцы, разбойники и вымогатели, пытающие и убивающие своих жертв, бытовые убийцы, которые очень часто уничтожают не только объект своей непосредственной ненависти, например жену, но и других окружающих, в том числе родителей, детей, даже соседей. Одним словом, все те, для которых главным врагом является сама жизнь, все те, для которых разрушение представляет собой единственный способ решения их основных и наиболее болезненных проблем. Они живут в состоянии хронической ненависти и неприятия мира; ненависть и особенно вспышки гнева у них — это концентрация отрицательной энергии и колоссальная целеустремленность личности, все силы которых направлены на то, чтобы разрушать.

Конечно, среди насильственных преступников, совершающих множественные убийства, далеко не всех можно считать некрофилами. В числе насильников и даже убийц немало тех, которые отнюдь не ощущают насилие в качестве единственной возможности выхода из своей жизненной ситуации. Не случайно, что как раз такие преступники чаще других искренне раскаиваются в содеянном.

Нет оснований надеяться на то, что, как только сегодняшние наши материальные и духовные проблемы будут решены, наступит полное нравственное и криминологическое благополучие. Это совсем не так, поскольку преступность, и в частности преступное насилие, вечны, а вечны они потому, что всегда сохраняются питающие их источники. В обществе, как известно, всегда будут отдельные люди или группы, недовольные своим существованием, своим статусом, материальной обеспеченностью, перспективами для себя и своих детей и т.д. Правовое, демократическое государство способно лишь удерживать социальную агрессию в каких-то пределах и не более того. Убийства, в том числе множественные и массовые, будут все равно там совершаться — новейшая история более чем доказательно убеждает в этом.

С какой бы глубиной мы не исследовали действительность, порождающую кровавое насилие, какие бы меры не принимали для того, чтобы предупредить ее нежелательное влияние на человека, не следует забывать, что субъективные причины «находятся» в нем самом. Он может не знать, почему поступает так или каковы мотивы его поведения, но обязан понимать, если вменяем, что его поступки строжайше запрещены. Поэтому считаю вопросы уголовной ответственности за множественные преступления весьма актуальными. Хотел бы высказать по этому поводу такие соображения.

1. Убийство трех и более человек независимо от того, есть ли иные отягчающие обстоятельства, должно караться пожизненным заключением. Осужденный за такие преступления не может быть помилован или освобожден условно досрочно.

2. Пожизненным лишением свободы должны караться те, которые в третий раз осуждаются за убийство при отягчающих обстоятельствах, при этом не должно иметь значения, сняты или нет судимости в связи с прежними осуждениями.

3. Внести в перечень отягчающих обстоятельств – ч. III ст. 105 УК РФ пункт «н» – «совершенное лицом, ранее осуждавшимся за убийство при отягчающих обстоятельствах (независимо оттого, снята либо погашена судимость)».

Значительное число тех, которые лишают жизни людей, признаются невменяемыми и, следовательно, не подлежат уголовной ответственности. Однако их общественная опасность остается высокой, поскольку они могут совершить новое убийство еще в психиатрическом стационаре или после выхода из него. Между тем известны случаи, когда освобожденные из стационара лица вновь совершали два и даже три убийства. Это означает, что их освобождали оттуда без достаточных на то оснований, тем более что есть такие психические болезни, которые не поддаются излечению, поэтому предлагаю всех тех, которые совершили два и более убийства при отягчающих обстоятельствах и были признаны невменяемыми, помещать в психиатрические стационары пожизненно.

Научное издание

Антонян Юрий Миронович

**МНОЖЕСТВЕННЫЕ УБИЙСТВА:
ПРИРОДА И ПРИЧИНЫ**

Монография

Редактор *Е.В. Комарова*
Корректор *Ю.Г. Слизун*
Компьютерная верстка *А.М. Моисеева*
Оформление *Е.В. Беспрозванная*

Подписано в печать 07.02.12. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 5,5.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательская группа «Логос»
123104, Москва, Б. Палашевский пер., д. 9, стр. 1

По вопросам приобретения литературы обращаться по адресу:

Издательская группа «Логос»

111024, г. Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31, офис 305

Справки по тел.: (495) 645-89-24, 642-59-89

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте www.logosbook.ru